М.В.Богуславский

XX век Российского образования

Per Se
Москва
2002

УДК 37.0
ББК 74.00
Б73

Богуславский М.В.
Б73 XX век российского образования. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 336 с.

ISBN 5-9292-0078-5

В книге в яркой, увлекательной форме последовательно год за годом, десятилетие за десятилетием представлена история отечественного образования XX века. По каждому году определены высказывание, личность и образовательное учреждение, в наибольшей мере отражающие ход истории российской школы и педагогики. В результате складывается целостное представление об основных тенденциях развития отечественного образования на протяжении XX столетия, его наиболее значимых достижениях, судьбах подвижников российской педагогики и психологии. Книга адресована российскому учительству. Она с успехом может быть использована преподавателями и студентами педагогических вузов и колледжей в качестве учебного пособия.

ISBN 5-9292-0078-5

© М.В. Богуславский, 2002
© ПЕР СЭ, оригинал-макет, оформление, 2002

1900-1909

Контекст

Сложная социальная, экономическая, а особенно политическая атмосфера, сложившаяся в России в начале XX века, в значительной мере сказывалась на развитии образования.

Ключевым словом было понятие «модернизация». В принципе ее добивались все политические силы, но вкладывали в это понятие различный смысл.

Не подвергалась сомнению необходимость ускоренного развития отечественной промышленности, познавшей уже первые горькие уроки кризиса. А значит, возрастала потребность в усилении прагматической, технологической направленности содержания образования.

Вместе с тем развитие экономики толкало вперед политическую жизнь. Причем одни хотели с помощью школы задержать революционные и демократические процессы, «подморозить» Россию. Другие же видели в детях «работников будущего» и стремились максимально развить в них гражданские качества.

Мощные и глубокие поиски в сфере духовной культуры были обусловлены нарастающим по мере индустриализации дискурсом к отчуждению: личности — от производства, от общества, людей — друг от друга.

И все же, несмотря на острые социальные катаклизмы (первая революция, русско-японская война), это десятилетие оказалось самым стабильным в первой половине XX века. Стабильной осталась и система образования.

Образовательная политика

Собственно образовательной политики у императора Николая II не было. Более того, под образованием он понимал воспитание, а под воспитанием — такой процесс, в результате которого и студенты, и гимназисты жили и поступали как добродетельные православные люди, хранители трона. Поэтому главным критерием результативности системы образования для императора был один: участвуют или не участвуют массы студентов и гимназистов в антиправительственных выступлениях. Именно при помощи этого «магического кристалла» он оценивал состояние просвещения.

Потому все министры народного просвещения, чередой сменявшие друг друга в первое десятилетие, заранее оказывались обреченными на заклание. Ведь они прекрасно понимали, что реформы необходимы. И каждый из них в силу своих возможностей и отпущенного министерского срока предпринимал попытки осуществить преобразования. Другое дело, что все они носили верхушечный характер и в основном касались уменьшения преподавания древних языков в гимназиях.

Однако с неизбежностью падающего ножа гильотины даже эти робкие попытки в условиях острого социального кризиса середины десятилетия воспринимались как фактор, дестабилизирующий систему образования и порождающий выступления учащейся молодежи.

Между императором и министрами образования не налаживался конструктивный диалог. Николай II требовал одного — прекратить беспорядки в подведомственных им учреждениях. А министры в ответ предлагали перебросить два часа с латыни и греческого на математику и физику.

Идеи

Начало XX века — это время усвоения российским образованием глобальных педагогических идей. Речь идет в первую очередь о педоцентризме — развороте образовательного процесса в сторону ребенка — солнца, вокруг которого должны были в соответствии с его интересами и потребностями вращаться учителя, предметы, учебный план. Одновременно происходило и проникновение комплекса психолого-педагогических знаний, интегрированных тогда в новую и очень модную дисциплину «педологию», или науку о ребенке.

Другим мощным импульсом, стимулировавшим развитие отечественной педагогики, стала пришедшая из Германии и Америки парадигма трудовой школы. Идеи активно-деятельностного участия школьника в разнообразной познавательной деятельности, акцент на самостоятельное добывание и применение знаний, связь интеллектуального, физического и эстетического труда будоражили педагогическую мысль.

Заметим, что все эти, да и другие инновационные образовательные идеи пали в России на благоприятную, подготовленную почву. Напряженный интерес к личности ребенка, стремление познать его во всех проявлениях, гуманизировать отношения наставника и питомца были свойственны корневым основам российской педагогики.

Судьбы

В первое десятилетие XX века на авансцене еще действовала «старая гвардия» отечественных педагогов и просветителей. Это были те, чей основной мировоззренческий капитал сформировался в 80-90-е годы и в дальнейшем уже мало менялся.

Главную роль играли такие корифеи, как Толстой, Каптерев, Вахтеров, Стоюнин. Они выражали гуманистические и демократические идеи. Их голос был исключительно авторитетен среди учительства.

Другим направлением, и тоже авторитетным в своей «епархии», были выразители идей православной педагогики: Победоносцев, Анастасиев, Демков.

Однако все активнее заявляли о себе и те, кто действовал вне официальной школы и педагогики, будоражил общественную мысль, выдвигал максималистские требования. Как всегда, это были не профессиональные педагоги, которые и в школе-то, собственно говоря, никогда не работали, — такие, как Вентцель и Шацкий. Но они смело выдвигали идеи свободного воспитания, призывали к созданию гуманной атмосферы, в которой могли бы проявляться и развиваться заложенные от природы таланты и склонности учащихся.

Но, несмотря на наличие в педагогической атмосфере различных, причем достаточно противоположных направлений, все же основные дискуссии на страницах педагогических журналов и книг не выходили за гимназические рамки. В их центре находились такие проблемы, как стимулирование познавательной активности школьников, форсирование у них способности к длительной самостоятельной деятельности, и особенно воли — как качества, которое обеспечивает осознанное участие ребенка в учебном процессе.

Школы

В это время заявили о себе, пожалуй, все основные виды образовательных учреждений. Наряду с традиционными — гимназиями, лицеями, прогимназиями, начальными училищами, земскими и церковно-приходскими школами, начинают возникать школы нового типа. В первую очередь это частные гимназии, строящиеся, как правило, по образцу английских привилегированных школ, где детей учили не только двум-трем языкам и комплексу естественнонаучных знаний, но и прививали им навыки гигиены, вос-

питывали любовь к физическому труду. Здесь стремились выращивать будущих хозяев жизни — образованных помещиков, капиталистов, которые должны были в дальнейшем способствовать прогрессу России.

Другой характерной особенностью являлось развитие учреждений, как сейчас сказали бы, дополнительного образования. Это были своеобразные социально-педагогические комплексы, где на основе самоуправления действовали различные кружки, мастерские. Разумеется, их было немного.

В целом система образования России первого десятилетия напоминает предприятие, где наряду с самыми современными технологиями существуют архаичные производства. Впрочем, и здесь все не так однозначно. В свое время множество критических стрел было направлено в адрес церковно-приходских школ, дававших за один-два класса элементарное образование, но уделявших львиную долю времени изучению Закона Божьего, молитв, обрядов. Однако, если взглянуть на это непредвзято, то совершенно очевидно, что церковно-приходская школа выполняла свою важнейшую роль, которая заключалась в укоренении личности в окружающем социуме. Ведь без знания процедуры и сущности религиозных обрядов человек не мог чувствовать себя субъектом происходящего в церкви — единственном тогда в деревне культурном учреждении.

Наследие

Начало века скорее поставило вопросы, которые в дальнейшем будут определять развитие российского образования, чем ответило на них. У современников тоже было глубокое чувство неудовлетворенности от происходящего в средней школе. Вообще в ее оценке есть какое-то глубинное противоречие. Были написаны сотни страниц публицистических и мемуарных статей и книг, где образовательные учреждения этого времени показывались исключительно как «школьные тюрьмы», где царил дух подавления детской личности, широко применялось насилие, процветали бездушный формализм и репродуктивность. Установка делалась на зубрежку. Совершенно не учитывались индивидуальные особенности и возможности, потребности гимназистов. К ним ко всем подходили с одинаковым и достаточно жестким шаблоном. У нас нет оснований не верить всем этим статьям и воспоминаниям.

Но несомненно и другое: тот мощнейший культурный, образовательный потенциал, который несла в себе школа начала века, по сути будет питать всю русскую культуру, ее лучших представителей

на протяжении последующих десятков лет. Люди, которые успеют окончить классическую гимназию до революции, затем будут выглядеть настоящими титанами культуры. Они будут свободно знать два-три языка, прекрасно разбираться в мировой и отечественной литературе. Конечно, судьба гимназистов начала XX века в 20-40-е гг. в СССР сложится непросто. Уделом наиболее счастливых станет работа переводчика, редактора. Разумеется, тех, кто уцелеет...

Уроки

Воистину: что имеем — не ценим, потерявши — плачем. Сейчас гимназическое, да и в целом общее среднее образование в России начала XX века представляется как достаточно стабильная и счастливая страница истории отечественного просвещения.

Но как раз эта-то стабильность и воспринималась современниками как чуть ли не самое главное зло.

Традиция не ощущалась как благо, в ней искали лишь отрицательные самодержавно-православно-охранительные черты. И наоборот, в инновациях, а по сути — в дестабилизации образовательного процесса видели желательное направление развития.

Основной акцент прогрессивная педагогическая общественность делала на пробуждение у школьников оппозиционных чувств, формирование гражданской позиции. Все это осуществлялось через привлечение внимания к определенным сюжетам русской истории, страницам отечественной литературы, где всегда проливалось много слез о «страждущем русском народе».

Так, внешне выступая против втягивания школьников в политику, преподаватели из лучших чувств готовили будущих революционеров, которые в последующее десятилетие круто раскачают и повернут не только корабль российской государственности, но и ладью отечественного образования.

1900

«Отдельные лица педагогического мира, преимущественно в наиболее крупных центрах, встретят реформу с живою радостью; но нет никакого сомнения, что педагогическая масса, особенно провинциальная, не выразит ей желательного сочувствия, так как этой массе и теперь сравнительно хорошо и спокойно на тинном ложе школьной рутины. Если реформа будет действительно капитальной, то она потребует от самих учителей много нравственной и умственной работы, отказа от привычных норм и форм и поэтому, конечно, многими будет встречена с глухим неодобрением».

П. Головачев

П.Ф. Каптерев

Сейчас, когда закончилось XX столетие, становится отчетливо ясно, что П.Ф. Каптерев (1849-1922) — одна из наиболее крупных величин отечественного просвещения. Вся его более чем полувековая педагогическая деятельность — это беззаветное служение России, школе, учительству и детям.

Получив образование в Московской духовной академии (он был сыном сельского священника), Каптерев почти всю свою дальнейшую жизнь связал с Петербургом. Все, за что брался Петр Федорович, он делал капитально, по сути создав российскую педагогическую науку. Каптерев заложил в основание отечественной педагогики свои фундаментальные труды «Педагогическая психология», «Педагогический процесс», «Дидактические очерки», «История русской педагогии». Все они — новаторские для своего времени — и сегодня входят в золотой фонд отечественной педагогической мысли.

Поражает широта проблематики его творчества. Вот названия некоторых публикаций 1900 года: «Значение христианства в постановке первоначального воспитания, «Характерные черты среднего образования в Англии», «Трагизм судьбы Гоголя», «О детской лжи», «Ответственность родителей перед детьми».

Но есть тема, которая красной нитью проходит через все творчество Каптерева, — семейное воспитание. Он редактирует многотомную (57 выпусков) энциклопедию семейного воспитания, не имеющую аналогов ни в России, ни за рубежом. Под его редакцией выходит журнал для родителей «Воспитание и обучение», он ак-

тивно участвует в работе родительского кружка при Педагогическом музее. Основная цель всей этой многогранной деятельности педагога — вовлечь отцов и матерей в гуманное воспитание детей, дать им необходимые психологические познания, объяснить, что на самом деле стоит за детскими ложью, страхом, мужеством, подражательностью, радостями и печалями, играми и развлечениями.

Обнаженным нервом для Каптерева всегда являлось тяжелое положение русского учителя и народной школы. Он стоял у истоков общественного педагогического движения, был редактором и сотрудником ряда журналов, активным участником педагогических съездов, много выступал перед учителями. Долгое время его голос не был слышен властями. Но именно Каптереву в 1915 году министр народного просвещения П.Н. Игнатьев поручил возглавить «мозговой центр» подготовки реформы образования. И то, что в итоге коллективом ученых и практиков были созданы лучшие в отечественной педагогике материалы по реформе образования, — его весомая заслуга.

С радостью восприняв Февральскую революцию, он настороженно встретил Октябрьскую. В 1921 году Каптерев публикует пронзительную статью «Педагогика и политика». Это смело, страстно и убежденно высказанный призыв ни в коем случае не превращать учителей и учащихся в разменную монету в политической игре, а школу — в механизм осуществления идеологической диктатуры. В этой последней статье-завещании Каптерев развивает центральную для него идею, своеобразное кредо: педагогический процесс должен быть автономным, то есть свободным от каких бы то ни было влияний извне.

Этой статьи П.Ф. Каптереву советская власть так и не смогла простить. До 1980-х годов его работы не переиздавались, о педагогических идеях если и писали, то как бы сквозь зубы, не забывая подчеркивать, что он выражал «хорошо знакомые, типичные для буржуазной педагогики антинаучные теории аполитичности воспитания».

Школа Е.С. Левицкой

В 1900 году в российском образовании появилось учебное заведение, которое уже самим названием подчеркивало свою инновационность — «новая школа».

Такие школы в конце XIX века были созданы уже во многих странах Европы, а в России пока не было. Е.С. Левицкая (кстати, внучка известного писателя и историка Н.А. Полевого), побывав в Англии, Франции и Германии, устроила первую новую школу в Царском Селе.

Сначала это была совсем крохотная школка — 6 воспитанников (3 мальчика и 3 девочки). Такой подбор был не случаен, ведь средних образовательных учебных заведений с совместным обучением в России тогда не существовало.

Конечно, это была элитарная школа — с небольшим числом питомцев и очень высокой платой за обучение. На 46 учеников в восьми классах приходилось 34 преподавателя. Но для нас важно не это. Главное, что здесь впервые в России воплощалась в жизнь прекрасная идея о гармоничном развитии детей на природе (школа располагалась в красивой загородной местности), в органичном единении умственного, физического и нравственного воспитания.

Сама школа была построена по домашнему образцу. Вместо скучных книжных занятий и зубрежки всевозможные интересные формы работы: игры, экскурсии, беседы. Большое место отводилось самостоятельной познавательной деятельности учащихся. При этом акцент делался на применение полученных знаний — на уроках труда, в школьных мастерских, во время полевых и садовых работ (на 50 десятинах земли располагались ферма с собственными коровами, сад, огород).

Главная цель школы Левицкой состояла в подготовке будущих хозяев большого дома, предприятия, страны. Для этого в школе существовало разветвленное самоуправление, действовали многочисленные клубы и даже товарищеский суд. Дети выполняли разнообразные поручения, занимались самообслуживанием. В их распоряжении имелись карманные деньги, и они учились рачительно их тратить. Для непослушных предусматривалась система наказаний, вплоть до карцера.

Перенеся на русскую почву передовую западную модель, Е.С. Левицкая создала по сути первое образовательное учебное заведение интернатного типа, где достигалась высокая результативность педагогической деятельности.

1901

«Самый страшный враг педагогического дела — рутина. Опыт, однако, показал нам одно, могущее быть утешением в данном случае, а именно: очень часто педагоги, патентованные и стоящие почему-либо на виду учебные заведения бывают заражены рутиной, и наоборот: отсутствие ее приходится встречать порой в самых незаметных, ничем не прославленных школах. В захолустье России, в бедных сельских школах приходилось нам встречать людей, глубоко понимающих свои задачи, и среди учителей и учительниц, едва пробивавшихся частными уроками, идейных и сознательных, развитых деятелей».

О. Кайданова

В.В. Розанов

Пожалуй, самой причудливой, таинственной и иррациональной фигурой в отечественном образовании начала XX века был В.В. Розанов (1856-1919).

Главная его педагогическая книга с характерным для писателя и мыслителя названием «Сумерки просвещения» вышла в 1899 году и сразу оказалась в эпицентре споров и дискуссий, захвативших первые годы наступившего столетия. А сама личность Розанова привлекла пристальное внимание педагогической общественности.

Перечитывая сейчас составившие эту книгу статьи с символичными названиями: «Семья как истинная школа», «Педагогические трафаретки», «Беспочвенность русской школы», обжигаешься мыслью: как же мало воплощено в российском образовании XX века из тех насущных задач, которые резко и определенно выдвинул В.В. Розанов.

Из воспоминаний о годах обучения в гимназии и университете, собственного десятилетнего опыта учительства Василий Васильевич вынес горькую и страстную убежденность в абсолютной порочности существовавшей тогда в России школы.

В своих мастерски написанных статьях Розанов действительно по-максималистски беспощадно осудил, конечно, далеко не худшую систему образования, существовавшую тогда в России. И не какие-то детали — перегрузку учащихся, отсутствие совместного обучения — нет, он отвергал школьное обучение целиком.

Большим, даже решающим его недостатком мыслитель считал

отсутствие в отечественной педагогике философии национального образования и воспитания. А без этого, по его мнению, все остальное становилось бессмысленным. Можно было бесконечно спорить о том, какой предмет, в каком объеме и как изучать, но от этого русская школа не избавлялась от главной беды — беспочвенности.

Наряду с отстаиванием, как бы сейчас сказали, культуросообразного образования Розанов решительно выступал за его развивающий и личностно ориентированный характер. По его убеждению, весь процесс обучения должен быть насыщен поисковой, опытнической, исследовательской деятельностью школьников, сопровождаться их яркими и высокими эмоциональными переживаниями от поиска истины и вызванных этим «озарений и просветлении».

Судьба самого В. В. Розанова была достаточно тяжелой. Остро переживаемое интеллектуальное одиночество в провинциальной глуши, постоянные материальные трудности, резкая критика современников, и не только махровых реакционеров, но и передовых деятелей культуры...

Умер писатель и мыслитель в Сергиевом Посаде в гражданскую войну от голода, холода и бесприютности, оставив в наследство свои блестящие по литературному уровню и глубокие по содержанию статьи и книги, написанные, как он отмечал, «сострадающим сердцем».

Медведниковская гимназия

Одним из лучших учебных заведений дореволюционной России была московская гимназия им. И. и А. Медведниковых. Ее учредители хотели дать русскому обществу школу, соответствующую «давнишним затаенным желаниям отцов и матерей, духу времени, укладу современной жизни и требованиям педагогической науки».

Здание школы было заложено в сентябре 1901 года и закончено в январе 1904 года. Архитектору-художнику И. Кузнецову удалось создать уникальное сооружение «в одной из самых тихих и наиболее чистых частей столицы, близ Арбата» с площадью земли при нем около 4000 кв. м. Постройка и оборудование гимназии по последнему слову педагогической мысли обошлись меценатам в 1 млн. рублей. Все материалы для сооружения здания доставлялись лучшими московскими фирмами, работы сдавались подрядчику «по самому строгому выбору».

Грандиозное здание гимназии вышло солидным, прочным, удобным и вместе с тем уютным и красивым. Помещения были полны света и воздуха: обширные залы и коридоры, высокие потолки, удобные, прекрасно приспособленные аудитории и библиотека, редкая по своему действию вентиляция, в течение часа трижды менявшая воздух и поддерживавшая в классах до и после уроков неизменную температуру и отличное качество воздуха.

Под стать зданию были и основы, на которых строилась жизнь гимназии. Ее директор В.П. Недачин и педагоги стремились к тому, чтобы из их школы «выходили здоровые и просвещенные люди, с ясными нравственными и научными идеалами, исполненные добра, правды, возвышенных чувств, благородных стремлений, понимающие цель жизни как служение на благо другим».

Преподаватели были убеждены, что любовь к гимназии достигается сердечным обращением, тесной близостью с воспитанниками, пониманием их желаний, запросов и интересов. Научные познания, получаемые в школе, способствовали созданию «просвещенного человека в самом широком смысле этого слова».

Другой основой жизни гимназии Медведниковых являлось тесное содружество школы и семьи, которые старались всячески сблизиться и создать связанное одними интересами общество.

Интересно, что традиции Медведниковской гимназии не оборвались после революции. Ее директор В.П. Недачин создал в начале 20-х годов русскую гимназию в Париже, которая по праву считалась лучшим образовательным учреждением в русском зарубежье.

1902

«Все признаки, накопившиеся еще в конце девятнадцатого века, говорят за то, что настоящее столетие будет столетием «педагогическим», то есть что вопросы о целесообразной культуре человеческих поколений, о рациональном воспитании ребенка, о радикальном оздоровлении материальных и духовных основ общества займут самое почетное место в ряду других проблем».

Е. Лозинский

П.А. Кропоткин

Теоретик анархизма, ученый и путешественник П.А. Кропоткин (1842-1921) выразил идею гуманистической педагогики «ребенок — высшая ценность» в книге «Земледельческое, фабрично-заводское и кустарное производство», созданной в 1902 году. В ней он начертал масштабную картину школы будущего, которая затем развивалась и обогащалась в его последующих трудах.

По сути, Кропоткин провозгласил все высшие и конечные цели воспитания и обучения: «Надо дать возможность каждому свободно выявить свои силы, надо воспитать у каждого человека гармонически развитую, критически мыслящую и активно действующую личность. Для этого необходимо дать ребенку свободу и суметь пробудить в учениках доверие к собственным силам, к инициативе и действию».

В обучении Кропоткин важнейшее значение придавал разносторонней подготовке личности, причем ставил задачу максимальной активизации познавательной деятельности учащихся, придания обучению исследовательского характера. Главным учителем провозглашалась Природа, а важнейшим стимулом обучения — жизненно-практическое значение знаний.

Наиболее радикально у Кропоткина трансформировалась школа. Она превращалась в школу-мастерскую и должна была располагаться на производстве (морское училище — на корабле, техническое — на фабрике). Здесь учащиеся овладевали бы основами всех ремесел и производств и применяли их в труде. Работая, уча-

щиеся должны были производить материальные ценности, продавая которые получали бы прибыль, а значит, имели бы и экономический интерес. Такое соединение обучения с трудом Кропоткин называл интегральным образованием.

Как видим, отрицаемые по идеологическим основаниям идеи Кропоткина оказались парадоксально востребованными в советской педагогике. «Хрущевская реформа» образования конца 50-х годов по сути строилась на положениях, выдвинутых идеологом анархизма, правда, значительно вульгаризированных. Да и сейчас у П.А. Кропоткина есть немало последователей, впрочем, не всегда отдающих себе в этом отчет.

Школа шалунов

«Давайте нам сюда самого ужасного тихоню, мы его живо научим шалить» — таким был девиз удивительной школы, созданной в Баку педагогом А. Радченко. Это подразумевало, что любого педагогически запущенного, закомплексованного ребенка можно превратить в радующегося жизни, веселого и резвого. Как же это достигалось? Прежде всего детям давали возможность максимально реализовать свои потенциальные способности. В разновозрастном классе (с 5 до 8 лет) работа велась по групповому методу, и в то время, когда учитель занимался с одной из групп, остальные были предоставлены сами себе.

Педагоги принципиально не желали задавать детям стереотипы поведения, а, предоставляя максимально возможную свободу, внимательно и доброжелательно наблюдали за ними. Весь процесс воспитания состоял как бы из цепочки непрерывных компромиссов. Признавая ребенка единственным собственником самого себя, ему давали крайне спорное право: рисковать жизнью и здоровьем ради своей идеи и того дела, которым он сейчас увлечен.

День в этой небольшой школе строился достаточно оригинально. После двух-трех часов занятий дети накрывали на стол и, прежде чем усесться, делали гимнастику или пели гаммы и упражнения — для развития слуха и укрепления легких. В расписании это было обозначено как «время воя голодных волков». Затем — игры на свежем воздухе, занятия ручным трудом и художественным творчеством и, наконец, самое любимое — пение или чтение вслух, соединенные с разговорами по душам. С наступлением тепла все занятия переносились в сад.

Обучая грамоте, учителя придерживались свободного метода — письма без линеек и полей. Также специально много писали левой рукой. Удивительно, но все это приводило к выработке красивого — причем сугубо индивидуального — почерка у детей уже в шестилетнем возрасте.

Счету дети учились, составляя узоры из разноцветного бисера, «читая» время на часах, а также делая рисунки. И чтобы, видно, совсем доконать методистов, изобрели удивительный способ изучения таблицы умножения: дети плясали под мелодию вальса, польки или мазурки и пели эту таблицу. Странно, но запоминали быстро и навсегда.

Неудивительно, что дети очень любили учиться и впоследствии всегда с удовольствием и чувством благодарности вспоминали свою необыкновенную школу.

1903

«Есть одно обстоятельство, тяжким гнетом давящее многих. Это — отчуждение и холодность, все более и более закрадывающиеся в семейные отношения и ставящие преграду между родителями и детьми. Холодные, далекие отношения между двумя поколениями стали явлением, скорее усиливающимся, чем уменьшающимся с каждым годом; старость становится все более и более печальной. И это, заметьте, отнюдь не в тех только семьях, где дети далеко шагнули вперед, а родители остались при взглядах своей юности. Это можно наблюдать в самых передовых семьях, даже в таких, где отцы шире смотрят на жизнь, чем дети, проявляющие иногда более деловитости и практичности».

Академик А. Веселовский

К.П. Победоносцев

Константин Петрович Победоносцев (1827-1907) был натурой страстной, твердой и даже одержимой в отстаивании собственных убеждений.

Образованнейший человек, крупный ученый-правовед, обер-прокурор Синода, он со всем присущим ему темпераментом, талантом писателя, даром убеждения выражал в российском образовании его православную, традиционную, державную составляющую. И в этой своей последовательной деятельности снискал как сторонников, так и врагов, особенно среди интеллигенции, видевшей в Победоносцеве символ реакции и даже мракобесия. Эти оценки перешли затем и в советскую педагогику.

На самом деле все обстоит намного сложнее. У обер-прокурора Синода, несомненно, была четко и глубоко продуманная образовательная политика. В начальной школе Победоносцев видел прежде всего хранительницу российских традиций, религиозных устоев, нравственных норм и только в-четвертых и в-пятых — собственно место обучения. Идеалом народной школы для него была такая, где учащиеся приобретали минимум элементарных знаний, но зато глубоко впитывали уважение к Богу, любовь к Отечеству и почитание своих родителей. В его любимом детище — церковно-приходских школах — образование строилось именно по этой схеме.

Эти, на первый взгляд, консервативные убеждения Победоносцева ярко выражено гуманистичны. Его главная педагогическая книга «Учение и учитель» (1903-1904) центрируется на личности инспектора и директора школы, учителя и ученика. Сквозь внешние, формальные оболочки — документацию, учебные планы и программы, правила правописания, результаты экзаменов — он

страстно призывал увидеть человеческую личность учащего и учащегося. И не просто увидеть, а максимально им помочь.

Конечно, взгляды К.П. Победоносцева в начале XX века казались уже принадлежностью другой эпохи. Он жестко выступал против высшего женского образования, почему-то видя в нем развращающий фактор, «ведущий к растлению нравов».

Но при этом от его строк, написанных в начале века, так и веет спокойствием, устойчивостью и стабильностью — всем, чего так не хватает в наше взвихренное ветрами время.

Семейная школа

Семейные школы, часто называвшиеся родительскими, возникали постоянно и в различных местах, порожденные стойким и справедливым убеждением отцов и матерей, что официальные учебные заведения не способны обучать их замечательных детей в соответствии с индивидуальными способностями и особенностями, а могут только искалечить.

Одна из таких семейных школ возникла под руководством убежденной сторонницы свободного воспитания известного педагога **О. Кайдановой**. Вначале это была группка из 10-15 родителей и педагогов, объединившихся на принципе трех «С» — Сотоварищества, Сотворчества, Содействия.

Дети, попадая в эту школу, оказывались в обстановке, где не было заранее определенного плана, подготовленных программ, учебных предметов. Все в конечном итоге определялось интересами и желаниями ребенка-солнца, вокруг которого, как планеты, вращались и педагоги, и весь учебно-воспитательный процесс. Если никто из воспитанников не хотел знать математику, то она не изучалась. Так же обстояло дело и с другими предметами. Если же кто-то из детей хотел ознакомиться, например, с археологией, то для него приглашался учитель.

Основными методами обучения были экскурсии, ручной труд и уроки-беседы, органично переходящие в задушевный разговор. Главное внимание уделялось созданию атмосферы своего мира с особой «внутренней тишиной», где педагогам открывались детские души.

Школа О. Кайдановой просуществовала два года, оставив яркий след в истории педагогики. Грустно читать последнюю страницу жизни этой удивительно теплой школы:

«Вот дети разошлись — все были как-то озадачены, что завтра им не надо приходить в школу. Они забирали свои вещи, и чувствовалось, что им очень жаль оставлять школу... Перед тем как разойтись, спели, по предложению одного из детей, «Прощайте» из любимой «Синей птицы». Вот их шаги затихли, раздался последний тоненький возглас «Прощайте», и мы, учителя, остались одни...».

1904

«Только тот, кто знает свое детство и отчетливо понимает его, кто разобрался во всех моментах своей школьной поры и оценил каждый из них по достоинству, и кто никогда не упускает из виду этого опыта, только такой наставник способен видеть в учащихся не безличные фигуры, не манекены, а живые лица с своеобразными взглядами, понятиями, чувствами, стремлениями».

Г. Роков

А.П. Нечаев

Осенью 1904 г. в Петербурге открылись Педагогические курсы, о которых великий князь Константин Константинович сделал доклад императору Николаю II. Эти курсы были детищем Александра Петровича Нечаева (1870-1948).

Образ А.П. Нечаева привлекает и поражает широтой кругозора, глубокой культурой, интеллигентностью, несгибаемостью, любовью к своей стране и ее народу. Он был не только ученым, но и поэтом, гражданином, патриотом. С ним были дружны члены царской семьи, министры, известные писатели и ученые из России, Европы, Северной и Южной Америки, Австралии, учителя из больших городов и глухих деревень. Многие высказывания и идеи ученого перекликаются с нашими сегодняшними мыслями, делая его добрым собеседником современных педагогов.

После окончания Петербургского университета Нечаев был отправлен на стажировку в Германию, где познакомился с передовой для того времени экспериментальной психологией. Вернувшись в Петербург, Александр Петрович создал первую в России лабораторию экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее.

Новые взгляды на воспитание нужно было пропагандировать в обществе и учительской среде, так как, по словам А.П. Нечаева, «невозможно рассчитывать на проведение в жизнь какой бы то ни было прочной школьной реформы, если не будет учителей, хорошо понимающих основы воспитания и объединенных знани-

ем главнейших начал современной педагогики». В первую очередь этому служили курсы для народных учителей.

В своем дневнике Нечаев записал: «...Я давал ответы на самые разнообразные вопросы, которые мне бросали духовно наголодавшиеся учителя. Тут были вопросы и о воспитании воли, и о вещих снах, о спиритизме, смысле жизни, красоте, мнемонике и последней психологической книжке, заглавие которой они встречали в газете».

Дореволюционные годы стали временем признания Нечаева как ученого. Он был избран членом-корреспондентом нескольких международных педологических обществ.

С 1917 года он — директор Самарского педагогического института. С 1921 года заведовал психологическим отделом Психоневрологического института: а в 1922-м стал директором этого института. Новый поворот судьбы попал на начало 30-х годов, когда Нечаев начал разрабатывать проблемы психотехники труда.

В середине 30-х годов Нечаев был осужден по стандартному обвинению в распространении фашистских взглядов. Но его не расстреляли, а выслали на пять лет в Семипалатинск. Там А.П. Нечаев работал профессором кафедры психологии пединститута, стал доктором педагогических наук. К сожалению, из ссылки ему вернуться не удалось: в 1948 году он умер.

Чудеса в Мраморном дворце

В 1904 году внимание педагогической общественности привлекло событие действительно неординарное. В Мраморном дворце Санкт-Петербурга было создано социально-педагогическое учреждение, представлявшее собой один из первых (а скорее всего первый) опытов организации внешкольного комплекса дополнительного образования.

Его организатором и вдохновителем стал агроном Н.А. Бартошевич, преподававший естественные науки в кадетском корпусе.

Основной целью занятий в Мраморном дворце являлось пробуждение в городских детях «интереса и любви к природе, уважения к сельскохозяйственному труду, потребности в овладении техническими знаниями». Как видно, в данном положении сформулированы и задачи экологического воспитания, и новые для того времени подходы к стимулированию познавательной активности учащихся.

Образовательная программа этого необычного внешкольного комплекса была рассчитана на пять лет. В самом начале маленькие дети получали элементарные сведения по природоведению,

изучали жизнь растений, животных, а также минералы; пробовали ставить первые самостоятельные опыты. Затем им давались сведения из сферы сельского хозяйства. Главный акцент делался на «взаимное общение человека и природы». На старших курсах происходило последовательное ознакомление воспитанников со способами обработки продуктов сельского хозяйства и различными природными материалами.

Четвертый курс был посвящен художественному творчеству: наглядному знакомству с основами архитектуры, скульптуры, живописи, а также приемами художественной обработки железа, бумаги, шерсти, стекла и пр.

Особое место занимал пятый год — он носил педагогический характер. На данном курсе много внимания отводилось лекциям по основам педагогики и дидактики.

Как же строилась работа в Мраморном дворце? Занятия происходили по воскресеньям. Вначале читались лекции отдельно по курсам. Затем ученики собирались вместе и пели русские народные песни, читали стихи, в которых присутствовали мотивы природы и сельского хозяйства. Затем курсы-отряды отправлялись на экскурсии в музеи, на фабрики, в передовые имения или же занимались ручным трудом: изготовлением коллекций, гербариев, моделей орудий.

Заслуживает внимания и сама организация работы с детьми, которых во дворце насчитывалось более 6 тысяч. С ними взаимодействовали 500 добровольных помощников — студентов, педагогов, частных лиц, любящих возиться с детьми. Благодаря четкой организации удавалось, например, в течение двух минут посадить в поезд несколько сотен детей, отправляющихся на очередную экскурсию. Причем все строилось на ласковом и сердечном отношении к питомцам, не допускалось никаких наказаний.

Подчеркнем и ту ответственность, серьезность, с какой лекторы готовились к выступлениям. Сначала они представляли реферат, который всесторонне обсуждался коллегами. Затем проводился открытый конкурс, и только лучшее среди представленных выступлений предлагалось детям.

Такая же основательность была присуща всему укладу этого замечательного внешкольного образовательного комплекса, что и обеспечило ему плодотворную деятельность на протяжении ряда лет.

1905

«Если бы мы стали спрашивать талантливых людей, — а, конечно, такие именно люди прежде всего нужны школе, — каковы те минимальные условия, при которых они могут с любовью работать над дорогим для них делом, то, вероятно, выяснилось бы, что люди эти готовы от многого отказаться, — ибо чего только не приносится в жертву тому, что действительно дорого душе. Но вместе с тем выяснилось бы и то, что даже при великой любви, подвигающей на великие жертвы, нет сил и права поднять руку на свой собственный дух, поработить его, отказаться от свободы, т.е. отказаться от того, чтобы творить дело так, как велят мои убеждения, моя совесть, мой символ веры и моя любовь».

Е. Синицкий

В.И. Чарнолуский

Бывает так, что деятель образования не оставил после себя серьезных теоретических трудов или же образовательного учреждения, но тем не менее навсегда вписал свое имя в историю педагогики. Это положение целиком относится к Владимиру Ивановичу Чарнолускому(1865-1941), который, по сути, сформировал общественно-педагогическое движение.

Поражают та кипучая энергия, подвижничество и устремленность Владимира Ивановича, с какой он организовывал работу общества «Знание», проводил десятки совещаний педагогов, основывал курсы. Все это увенчалось созданием в 1905 году массового Всероссийского учительского союза, в котором Чарнолуский стал признанным лидером.

Через всю извилистую историю межреволюционного времени проходит его неустанная деятельность по консолидации педагогических сил, а главное, тщательному синтезу высказанных деятелями народного образования предложений по реформированию российской школы. До поры до времени этот арсенал не был востребован, но постоянно обновлялся и совершенствовался.

Обстановка кардинально изменилась в лучшую сторону после Февральской революции, когда по инициативе и трудами Чарнолуского был создан Государственный комитет по народному образованию, представлявший собой своего рода общественный мозговой центр при Министерстве просвещения. За пять месяцев работы комитет подготовил и рассмотрел свыше 40 законопроек-

тов, предложенных в основном Чарнолуским. Несомненно, это время было его звездным часом.

Но октябрьские события похоронили все надежды Чарнолуского на развертывание массового общественно-педагогического движения, которое веско и аргументированно оппонировало бы государству в вопросах, касающихся судеб школы. В итоге все законопроекты так и остались на бумаге, а Госкомитет был распущен.

Конечно, Чарнолуский пытался сохранить свое детище, порой совершая самоотверженные, хотя и наивные поступки. Так, в октябре 1917-го он не пустил наркома просвещения Луначарского в здание министерства, попросту выгнал его. Разумеется, Чарнолускому этого никогда не простили.

Кстати, есть какая-то мистика в этой перекличке фамилий: Чарнолуский — Луначарский. В педагогической среде существует устойчивая версия, что Луначарский — незаконнорожденный брат Чарнолуского (в таких случаях байстрюкам нередко давали подобные перевернутые фамилии).

В 20-30-е года Чарнолуский отчаянно пытался вписаться в новые реалии. Он искренне не мог взять в толк, почему советская власть не нуждается в свободном общественно-педагогическом движении. Главным его детищем стало создание Научно-педагогической библиотеки им. К.Д. Ушинского. И этому его делу, как и всему, чему так страстно, подвижнически отдавался Владимир Иванович, была суждена долгая жизнь.

Товарищество «майских жуков»

В России надо жить долго. Это золотое правило еще раз подтверждает история частной гимназии К.Мая, которая в 1905 году отметила свое пятидесятилетие. У этой гимназии долгая и славная судьба. По сути, здесь впервые удалось успешно разрешить многие практические проблемы педагогики.

Созданная вначале как небольшая частная школа для детей зажиточных петербургских немцев, она вскоре заслуженно приобрела славу лучшего учебного заведения в городе.

И эта репутация была связана прежде всего с именем Карла Ивановича Мая (1824-1895) — основателя и директора (до 1890) этой школы.

Свое кредо он сформулировал следующим образом: «В арсенале учебного заведения есть орудия для достижения прилежания, повиновения и любви к порядку. Такими орудиями являются: строгость, твердость и взыскательность, — но в груди человека суще-

ствует еще глубоко скрытая струна, которая отзывается только при нежном соприкосновении, — это стремление ко всему честному, доброму, истинному и прекрасному. Пробудить и поддержать это стремление и составляло задачу нашего учебного заведения».

Неудивительно, что в гимназии добивались прекрасных знаний учащихся. Результаты выпускных экзаменов засчитывались как государственные (напомним, что это была частная школа), а выпускников без вступительного экзамена — лишь на основании аттестата — принимали в высшие учебные заведения Германии.

Но дело не только в крепких знаниях. Гимназия славилась уникальной атмосферой и традициями, которые старательно поддерживались и воспроизводились. Складывалось положение, когда ученики не могли нарушать дисциплину или плохо учиться только из-за нежелания расстроить любимого Карла Ивановича. Конечно, детские шалости случались, но если в них не было злого умысла, они прощались. Зато не было прощения лжи, непорядочности. В гимназии надолго запомнился случай, когда из школы был изгнан близкий родственник всесильного министра просвещения, совершивший неблаговидный поступок.

И еще. Гимназия К. Мая дала удивительный опыт совместного обучения и дружбы юношей не только разных национальностей, но и различных религий.

Идеализм Мая заражал и объединял. В день рождения он приглашал всех учащихся и преподавателей к себе домой. Скорее объединяющее, сплачивающее, чем научное значение имели и экскурсии за город — туда, где простор и тишина, небо и солнце, лес, поля и реки...

1906

«В то время, когда кругом происходила всеобщая ломка и общее разрушение, когда шла ожесточенная борьба между молодой и отжившей Россией, когда стояли на очереди вопросы жизни и смерти всего государства, — в это время положение школы и ее судьба отступили на задний план, и исчезло всякое представление о том будущем, в котором они займут подобающее им внимание».

Г. Роков

С.Т. Шацкий

Отечественную педагогику XX века невозможно представить без деятельности Станислава Теофиловича Шацкого (1878-1934). Он по праву является одним из самых признанных деятелей народного образования, более того — самых любимых. По большому счету можно сказать, что С. Т. Шацкий — это совесть российского учительства, хранитель и продолжатель его лучших традиций. Характерно, что в 20-е годы, когда Станислав Теофилович по рекомендации Крупской вступил в партию, этот факт был ему «прощен» русской педагогической эмиграцией. Они посчитали, что Шацкий был вынужден пойти на такой шаг, чтобы спасти российскую школу от полного разрушения.

Впервые идеи Шацкого получили свою реализацию в «Сетлементе» — культурном поселке, созданном им вместе с группой единомышленников в Москве в 1906 году. После того как его деятельность была прервана, Шацкий с друзьями создал в 1908 году новое общество «Детский труд и отдых», а в 1911 году в рамках общества открылась детская летняя колония «Бодрая жизнь». Здесь С. Т. Шацкий вместе со своими сотрудниками в опытной работе проверял идеи связи трудовой, эстетической и умственной деятельности, взаимоотношения воспитателей и воспитанников, динамики развития детского сообщества.

Как известно, сам Шацкий крайне негативно воспринял Октябрьскую революцию. Однако, убедившись, что большевики пришли надолго, Станислав Теофилович в 1919 году принял предло-

жение Наркомпроса о сотрудничестве. Он создал знаменитую Первую опытную станцию по народному образованию, которой руководил вплоть до ее закрытия в 1932 году. Это уникальное учреждение занимало целый район в Калужской губернии. В его состав входили все типы воспитательных заведений: ясли и детские сады, четырнадцать начальных школ, две средние, школа-колония «Бодрая жизнь», клуб-читальня. Действовала структура, обеспечивающая научно-педагогические исследования. Работали педтехникум, летние курсы для учителей.

Деятельность станции получила большой резонанс как в отечественной, так и в мировой педагогике. Известна высокая оценка, которую дал Д. Дьюи, посетивший Шацкого в конце 20-х годов: «Я не знаю ничего подобного в мире, что могло бы сравниться с этой колонией».

Однако в 1932 году во исполнение партийных постановлений о школе опытная станция была расформирована. Шацкого, по его выражению, «с кровью оторвали от любимого дела».

Станислав Теофилович был назначен ректором Московской консерватории. Но Шацкому было неуютно там: не имея законченного высшего музыкального образования, он не был искушен в вопросах теории музыки, между тем в его подчинении находились выдающиеся музыканты. Неудовлетворенность работой, систематическая травля в печати, потеря смысла жизни привели к катастрофе. 30 октября 1934 года во время подготовки консерватории к революционному празднику Шацкий скоропостижно скончался.

Главная заслуга Шацкого состоит в том, что он впервые в России целостно рассмотрел влияние условий среды на социализацию ребенка. Ему также принадлежит первенство в разработке таких вопросов, как самоуправление школьников, лидерство в детском сообществе и, конечно, главное — функционирование школы как комплекса учреждений, реализующих преемственность и целостность в воспитании.

Культурный поселок в Марьиной роще

С 1906 года непривычное слово «Сетлемент» входит в привычный оборот для российской педагогики. Так на американский манер был назван своеобразный центр (поселок) культурных людей, селившихся среди бедного населения для организации просветительской работы. Общество «Сетлемент», созданное С.Т. Шацким и А.У. Зеленко в районе Марьиной Рощи, объединило уже действовавшие там клубы-кружки.

В основе воспитательной системы «Сетлемента» лежала идея «детского царства», где каждый воспитанник получал возможность для всестороннего развития сил. Мальчики и девочки объединялись по интересам и принципу товарищества. Дети ходили в различные клубы: столярный, сапожный, пения, астрономический, театральный, биологический и др. Каждый клуб имел свое название и разработанные детьми правила регулирования взаимоотношений, которым строго следовали и взрослые, руководители клубов.

Решения, принятые на собраниях клубов и на общем собрании, считались обязательными.

Все структурные элементы в воспитательной системе «Сетлемента» подчинялись поставленной цели — создать максимально благоприятные условия для самовыражения личности и ее самореализации.

Среди работников «Сетлемента» было мало педагогов, но недостаток опыта и средств возмещался колоссальной энергией и огромным интересом к делу. Главное внимание было обращено на общественное детское воспитание.

Несмотря на то что «Сетлемент» вызвал огромный интерес радикальной интеллигенции и детворы и получил серебряную медаль за детские поделки на Промышленной выставке в Петербурге, он уже 1 мая 1908 года был закрыт за «попытку проведения социализма среди детей».

1907

«В новой школе не будет места никакому принуждению, никакому насилию над детской душой, во имя чего бы оно ни производилось. Там в основу всего будет положена любовь и такое же глубокое уважение к личности ребенка, как и к личности каждого взрослого человека. Там учителя будут не педагогическими поварами, начиняющими ученические мозги фаршем учебников, но сотрудниками их в деле искания истины и знания, с любовью помогающими им своим опытом и познанием».

И. Горбунов-Посадов

К.Н. Вентцель

Русскому национальному духу всегда были присущи стремление к развитию до возможного предела, потребность поступиться имеющимся хорошим ради абстрактного лучшего, что часто приводило к результатам, противоположным ожидаемым. Пожалуй, как никто, эту исходную черту российского характера в педагогике воплотил оригинальный философ и убежденный гуманист, яростный полемист и неутомимый общественный деятель, «педагог милостью Божией», как называли его современники, Константин Николаевич Вентцель (1857-1947). Его долгая жизнь как бы символизировала необычайную глубину и протяженность разрабатываемых им идей.

1907 год стал знаковым и поворотным в жизни Вентцеля — наконец-то начали сбываться на практике его самые заветные мечты. Активно работало детище Вентцеля — «Дом свободного ребенка». Начал выходить журнал «Свободное воспитание», где в первых же номерах он опубликовал сразу шесть своих статей.

Судьба Константина Николаевича — это настоящее противоречие между бытовой и духовной сферами. В миру он — скромный статистик Московской городской управы, зарабатывающий на существование ненавистным и тяжелым трудом, затем — бедный постылый старик, обуза близким, живущий, по их мнению, чужой век. В творчестве же — гордый и независимый исполин, обращающийся к вечности и человечеству, соотносящий с ним процесс становления свободной творческой личности. В своих многочисленных книгах и статьях он легко переносится во вре-

мени и пространстве, беседует на равных с Л. Толстым, Ф. Ницше, Р. Штейнером, осуществляет по сути одним из первых разработку педагогических проблем ноосферы, экологии духа.

Квинтэссенцией теории свободного воспитания стала знаменитая «Декларация прав ребенка», опубликованная Вентцелем в сентябре 1917 года и являющаяся своеобразным гуманистическим манифестом. Здесь Константин Николаевич рельефно проявил свой максимализм, сформулировав право ребенка «выбирать себе ближайших воспитателей и уходить от своих родителей, если они оказываются плохими воспитателями».

В своих трудах Вентцель стремился создать новое философское направление в науке о воспитании — космическую педагогику, основанную на идеях свободного воспитания, взаимосвязи их с религией, понимаемой в широком смысле — как живого творческого развивающегося Бога, единой целостной жизни и Вселенной. Формируя психолого-педагогические основы своей концепции, он утверждал, что в культе творческой личности важнейшую роль будет играть Культ Ребенка, так как именно он способствует сохранению духовной свежести человечества. Ребенок, в понимании Константина Николаевича, являлся «нежным ростком», из которого при заботливом уходе и воспитании должна вырасти творческая личность.

Вентцель всегда шел навстречу холодным ветрам эпохи. Его травили и монархисты, и демократы, и коммунисты. Не попадая в такт ни с каким временем, он как бы был неподвластен Хроносу. Отчаявшись что-то втолковать своим современникам, Константин Николаевич творил для вечности, являясь подлинным «гостем из будущего».

Дом свободного ребенка

Уникальным явлением в отечественной педагогике стал «Дом свободного ребенка», созданный по замыслу К.Н. Вентцеля. Хотя официально он открылся 1 октября 1906 года, подготовка к его созданию велась с начала века, а наиболее плодотворным временем стал 1907 год.

«Дом свободного ребенка» явился качественно новым воспитательно-образовательным учреждением, основными принципами которого были развитие воли и сознательной творческой деятельности ребенка: создание условий, в которых дети могли бы жить полной жизнью, а учеба являлась бы одной из составных частей активно-творческой работы по созданию личности; свободный производительный труд, приведенный в органическую связь

с системой образования; недопустимость всякого насилия и принуждения. В основу учебного процесса были положены потребности и запросы самого ребенка, которые всемерно стимулировались и развивались педагогами.

В «Дом свободного ребенка» приходили дети от 5 до 10 лет, мальчики и девочки. В этой «школе» отсутствовали не только классно-урочная система, парты, учебный план, программы, учебники, оценки, но и постоянные педагоги, которых заменяли родители и приходящие специалисты. «Дом» должен был стать тем местом, где дети живут полной свободной жизнью, где все приспособлено для них, где они счастливы, свободно общаются между собой и со взрослыми и при этом приобретают нужные им сейчас знания и навыки.

Проработав три года, «Дом свободного ребенка» прекратил свое существование, так как слишком трудны были условия для существования такой опытной свободной школы в те времена. Слишком мало было у него тогда верных друзей и недостаточно сил для ведения школы.

И все же следует прислушаться к той оценке, которую дала одна из создательниц «Дома» Е.Е. Горбунова-Посадова: «Он предоставил много радости, здоровое, бодрое настроение, веру в свои силы, любовь к труду умственному и физическому, многим из детей привил большую любовь к знаниям, развил во всех общественность, и, что любопытно, он дал много и в смысле усвоения формальных знаний».

1908

«Наша школа не ставит себе задачей целостное, гармоническое развитие личности человека. Она стремится лишь дать образование, сообщить знания, развить ум. Она игнорирует чувство и волю учащихся. Это не только страшно тормозит само образование, препятствует восприятию и усвоению сообщаемых знаний. Анатомия живого человеческого «Я» вооружает против школы и ее деятелей чувства и волю учеников. Учащиеся лишены права оценки, выбора, — они обязаны лишь механически усвоить урок. Совершается насилие над волей, находящее себе внешнее выражение в школьной дисциплине, вызывающее в учащихся чувство ненависти к насильникам и направляющее их волю на отпор насилию, на борьбу с ним».

В. Буткевич

В.П. Кащенко

В России долгое время воспитанию детей с психическими недостатками не уделялось должного внимания. Первым заведением, где по-настоящему и эффективно занялись лечением и воспитанием таких детей, стала открывшаяся в 1908 году «Школа-санаторий В.П. Кащенко для дефективных детей». В названии этого учреждения впервые в русской лексике появляется термин «дефективный» для обозначения тех состояний детей, которые характеризуются недостатками физического и психического развития.

К созданию этой школы Всеволод Петрович Кащенко (1870-1943) пришел через распространенное в то время увлечение участием в революционной борьбе. Его исключали из университета, высылали из Москвы, запретили находиться на государственной службе. Все это и подтолкнуло дипломированного врача, брата известного психиатра к идее создать частное учреждение для аномальных детей. С этой целью он изучает детскую психопатологию, занимается исследовательской деятельностью в лабораториях А.П. Нечаева и А.Ф. Лазурского в Петербурге. Знакомится с постановкой воспитания и обучения аномальных детей в специальных учреждениях Германии, Швейцарии, Италии и Бельгии.

В созданной им на основе новейших достижений платной школе-санатории, по сути, впервые были реализованы многие идеи лечебной педагогики и современной «Школы здоровья». В нее принимались дети в возрасте от 4 до 16 лет «малоуспевающие, нервные, трудные в воспитательном отношении». Одновременно на-

ходилось не более 20 воспитанников, которые делились на три «семьи». «Семья» имела воспитателя, жившего с питомцами. Целью этой необычной школы являлось путем лечения, воспитания и обучения подготовить воспитанников «к полезной жизни». На первом плане стояли именно воспитательные задачи, а также развитие и коррекция личности ученика. В этом экспериментальном учреждении, находящемся в непрерывном исследовательском поиске, В.П. Кащенко были успешно апробированы действенные подходы к работе с аномальными детьми.

В школе-санатории не было обязательной программы. Главным являлось не количество знаний, а их качество. Все обучение проводилось на основе самостоятельности, активности учащихся. Их постоянно ставили в позицию маленьких исследователей. Широко применялся ручной труд. Дети сами взвешивали, измеряли, зарисовывали, составляли коллекцию, делали модели из глины и других материалов. Использовался новаторский для того времени комплексный подход к интеграции образовательного материала различных предметов. Большое место при их изучении занимали различные игры. Постоянно использовался наглядный материал.

Ведущим принципом лечебной педагогики, разрабатываемой В.П. Кащенко, выступал максимально индивидуализированный подход к учащимся, основанный на систематическом изучении ребенка и учете индивидуальных различий. При этом педагоги всегда опирались на положительные стороны личности ученика. В целом отношение сотрудников школы-санатория к ребенку строилось на любви, искреннем уважении к нему. Вместе с тем поддерживалась достаточно строгая, но не слепая дисциплина. Существовало самоуправление и самообслуживание, к критическим замечаниям детей всегда внимательно прислушивались.

Особое место занимала деятельность оздоровительного характера: вылазки на природу и так называемые «кислородные экскурсии» (воскресные походы на пять верст) были одновременно и средством развития интеллекта детей, и формой активного отдыха. Комплексной оздоровительной формой работы были «олимпийские игры», которые включали спортивные соревнования, конкурсы и состязания в литературном, художественном, музыкальном и в других видах творчества. Живя яркими духовными интересами, воспитанники не только отвлекались от своих навязчивых настроений, но и познавали особенности своей личности.

Деятельность школы-санатория была, конечно, звездным часом В. П. Кащенко. После революции он передал свое детище Нар-

компросу. В 1923-24 годах на ее базе была создана Медико-педагогическая опытная станция, которой Всеволод Петрович руководил несколько лет. В дальнейшем он занимался разработкой проблем дефектологии во втором Московском государственном университете. А в последние годы жизни много работал над проблемами логопедии.

Русские скауты

Осенью 1908 года в России по повелению Николая II была переведена книга Баден-Пауэлла «Юный разведчик» («Скаутинг для мальчиков»). Она сразу произвела большое впечатление. Захваченный идеями скаутизма штабс-капитан лейб-гвардии Олег Иванович Пантюхов создает в Царском Селе 30 апреля 1909 года первый скаутский патруль «Бобр». Этот день считается днем рождения российского скаутинга. В последующие годы скаутские отряды создаются в Петербурге, Москве, Киеве, Батуми. Летом 1915 года близ Петрограда организуется первый лагерь скаутов. В этом же году возникают и подобные организации для девочек. В 1915 году состоялся Первый всероссийский съезд скаутов, на котором были приняты тексты десяти скаутских законов, торжественное обещание и заповеди, гимн. Девизом организации стала триада: «Вера в Бога. Верность царю. Помощь ближним». С самого начала скаутское движение развивалось как неполитическое, пацифистское, строящееся на общечеловеческих ценностях. Не существовало организаций по половому или этническому признаку. В 1917 году уже насчитывалось около 25 тысяч скаутов в 120 организациях.

Однако революция расколола ряды скаутов. Часть скаут-мастеров перешла на сторону большевиков, впоследствии положив начало пионердвижению. Некоторые пытались сохранить нейтралитет и создавали подпольные скаутские общества. Часть скаутов приняла участие в гражданской войне на стороне Белой армии, прежде всего, на Дону и Северном Кавказе (без участия в боях). В 1919 году О.И. Пантюхов было избран Старшим Русским Скаутом.

После окончания гражданской войны на территории Советской России на базе скаутинга была создана организация пионеров. Она переняла множество скаутских атрибутов: структуру отрядов, форму цвета хаки, значок и призыв: «Будь готов!», салют, летние лагеря и многое другое. «Новое» было связано с внесением в организацию чуждого скаутизму духа политизации и вовле-

чение детей в классовую борьбу. Скаутские отряды были распущены, но продолжали действовать. Считается, что последний скаутский сбор прошел нелегально в Подмосковье в 1926 году. В этом же году более 200 старших скаутов и скаут-мастеров были арестованы.

Зато движение русских скаутов развивалось в эмиграции. Уже в 1920 г. в Константинополе было провозглашено объединение всех заграничных русских скаутских организаций в единую Организацию русских скаутов за границей (с 1924 г. Всероссийская национальная организация русских скаутов — позднее НОРС). Скаутские отряды активно действовали в 20-30-е годы. Затем число скаутов пошло на спад. В конце 60-х г. русских скаутов «в изгнании» насчитывалось около 400 человек. Они состояли как в НОРСе, так и в созданной в 1945 году в Германии Организации российских юных разведчиков (ОРЮР).

В России возрождение скаутизма начинается с 1990 года, когда на съезде было провозглашено создание Ассоциации возрождения российского скаутства. Сейчас действуют несколько скаутских организаций. Наиболее крупные: Организация российских юных разведчиков, Русский союз скаутов, Братство православных скаутов, Федерация православных следопытов, Российская организации девочек-скаутов.

1909

«Эти дети, отроки и юноши, наполняющие школьные стены шумной толпой, создают обманчивую картину здоровой, нетронутой, полной сил молодости. Но вглядитесь попристальней, и вы увидите нечто иное: чахлых, болезненных и худосочных, узкогрудых детей. Оно и понятно: эта молодежь — плоть от плоти и кость от кости родивших ее поколений со всеми их грехами, дефектами и ненормальностями. На этой молодежи отпечатано клеймо вырождения, телесные и духовные силы еще в утробе матери подорваны алкоголизмом, развратом, излишествами отцов и предков. Тяготы борьбы за существование, бедность, лишения, непосильный труд родителей тоже оставили свои неизгладимые следы на молодых поколениях, выросших в материально необеспеченной среде. Ненормальные и болезненные дети встречаются, конечно, и в состоятельных и богатых семьях. Вот где, в конце концов, источник того явления, которое в школе известно только под именем «тупоумных, слабых, отсталых, негодных элементов».

Г. Роков

В.М. Бехтерев

Реалии общественной жизни начала XX века привлекали внимание к вопросам воспитания и образования людей самых различных профессий. В данной связи неудивительно, что значительный и оригинальный вклад в разработку и реализацию комплекса педагогических проблем внес выдающийся психиатр Владимир Михайлович Бехтерев (1857-1927). Опубликованная в 1909 году его принципиальная статья «Вопросы общественного воспитания» вызвала большой общественный резонанс.

Выпускник Медико-хирургической академии Бехтерев пришел к вопросам воспитания детей в результате многолетних теоретических размышлений, жизненных наблюдений и практической деятельности в области психиатрии. По его убеждению причины ненормальных характеров, болезненных склонностей и душевных заболеваний чаще всего коренятся в «плохо поставленном воспитании в детские годы». В данной связи он специально разрабатывает проблему воспитания в младенческом возрасте и формулирует ряд важных положений, значимых и для современной дошкольной педагогики. Важнейшим принципом воспитания в раннем возрасте В. М. Бехтерев считал отсутствие насилия над

ребенком и использование его естественных склонностей. Большое внимание уделялось также физическому воспитанию, правильному и систематическому воспитанию органов чувств. Бехтерев предложил оригинальную программу воспитания органов зрения, слуха, осязания и др.

Воспитание органов чувств сочеталось с развитием интеллектуальных процессов и связывалось с двигательной активностью. К числу других ведущих принципов воспитания относилось систематическое приучение ребенка к труду, воспитание полезных, бодрящих эмоций и устранение угнетающих, воспитание ребенка в коллективе и, наконец, как можно раннее воспитание и развитие эстетического чувства, связанного с функционированием органов зрения и слуха. Причем важно, что Бехтерев не только провозгласил эти принципы, но и разработал ряд конкретных рекомендаций по развитию речи, мышления, памяти, воли и других психических процессов этого, по его определению, «возраста первого детства».

Однако наибольшую известность в общественно-педагогических кругах В.М. Бехтереву принесли его социально-педагогические идеи. В 1905 году на Втором съезде отечественных психиатров он провозгласил свободу как важнейшее условие здоровья и нормального развития человека. Особенно большое значение в развитии личности придавалось им общественной деятельности в условиях демократического строя. В данной связи ученый призывал прививать детям «культуру социального героизма», вкладывая в это понятие чрезвычайно глубокий смысл — «социальное бессмертие». Для этого нужно было подбирать соответствующие игры для детей, больше рассказывать им о социальных проблемах, знакомить с жизнью и деятельностью исторических личностей героического плана.

В целом для В.М. Бехтерева был характерен примат воспитания над образованием. Он полагал, что ценность самого образования зависит от характера воспитания. А цель воспитания, по В.М. Бехтереву, — целостное развитие деятельной личности, готовой служить своему народу и Отечеству. Его девизом являлись следующие слова: «Отставать в воспитании — это значит, сдавать жизненные позиции везде и во всем».

Имя Бехтерева было очень уважаемо в научных кругах, даже говорили: «Кто знает мозг? Господь Бог и Владимир Бехтерев». После Октябрьской революции ученый, веривший в ее народный характер, не пожелал уехать из России. В 1918 году он становится директором Института мозга. Научное творчество Бехтерева было исключительно плодотворным и разносторонним. Он написал свыше 600 научных и научно-популярных работ, из них более 10 крупных монографий.

Жизнь Бехтерева оборвалась при странных обстоятельствах 24 декабря 1927 года в Москве, куда он приехал на психоневрологический съезд. Согласно устойчивой версии он был убит по приказу Сталина. После визита в Кремль ученый сказал коллегам: «Я проконсультировал одного сухорукого параноика». Эта фраза могла стоить 70-летнему, но вполне крепкому и здоровому человеку жизни

Институт человека

Так в полной мере можно было назвать созданный В.М. Бехтеревым после первой русской революции Психоневрологический институт. Он представлял собой высшее учебное заведение, сочетавшее научно-исследовательскую, практическую деятельность в области медицины, криминалистики, психологии, педагогики и педологии и обучение по этим отраслям знаний. Основанный на пожертвования, этот частный университет с 4 факультетами и двумя отделениями по сути стал первым крупным негосударственным высшим учебным заведением, основоположником вольной высшей школы. В 1915 г. в университете занималось более 3 тысяч слушателей, работало свыше 150 преподавателей. Естественно, что университет вызывал резкое недовольство в правительственных кругах, и было за что. На занятия были допущены женщины, принимали евреев без всяких «процентных норм». Введение подготовительного курса давало возможность выходцам из социальных низов компенсировать пробелы в образовании. В университет приглашали самых талантливых преподавателей, часто не имевших права преподавать в казенной школе. Изучались новые предметы, например социология. Необычно строился и образовательный процесс. Студенты имели право выбирать предметы, предлагать свой индивидуальный график обучения.

Вместе с тем университет давал фундаментальное образование. Педагогический факультет имел два отделения: словесно-историческое и естественно-историческое. Основательное изучение естественнонаучного цикла дисциплин, биологических и психологических, использование широких межпредметных связей медицины, неврологии, психиатрии — все это делало подготовку педагогов в институте, руководимом великим психиатром, уникальной.

После октября 1917 г. произошла национализация высшей вольной школы. Институт Бехтерева стал постепенно дробиться и вскоре прекратил свое существование как целостное учреждение.

1910-1919

Контекст

Десятилетие, в ходе которого произошла радикальная трансформация российского общества, не могло не оказаться переломным и для образования.

Первая мировая война остро поставила вопрос о создании в России русской национальной школы, а также о решительном повороте в содержании образования к «патриотическим предметам» — истории, литературе, географии наравне с предметами техническими.

Февральская революция разбудила дремавшие до поры силы общественно-педагогического движения. Был сформирован орган общественно-государственного управления — Комитет по народному образованию. Он действовал при Министерстве народного просвещения, но подминал, а в законодательной и научно-педагогической сфере подменял его. В результате был подготовлен ряд проектов о развитии образования в России, построенных на самых прогрессивных для того времени основаниях. Но приняты они, к сожалению, так и не были.

Октябрьская революция дезорганизовала систему образования, особенно среднюю и высшую школу. А развернувшаяся масштабная гражданская война расколола образовательное пространство на территории красных, белых, зеленых, интервентов.

Однако, несмотря на все жестокие потрясения, школа выжила и даже обновлялась, пусть и не всегда в лучшую сторону.

Образовательная политика

Можно говорить о четырех образовательных политиках, действовавших на протяжении этого десятилетия. Первая, охватывавшая 1910-1914 гг., — это политика стабилизации системы образования и воспроизводства в ней всех существовавших ранее положительных и отрицательных черт. По сути это было золотое время, пик развития того образования, которое начало складываться с 1860-х годов.

1915-1916 гг. — время проектов реформ, предпринимавшихся лучшим за всю историю России министром просвещения графом Павлом Николаевичем Игнатьевым и его блистательной командой. Они продемонстрировали образец построения образовательной политики с четкой постановкой стратегических и тактических це-

лей, выделения приоритетов. Неудивительно, что потенциала сформулированных в ходе подготовки реформ конструктивных идей, подготовленных программно-методических материалов хватило на то, чтобы наполнить образовательную политику Временного правительства, большевиков и русской школы в эмиграции.

Образовательная политика Министерства народного просвещения Временного правительства, конечно же, не отличалась целостностью и систематичностью. Три министра побывали у руля за сакраментальные 9 месяцев. Но вместо рождения законодательного акта об образовании, который был подготовлен Комитетом по народному образованию, последовал октябрьский переворот.

У Наркомпроса изначально образовательной политики не было. Все сводилось к нескольким высказываниям Маркса, отдельным декларациям Ленина, да работам представителей германской социал-демократии. Поэтому в основу образовательной политики были поначалу положены три основные источника: соответствующие декреты и проекты эпохи Великой французской революции; документы, подготовленные Комитетом по образованию Временного правительства, и книга Блонского «Трудовая школа».

Главной доминантой 1918-19 гг. стал курс на разрушение старой школы, которая воспринималась исключительно негативно — как школа зубрежки, насилия, подавления детской личности. К сожалению, этот курс привел во многом к разрушению школы вообще.

Идеи

Социально-политический кризис, приведший к глобальным сдвигам и трансформациям в 1910-е годы, парадоксально сказался на развитии мировоззренческих основ отечественного образования.

Очень обидные, больно ранившие душу поражения во время Первой мировой войны разбудили чувство национального самосознания, выразившееся в стремлении опереться на традиции русской педагогики, создать русскую национальную школу. Так оказались востребованными те базисные ментальные идеи, которые определяли социокод народной педагогики. Наступил своеобразный неоправославный педагогический ренессанс. Среди же педагогических имен прошлого оказалось поднятым на щит наследие К.Д. Ушинского.

Отторжение чрезвычайно до этого популярных идей и моделей германской школы развернуло российское образование к тем подходам, которые выдвигались в американской, английской и французской педагогике. Это были действительно для того времени передовые, прогрессивные и гуманные идеи, во многом способствовавшие модернизации российского образования.

После Октябрьской революции заимствование всех передовых идей и подходов приняло совершенно неуправляемый и безграничный характер. Это в полной мере воплотилось в документе гуманистическом, вдохновляющем, замечательном, но в равной степени и утопичном, и эклектичном — «Основных принципах Единой трудовой школы РСФСР» (1918).

Что же касается изменений в направлении стратегии развития образования, то, несомненно, социальный переворот обусловил и переворот педагогический. На смену доминировавшей прежде парадигме «школы учебы» стала приходить новая образовательная парадигма — «школа труда».

Судьбы

1910-е годы — это время, когда старая гвардия педагогов покидает авансцену и в итоге удаляется, кто на периферию педагогической жизни, а кто и вовсе эту жизнь покидает. На первые роли выходят те, кто и в 20-е, а кому повезет, и в 30-е годы будут в основном определять развитие отечественной педагогической мысли — П. Блонский, М. Рубинштейн, А. Пинкевич, В. Зеньковский, С. Шацкий, В. Сорока-Росинский, С. Гессен.

Особенно ярко заявили о себе П. Блонский и М. Рубинштейн. Каждая их статья вызывала споры, дискуссии. Они, с одной стороны, призывали к построению педагогики на научно-психологической, философской, культурологической основе. А с другой — выдвигали идеи серьезных социально-педагогических преобразований, призывали к смене образовательных парадигм.

Но педагогом десятилетия, несомненно, был Блонский. Популярный еще во время Первой мировой войны, он, решительно перейдя в 1918-19 гг. на сторону новой власти, стал главным теоретиком Наркомпроса. Его оригинальные, но совершенно не вписанные в контекст тогдашней российской действительности идеи при попытке их практической реализации привели к тому, что пропагандируемые им школы-коммуны потеряли свои образовательные функции.

Школы

Это десятилетие, как на проявляемой фотографии, предъявило современникам чуть ли не весь потенциал возможного многообразия типов и видов школ. Среди них были как перспективные, добротные образовательные учреждения, так и всколыхнутые революционной волной забавные и даже причудливые образцы.

Блистательных успехов накануне революции добивались коммерческие училища. Благодаря тому, что они подчинялись не Минпро-

су, а Министерству финансов, в них проводились смелые эксперименты. Решительно модернизировалось содержание образования, использовались удачные приемы стимулирования самостоятельной творческой деятельности учащихся. Широко применялись наглядные пособия, ставились опыты, проводились многочисленные экскурсии. В этих училищах собирались лучшие учителя, которым было тесно в казенных учебных заведениях. Кстати, среди них было много евреев, которых не жаловало гимназическое руководство.

Другим интересным феноменом стали появившиеся в 1918-19 гг. первые опытные станции и школы Наркомпроса. Лучшие из них действительно поражали воображение своими успехами. Что, впрочем, было неудивительно, т.к. они основывались на хорошей материальной базе бывших гимназий и лицеев. Здесь работали прекрасные педагоги — люди широко образованные, высококультурные, настоящие подвижники образования, соль русской интеллигенции.

Оригинальным типом учреждений, который лишь относительно можно назвать образовательным, стали появившиеся в начале гражданской войны школы-коммуны. В них была предпринята попытка реализации народнических идей. Располагавшиеся в сельской местности в помещичьих усадьбах, эти школы строили всю свою деятельность на основе самоуправления, самообслуживания, постоянного и тяжелого труда педагогов и воспитанников на полях и огородах, в мастерских. Неудивительно, что на учебу времени оставалось мало.

Наследие

Это десятилетие оставило богатое наследство, причем не только идей, но и законодательных актов, программно-методических материалов. Почти все они не были практически реализованы в то время. Революционная эпоха, конечно, оказалась богатой на различные футурологические проекты, в которых школа менялась до неузнаваемости, превращаясь в своеобразный город-государство, где все его жители — и взрослые и дети — вместе трудились, учились, строили свою жизнь.

Уроки

Не менее богатым оказалось это десятилетие и на уроки. Стало очевидно, чем чревато вовлечение детей в политическую борьбу. Не менее серьезным уроком — легкомыслия — явилась вся первоначальная образовательная политика Наркомпроса, когда в угоду фантастическим проектам переустройства школы на коммунистической основе были принесены в жертву идеалы российского просвещения.

1910

«Давно уже пришли к заключению, что отметки не только бесполезны, но и вредны, и есть школы, которые проводят это воззрение на практике. Тем не менее, большинство учащихся, как у нас, так и в Западной Европе, все еще находятся под гнетом отметок. Этому содействует и то обстоятельство, что встречаются педагоги, которые, отвергая отметки в теории, боятся расстаться с ними на практике».

Л. Ребиндер

Л.Н. Толстой

Со временем все отчетливее становится то огромное влияние, которое оказала личность Льва Николаевича Толстого на различные сферы русской культуры, в том числе и образование. С ним связаны традиции свободного воспитания, реализация идей природосообразности, ненасильственной гуманной педагогики. Его «Азбука» находится в центре внимания передовых методистов начального обучения. А реализованные им принципы: индивидуального подхода к ребенку, стимулирования познавательного интереса и творческой активности учащихся, естественного воспитания, народности педагогики и школы и сейчас во многом определяют развитие отечественного образования.

Смерть Л.Н. Толстого в 1910 году вызвала всплеск интереса к его личности и деятельности. Появились десятки статей, книг, в которых с большей или меньшей успешностью осмысливался феномен Льва Николаевича как педагогического мыслителя.

Тогда же складывается и известная концепция о «двух Толстых». Один — периода 60-70 годов (времени непосредственной работы Льва Николаевича в Яснополянской школе), когда он был убежден, что главная и единственная задача педагога это обучение в соответствии с природой, интересами, склонностями конкретных учащихся. Ключевыми словами для него тогда являлись «опыт и свобода». В то время Толстой отрицал саму возможность воспитательного воздействия педагога на своих питомцев. Аргументировал он это тем, что не существует абсолютной истины и

поэтому учитель не может навязывать своего относительного знания учащимся. Другой причиной такого подхода являлась убежденность Толстого в том, что дети нравственнее взрослых, хотя бы потому, что они еще не испорчены жизнью. Из этого он делал вывод: воспитание кощунственно по своей сути, т.к. безнравственные воспитывают нравственных.

С конца 80-х годов у Л.Н. Толстого происходит глубокий мировоззренческий переворот, который не мог не сказаться и на его педагогических взглядах. Главным для мыслителя становится разработка религиозно-нравственного учения и обличение всех недостатков окружающей жизни. В данной связи Лев Николаевич резко осуждает свои взгляды предшествующего периода и даже с присущей ему беспощадностью оценок делает вывод, что в Яснополянской школе он занимался «духовным развратом и растлением детей». У него формируется убеждение, диаметрально противоположное прежним взглядам, — педагог должен прежде всего заниматься воспитанием детей и только уже затем обучением. Такой вывод был сделан Львом Николаевичем на основе его уверенности в существовании носителя Абсолютного Знания — Бога. Вот это знание и должен был воспитать учитель в ученике. Такая позиция Толстого была вызвана и его резкой критикой пороков современной цивилизации, приводящей к дегуманизации общества. Одной из причин такого явления мыслитель считал опасное доминирование в образовании рационализма над духовно-нравственным, эмоциональным формированием личности.

Такая полифония взглядов Льва Николаевича Толстого, сложная эволюция его педагогического мировоззрения и приводит сейчас к тому, что вокруг имени великого гуманиста объединяются выразители противоположных педагогических концепций.

Тенишевское училище

Среди плеяды замечательных образовательных учреждений России начала XX века заметно выделялось Тенишевское училище. Его известность простиралась далеко за пределами России. Причем прославилось оно не только своими первоклассными педагогами, но блистательными выпускниками. Достаточно назвать Владимира Набокова и Осипа Мандельштама.

Сразу развеем сложившееся заблуждение, будто своим созданием, а следовательно, и названием училище обязано известной просветительнице, женщине с вулканическим темпераментом —

Марии Тенишевой. На самом деле она была беспощадным и непримиримым врагом детища своего мужа князя Вячеслава Николаевича Тенишева. Один из богатейших людей России, блестящий инженер, выдающийся организатор, настоящий самородок, он задумал создать школу, построенную на новых педагогических принципах —готовящей человека к жизни, к трудовой деятельности и способной подготовить слой русской инженерной интеллигенции. Причем князь рассуждал так: стоит только в Петербурге появиться одной образцово-показательной школе, построенной на новых принципах, как остальные учебные заведения последуют ее примеру. И тогда правительству ничего не останется, как признать де-факто осуществленные перемены.

Школьное здание на Моховой, 35, было возведено в рекордно короткий срок — за год. Однако и расходы по строительству перевалили за миллион — сумму по тем временам баснословную. Но здание вышло на загляденье — два больших корпуса, соединенных стеклянной галереей. Просторные высокие светлые классы. Огромные рекреационные залы. Прекрасно оборудованные лаборатории и кабинеты. Оранжерея с диковинными растениями. Собственная обсерватория. Две библиотеки, насчитывающие свыше 6 тысяч томов. Директором нового училища был приглашен замечательный педагог, литератор, знаток коммерческого образования А.Я. Острогорский. Он собрал в училище когорту блестящих учителей. Их объединенными усилиями была создана уникальная для того времени школьная атмосфера. В училище принимались все дети, независимо от сословия и вероисповедания. Но особенно популярно оно было в среде петербургской интеллигенции.

В Тенишевке была реализована собственная образовательная программа. Каждый преподаватель вел урок так, как это подсказывал ему многолетний опыт. Педагогический коллектив объединяла любовь к детям, стремление отдать все свои силы и помыслы воспитанию гармоничной личности. Уроки органично продолжали экскурсии ближние (по Петербургу и его окрестностям) и дальние (Крым, Урал, Прибалтика и даже Швеция). Регулярно организовывались экскурсии на фабрики и заводы, где учащихся знакомили с технологией и организацией производства. Особое место в жизни тенишевцев занимали историко-литературные экскурсии по Петербургу.

Вообще культурная жизнь в училище кипела. В актовом зале ставил спектакли Всеволод Мейерхольд. Выступал Александр Блок. Помимо литературных вечеров широко практиковались диспуты, читались лекции, устраивались концерты. Вряд ли какой-нибудь известный деятель культуры миновал Тенишевский зал. Да и сами учащиеся регулярно посещали театры, художествен-

ные выставки. И даже по особому разрешению дирекции занимались в читальных залах Публичной библиотеки. Все это способствовало тому, что у большинства тенишевцев с ранних лет появлялась тяга к творчеству. Они занимались в многочисленных кружках, ставили спектакли, проводили научные опыты. В училище выходил интереснейший ученический рукописный журнал «Юная мысль». А под руководством известного поэта и преподавателя литературы В. Гиппиуса ученики написали и опубликовали большой коллективный литературоведческий труд под дерзким названием «Записки по истории русской литературы», где сделали анализ памятников русской словесности от «Слова о полку Игореве» до произведений Гоголя.

Между учениками и педагогами складывались уважительные отношения. Здесь не было принято кричать на ребенка, наказывать за шалости. Впервые в истории русской школы отменялись отметки. Родители извещались об успеваемости только в случае плохой учебы. Для того чтобы найти подход к детям, учителя предлагали родителям заполнить опросный лист, охватывающий все стороны жизни будущего ученика.

Интеллектуальное и нравственное силовое поле Тенишевского училища оказалось столь велико, что сказывалось и в 20-30-е годы. Продолжали преподавать дореволюционные педагоги, а также молодые учителя, составившие затем гордость русской культуры: Ю. Тынянов, И. Соллертинский, Б. Асафьев. С трудом, но еще удавалось сохранить удивительную, духовно насыщенную атмосферу школьной жизни. Симптоматично, что уже в советское время эту школу закончили Лидия Чуковская, Даниил Гранин, немало других известных писателей и поэтов.

1911

«Последнее десятилетие поставило пред нами несколько крупнейших исторических задач, и мы не выдержали этого экзамена. У нас не оказалось людей, стоящих на высоте предъявленных к ним требований. Мы оказались умственными и нравственными банкротами. Мы зашли в какой-то тупик, из которого не видно выхода. Среди людей, от которых несколько лет назад можно было слышать восторженные речи, полные веры и надежды на лучшее будущее, теперь встречаем угнетенное настроение, разочарование, уныние, близкое к отчаянию. И это побуждает нас с наибольшей серьезностью отнестись к вопросам образования и воспитания поколений, идущих нам на смену».

В. Вахтеров

А.Ф. Лазурский

Начало XX века характеризовалось в России взлетом психологической науки. Среди многих ярких имен ученых, посвятивших свою жизнь познанию сущности человека, его личности и индивидуальности, Александр Федорович Лазурский занимает одно из ведущих мест. Он удивительно много успел сделать за неполные 43 года жизни (1874-1917), из которых половину посвятил разработке психологических проблем. О нем В.М. Бехтерев сказал: «Трудно представить себе более самоотверженного и преданного научному делу человека, забывшего ради науки все земные блага».

Психолог, педагог, врач-психиатр А.Ф. Лазурский является основоположником индивидуальной психологии, автором фундаментальных трудов по классификации личности, оригинальной программы изучения индивидуальных проявлений человека. Он выступал горячим поборником использования психологических знаний в педагогической практике. Наиболее ярко это отразилось в его книге «Школьные характеристики», в которой он, используя разработанную им программу изучения личности, создает типологию детских характеров. При этом Лазурский предлагает и собственный метод составления детских характеристик «экспериментальные уроки». Их суть состояла в том, что учитель фиксировал индивидуальные проявления личности, специфичные для данного вида уроков, а затем разрабатывал такой план урока, на котором было собрано все то, что дало бы возможность обнаружиться в наиболее яркой форме индивидуальным особенностям ребен-

ка. Вместе с коллективом своих учеников А.Ф. Лазурский создал несколько планов таких уроков: по арифметике, русскому языку, естествознанию, рисованию.

1911 год оказался знаменательным и даже переломным в жизни Лазурского. На Первом Всероссийском съезде по экспериментальной педагогике он выступает с докладом о методе естественного эксперимента — новом слове в психологическом изучении учащихся. Идя навстречу стремлению педагогов он решил использовать этот метод при обычной школьной работе ученика. Так в роли экспериментаторов выступали сами педагоги, постепенно втягиваясь в круг современных психологических исследований.

В этом же году Александр Федорович открывает при Психоневрологическом институте Вспомогательную школу, предназначенную «для детей с пониженной успешностью, нервных и слаборазвитых». Эта школа являлась еще и бесплатным консультативно-амбулаторным центром по детской психопатологии, при котором, например, устраивались курсы «по обучению и воспитанию отсталых и ненормальных детей», где кроме врачей читал свои лекции и Лазурский.

Кроме Вспомогательной школы любимым детищем Александра Федоровича являлась Психологическая лаборатория при Психоневрологическом институте. Здесь он разрабатывал новые методы психологического исследования. Будучи профессором института, Лазурский вдохновляется идеей принципиально новой системы высшего образования, в которой главными дисциплинами были бы «науки о человеке» и все подчинялось бы интересам этих наук.

Преждевременная смерть не дала осуществиться многим планам этого замечательного ученого-гуманиста. По мнению близко знавших его людей А.Ф. Лазурский «был глубоко гармоничной, светлой, высокоморальной личностью. Необыкновенно скромный и миролюбивый, он не имел врагов; чуждый рисовки, стремления к популярности, завоевал широкую известность. Мягкий, чуткий и деликатный, щепетильно честный и добрый, он привлекал к себе сердца окружающих».

Университет Шанявского

Вольная высшая школа, развивавшаяся в России в начале XX века, была представлена или академическими, или народными университетами. И только лишь университет Шанявского органично совмещал в себе оба эти направления.

Основатель этого образовательного учреждения нового типа

Альфонс Леонович Шанявский был личностью необыкновенной. Все военные учебные заведения, в которых он учился, Шанявский заканчивал с золотой медалью и «первым в списке». Выйдя в отставку в 38 лет в генеральском звании, он становится золотодобытчиком и сколачивает капитал. Это и дало возможность приступить ему совместно с женой к реализации давней мечты — созданию в России высшей вольной школы нового типа. Он предложил Москве средства на организацию свободного университета, который был бы доступен для всех желающих. Эту идею защищал в Думе П. Милюков, в Государственном Совете М. Ковалевский, а одобрил председатель Совета министров П.А. Столыпин.

Хотя сам Шанявский до открытия университета не дожил, все же его детище обрело жизнь в 1908 году. Однако в первые годы было трудно осуществить задуманное из-за отсутствия помещения. И лишь постройка собственного здания дала возможность реализовать выстраданные планы.

Вольный университет выступал как оппонент официальной системы образования. Здесь действовали академическое и научно-популярное отделения. Профессора университета К. Тимирязев, А. Ферсман, Н. Жуковский, А. Фортунатов отказались от традиционного содержания образования.

На академическом отделении существовали естественно-исторический, общественно-юридический и историко-философский циклы, каждый из которых давал своим выпускникам высшее общенаучное образование. Для обучения на этом отделении нужны были знания примерно в объеме средней школы. Подготовку к поступлению сюда и обеспечивало научно-популярное отделение.

Предметная система предоставляла студентам свободу выбора. Они самостоятельно составляли индивидуальные учебные планы, записывались в те группы специализации, которые наиболее соответствовали их образовательным интересам, сами выбирали курсы и преподавателей. По сути, главный акцент делался на самостоятельную подготовку студентов, формирование у них навыков познавательной деятельности.

Интересный факт: ежегодно слушателям предлагалось заполнить анкету, в которой среди других стоял вопрос: «Кто из преподавателей Вас удовлетворил, кто не удовлетворил и почему?». Ответы на него помогали преподавателям взглянуть на себя и свою методику со стороны, найти более правильный способ общения с аудиторией.

В целом интересы слушателей находились в центре образовательного процесса. Это был действительно «университет для студентов» (их насчитывалось в 1911 году 1735, а в 1917 уже 7

тысяч). Для удобства студентов, большинство из которых работали, занятия велись в вечернее время. Среди слушателей научно-популярного отделения (срок обучения 4 года, а плата 6 рублей в год) половину составляли фабричные рабочие. Как известно в университете Шанявского учился и Сергей Есенин: в казенный университет его без гимназического аттестата ни за что бы ни взяли.

Наряду с обучением в университетских лабораториях проводились и серьезные научные исследования.

После революции в течение 1919-20 годов университет Шанявского был ликвидирован. Долгое время в здании университета на Миусской площади находилась Высшая партийная школа. И только сейчас это легендарное помещение используется в русле традиций: в нем размещается Российский гуманитарный университет.

1912

«Вы подходите к дитяти, которое влияние среды, может быть, заставило сжаться в комок, оледенило его сердце. И прикосновением своей руки, своим голосом и взглядом, теплом своего сердца вы согреваете его сердце, выпрямляете его душу. Вы зовете его к новой, лучшей жизни, и благодаря вам общество получает новую жизнь».

Л. Синицкий

М.М. Рубинштейн

В 1912 году на российском педагогическом небосклоне взошла новая яркая звезда — Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878-1953). Цикл статей в лучшем либерально-педагогическом журнале «Вестник воспитания», книга «Идея личности как основа мировоззрения», первое издание фундаментальных «Очерков педагогической психологии в связи с общей педагогикой» сразу сделали имя молодого ученого широко известным. О нем заговорили как о преемнике великого Каптерева.

Это было связано с новизной и основательностью разрабатываемых М. Рубинштейном проблем, несомненной широкой эрудицией автора, его компетенцией в философских, психологических, социальных вопросах, талантливым полемичным стилем изложения. Но не только — все содержание было, как бы изнутри подсвечено высоким гуманизмом, неподдельным вниманием к личности ребенка, преданностью общечеловеческим ценностям.

Осмысливая результаты деятельности М. Рубинштейна, становится отчетливо ясно, что, не особенно афишируя свои замыслы, он взялся за реализацию поистине исполинской задачи — одному создать новую педагогическую парадигму, причем во всех составляющих компонентах, и постараться воплотить ее в жизнь. И это ему удалось несмотря на все превратности судьбы и истории.

В 1920-е годы парадигма личностно-ориентированной педагогики М. Рубинштейна шла как бы параллельно советской педагогике, но отличалась от нее, как отличается громыхающая магистраль от вьющегося неподалеку уютного проселка.

Два главных зла последовательно преследовал М. Рубинштейн — это классово-партийные установки, ломающие подход к целостной личности, и искусственную гипертрофию то одного, то другого принципа воспитания. Он обращается к проблемам российского менталитета, занимается изучением народной педагогики и на этой основе стремится создать отечественную школу. Его заслугой является изучение психологии подросткового и особенно юношеского возраста. В целом в 20-е годы вокруг М. Рубинштейна сплачивались сторонники гуманной педагогики, находившиеся в мягкой оппозиции к Наркомпросу.

Этого ему, естественно, не простили. В начале 30-х годов он подвергся опасной идеологической травле как создатель «педагогики туманной реакции». Хотя Моисей Матвеевич не был репрессирован и продолжал преподавать в пединститутах, на активной научной деятельности пришлось поставить крест. За 30-е — нач. 50-х годов он опубликовал лишь пяток проходных статей и книгу «Воспитание читательских интересов у школьников», в которой, верный себе, советует педагогу опираться прежде всего на интересы юных читателей.

Педагогический институт им. П.Г. Шелапутина

Хорошо известна излюбленная идея эпохи Просвещения — новых людей могут воспитать только новые люди. Но где же было их взять? Особенно в России, где как раз подготовка специалистов с высшим педагогическим образованием обстояла особенно неблагополучно. В гимназии, начальные школы приходили нередко настоящие подвижники учительской миссии, хорошо знающие предмет преподавания, но плохо владевшие основами педагогики и психологии. Восполнить этот пробел и был призван институт им. Шелапутина — высшее образовательное учреждение, не имевшее аналогов не только в начале века, но во многом и сейчас. Его созданию предшествовали события печальные, даже драматические. Смерть одного за другим двух сыновей подвигла Павла Григорьевича Шелапутина на создание педагогического комплекса, состоявшего из гимназии, реального училища и педагогического института. Он называл это «Посильный дар Родине».

В 1912 году слава Института стала широко распространяться. И неудивительно. Ведь в нем впервые была реализована идея, говоря современным языком, последипломной подготовки преподавателей. В институт принимались выпускники университетов, духовных академий и других высших учебных заведений. Обуче-

ние продолжалось два года и носило подчеркнуто практико-ориентированный характер. Этой цели были подчинены теоретические, дидактические и методические знания.

Главной новинкой являлась непрерывная педагогическая практика студентов во входящих в состав комплекса гимназии и реальном училище. Методике преподавания учили непосредственно во время проводимых слушателями уроков. Причем в качестве методистов для этой непрерывной педагогической практики привлекались лучшие московские преподаватели. Разумеется, студентов не бросали сразу в класс. Вначале они наблюдали за уроками других педагогов, затем заменяли отсутствующих преподавателей и только потом начинали самостоятельно преподавать.

Директор Института профессор и доктор всеобщей истории А.Н. Ясинский был убежден, что такой подход полезен не только слушателям, но и педагогам, учащимся «подопытных» гимназии и реального училища. Ведь студенты вносили в их жизнь новую и свежую струю, охотно участвовали в воспитательной работе.

Подчеркнем, что связь с выпускниками не прерывалась после их ухода из альма-матер. Они неоднократно возвращались в родные стены — выступали на научно-практических конференциях, участвовали в работе методико-педагогического консультационного центра для учителей (своего рода «института повышения квалификации»). Все это способствовало постоянному пополнению и обогащению знаний выпускников.

Впрочем, для справедливости отметим, что Институт представлял собой достаточно элитарное, немногочисленное (его закончило всего 95 педагогов) учебное заведение, причем определенной направленности. Сюда могли поступить только мужчины великорусской национальности и православного вероисповедания.

После революции на базе Института работали различные образовательные учреждения, например, Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской.

1913

«Наша печальная действительность создала крайне печальные условия не только для практической жизни — она положила свою тяжелую руку и на работу мысли. В самом незавидном положении оказываются исследователи педагогических вопросов, так как применяется простое мерило: кто за это решение, тот за нас, кто против него, тот против нас. И делается вывод — этот ретроград, а тот сторонник угнетателей».

М. Рубинштейн

В. П. Вахтеров

Бывает так, что у ученого-педагога уже имеется известная и устойчивая репутация и вдруг его новая книга резко изменяет привычные оценки. Так произошло в 1913 году с Василием Порфирьевичем Вахтеровым (1853-1924). Он был широко известен как методист, автор замечательных книг для первоначального обучения. Изданный им в самом конце XIX века «Русский букварь» выдержал более 120 изданий. Большое распространение получила и его хрестоматия «Мир в рассказах для детей».

Однако выход в свет книги Вахтерова «Основы новой педагогики» сразу заставил судить о нем как об оригинальном и незаурядном педагогическом мыслителе. Две главные идеи развивал он в этой книге. В основу «эволюционной педагогики», как Вахтеров называл свое учение, предлагалось положить идею целостного развития личности ребенка в единстве его внутренних и внешних факторов. Причем все это было пронизано знанием психологии и физиологии развивающегося ребенка.

Другой нерв концепции В.П. Вахтерева — это его убежденность в том, что образование — важнейший фактор развития общества. Он скрупулезно подсчитал, сколько средств необходимо на введение всеобщего бесплатного начального образования. И доказал, что эти деньги у государства имеются.

Несомненно, Василий Порфирьевич представлял собой замечательный тип русского педагога-просветителя. Симптоматично, что и после революции его не тронули и дали возможность работать с учителями и студентами.

Московская Академия бизнеса

Так по праву могла называться Московская Практическая Академия коммерческих наук — лучшее в начале века учебное заведение для подготовки деловых людей. В 1913 году, в период промышленного подъема, особенно ярко проявили себя ее выпускники — предприниматели с настоящим московским умом: бойким и гибким, вдумчивым и немного насмешливым. Их деловую хватку и отличную выучку высоко ценили в Европе.

Своим возникновением и развитием Практическая Академия была целиком обязана инициативе и постоянной заинтересованной поддержки московского купечества. Для обеспечения материального благополучия Академии при ней было основано Общество любителей коммерческих знаний, в котором наряду с купцами состояли высшие царские сановники, князья и графы.

Принципы обучения в Академии были определены ее основателем К.И.Арнольди, считавшим, что преподаватель коммерции «должен объяснять ученику все наиболее часто встречающиеся ситуации, дать практические навыки, повести его на биржу, показать мануфактуры и фабрики».

Наряду с общеобразовательными предметами в течение 8 лет изучались товароведение, бухгалтерия, политэкономия, торговое и вексельное право, международный рынок. Здесь, в единственном среднем учебном заведении, наряду с немецким и французским изучался английский язык. Успешно окончившие Академию получали звание «потомственного почетного гражданина» и «кандидата коммерции». Они затем поступали в Коммерческий институт или в Университет.

Среди выпускников Академии были не только многие известные предприниматели (например, братья Рябушинские), но и ученые, художники, крупные общественные деятели. В ее стенах учились талантливый актер и драматург Д. Ленский, а также основатель кабаре «Летучая мышь» Никита Балиев.

1914

«Сейчас у нас хорошая школа невозможна, но плохой, хотя и возможной школой вдохновляться мы не можем. Пусть воспрянет идеализм педагога. Кому, как не воспитателю людей будущего, пристало жить и действовать под властью будущего! Желание идеала рождает реально хорошее».

П. Блонский

Г.И. Челпанов

В 1914 году сбылась, казалось бы, совершенно иллюзорная мечта Георгия Ивановича Челпанова (1862-1936): состоялось открытие его детища — Психологического института. К этому событию он, по сути, шел всю свою жизнь.

Получив образование в Новороссийском университете, Челпанов преподает философию и психологию в Киеве. А после защиты в 1906 г. докторской диссертации его приглашают возглавить кафедру философии в Московском университете. Начинается почти 30-летний период его московской научной деятельности, который принес Георгию Ивановичу множество радостей и достижений, но и много разочарования и горя, связанного с предательством близких людей.

В то время Челпанов был одной из центральных фигур в научной жизни Москвы. Он организовал новый психологический семинарий, создал Общество экспериментально-прикладных исследований, в который входили представители всех факультетов университета. В этой работе активное участие принимали и его бывшие студенты Блонский и Шпет, которые по его настоянию переехали из Киева.

Однако делом его жизни стала организация Психологического института. Для ознакомления с работой подобных учреждений Челпанов неоднократно выезжал в командировки в США и Германию. По его проекту было закуплено оборудование института, организованы различные лаборатории.

Георгий Иванович был не только выдающимся организатором психологической науки в России, но и замечательным лектором.

Он являлся прекрасным педагогом, способным увлечь студентов, побудить их работать с полной отдачей. Будучи широко образованным человеком, он хорошо ориентировался в современных ему зарубежных научных школах, принимал участие практически во всех международных психологических конгрессах.

Оригинальны были его подходы к экспериментальным исследованиям. Он предложил особый метод познания личности — метод «вчувствования». Сущность его заключается в том, чтобы ученому не наблюдать факты со стороны, не объяснять их, а самому пережить их, пропустив через себя.

Историки психологии скромно оценивают результаты научной деятельности Челпанова. Считается, что он не создал самобытной психологической теории. Действительно, главная заслуга его в другом — он обладал даром подбирать в институте молодых и талантливых ученых. Отечественная психология обязана ему появлением многих значительных научных имен. Будучи видным педагогом и организатором науки, он сыграл важную роль в формировании высокой исследовательской культуры. Он создал свою школу, заложив основы дальнейшего плодотворного развития психологической науки в России. Именно выращенная им плеяда стояла у истоков советской психологии.

После революции судьба Георгия Ивановича складывается очень тяжело. В 1923 г. его изгоняют не только из университета, но из созданного им Психологического института. Причем инициаторами его ухода становятся бывшие ученики и сотрудники — Корнилов, Блонский, выступавшие за построение психологии на основе марксизма. Какое-то время ему еще удается плодотворно работать в Государственной академии художественных наук. Но в 1930-м году ее закрывают, и Челпанов остается без работы.

Последние годы его жизни были по истине трагическими — умирают дочь и внучка. В 1936 г. расстреливают сына. В то время Челпанов приходил в созданный им Психологический институт и, сидя у входа, спрашивал сотрудников, помнят ли они еще его, а те старались пройти мимо быстро и незаметно...

Психологический институт на Моховой

Двадцать третьего марта 1914 г. в Москве, на Моховой, в глубине университетского двора, состоялось торжественное открытие Психологического института имени Л.Г. Щукиной. В этот день многие московские газеты и журналы вышли с ликующими заголовками: «Новый дворец науки», «Дворец психологии».

И действительно, здание института — крупнейшего в Европе — поражало воображение. На первом этаже располагались большая аудитория на 300 человек и огромная библиотека. Второй этаж предназначался исключительно для практических занятий, а третий использовался для научных исследований по экспериментальной психологии. Институт был прекрасно оснащен аппаратурой — свыше 150 новейших специальных приборов для изучения всех возможных психических ощущений и процессов.

Необычен был и подход к подбору сотрудников. Большинство их составляли студенты и выпускники университета, проводившие самостоятельные исследования по экспериментальной психологии. Отбор был очень жестким, и состав постоянно менялся. Среди сотрудников значилось немало будущих выдающихся ученых. Достаточно назвать А. Лосева, А. Смирнова, Н. Добрынина, В. Экземплярского и др.

Примечательно, что институт был построен на средства московского купца Сергея Ивановича Щукина, который пожертвовал огромную по тем временам сумму в 200 тысяч рублей. Он сделал это по совету сына-психолога, который был студентом университета и занимался в семинаре профессора Челпанова. И в память о жене Лидии Григорьевне, чье имя было присвоено институту.

В своей дальнейшей более чем 80-летней истории Психологическому институту пришлось пережить много ярких и не очень светлых страниц. Но в нем всегда сохранялся дух научного эксперимента и действовал без преувеличения звездный состав ученых, принесших отечественной психологии мировую славу.

1915

«Если педагог главную цель своей деятельности видит в содействии гармоничному росту личности ученика, в пробуждении и поощрении свободной игры творческих сил своего класса, то лучшей методикой преподавания будет та, которая менее всего насилует педагогическую индивидуальность».

Я. Мамонтов

П.Н. Игнатьев

Казалось, самой судьбой было уготовано, чтобы в лихолетье 1915 года у руля российского просвещения оказался именно такой деятель, как Павел Николаевич Игнатьев. Родился он в Константинополе в 1870 году в известном роде Игнатьевых, давшем немало видных военачальников и политических деятелей.

Вся жизнь П.Н. Игнатьева — это удивительный диалог России и Запада. Учился в Сорбоннском университете, а закончил — Киевский. Был предводителем дворянства, председателем земской управы, но в то же время англоманом. Много лет трудился для России, а вечное упокоение нашел в Канаде.

В январе 1915 г. П.Н. Игнатьев достаточно неожиданно для многих, да и, пожалуй, для него самого, высочайшим повелением назначается министром народного просвещения и до конца 1916 г. целеустремленно осуществляет систему широких преобразований. Что реформирует? Все, начиная от руководства МНП и кончая низшей школой в сельской местности.

Но главной заботой Павла Николаевича и его самой сильной болью оставалась, конечно, средняя школа. В апреле 1915 г. он собирает Особое совещание по реформе средней школы. На нем задавали тон видные ученые: П. Каптерев, В. Половцев, директора передовых учебных заведений, учителя, а также депутаты Государственной Думы.

Прежде всего намечалось кардинально изменить структуру содержания образования. Изрядно потеснив латинский, греческий языки и Закон Божий, приоритетными становились отечественная история, география России, русская литература, родной язык. Другой важнейшей стороной реформы стало то, что она предусматривала построение программ, исходя из проблем микросоциальной среды, связи школы с обществом. С этим же был тесно сопряжен и принцип трудовой деятельности как основы всей учебно-воспитательной работы. Выдвигалась идея создания «самодовлеющей школы», то есть такой, которая в полной мере подготавливала к последующей жизни.

К осени 1915 г. разработка пакета основных документов реформы была завершена и на суд общественности представлен обширный том (700 страниц) «Материалов по реформе школы», включавший в себя разработанные за три месяца программы по 26 предметам.

Школа становилась самостоятельной, исчезала необходимость во всех промежуточных управленческих структурах между нею и министерством. Все теоретические и методические вопросы учителя могли теперь решать сами на совещаниях и съездах. Разумеется, когда номенклатура разного уровня осознала всю силу «бомбы», заложенной под них реформой, ее сопротивление стало просто отчаянным.

С ноября 1916 г. атмосфера вокруг министра становилась совершенно невыносимой. Доносы, грязные анонимки, клевета в прессе и истерики в Государственной Думе следовали непрерывным потоком. Вот уже по министерским коридорам вовсю ходит пошлый каламбур: обыгрывая фамилию Павла Николаевича, кругом только и слышно «И-гнать-его». Как в трясине начали вязнуть все преобразования. Реформа, так по сути и не развернувшись, явно захлебывалась. Пытаясь изменить положение, граф Игнатьев решается на отчаянный шаг. Он подает царю прошение об отставке, надеясь на его отрицательный ответ, но Николай II в тот же день ее принимает. Совершенно потрясенный этим, Павел Николаевич 27 декабря в последний раз собирает коллегию министерства, где благодарит всех за два года совместной напряженной деятельности.

1917 год поставил крест на великой реформе. Граф Игнатьев эмигрировал и, будучи председателем Красного креста, много сделал для обустройства школ русской эмиграции в Западной Европе. В них, кстати, преподавали по «игнатьевским» программам.

Умер Павел Николаевич в 1945 году в Монреале. Вспоминаются строчки: «Над Канадой небо синее. Меж берез дожди косые. Хоть похоже на Россию, только все же не Россия...»

Образовательный комплекс М.Х. Свентицкой

Так в полной мере можно назвать уникальное образовательное учреждение, первым в России соединившее под одной крышей детский сад и начальную школу. Тогда все было необычным: и единая программа развития, и особый подход к образованию маленьких детей. В детском саду их, конечно, не учили читать и писать. Главное внимание уделялось всестороннему развитию личности детей. Широко применялись занятия, которые развивали сенсорику и моторику. Дети ежедневно вырезали и выпиливали, занимались плетением, работали с картоном, выкладывали мозаичные панно.

Другой стороной являлось развитие творчества. В детском саду воспитанников постоянно вовлекали в подготовку спектаклей, музыкальных и литературных праздников. Значительное место занимало художественное творчество.

Третьим китом выступала деятельность по оздоровлению детей, гигиене. Специально продуманные упражнения способствовали закаливанию. Много места занимали трудовые упражнения.

На этой основе продолжалось развитие детей в начальной школе, чему благоприятствовало то, что в комплексе осуществлялось единое управление. Руководители «модулей» были самостоятельны в определении тактики решения задач, но общие цели и подходы они разрабатывали вместе с М.Х. Свентицкой. Также регулярно проходили и совместные педсоветы воспитателей детского сада и учителей школы. «Изюминкой» являлось то, что педагог брал детей в младшей группе детского сада и выпускал их из начальной школы. Благодаря этому в процессе воспитания наиболее полно учитывалась индивидуальность ребенка и обеспечивалась преемственность между ступенями образования.

В начальной школе, где уже происходило систематическое обучение, также акцент делался на стимулирование творческих способностей детей. Совместно с родителями организовывались спектакли, различные праздники.

После Октябрьской революции детское учреждение М.Х. Свентицкой существовало в составе «Городка им. III Интернационала», где до середины 20-х годов еще удавалось реализовывать гуманистические педагогические идеи.

1916

«Творчество русского ребенка, развитие в нем инициативы и самодеятельности есть страхование будущих русских поколений от упреков подражательности, пассивности, инертности».

П.П. Блонский

И.Н. Жуков

Педагогика, как, пожалуй, не одна из областей человеческой деятельности, постоянно испытывает на себе благотворное влияние дилетантов. Более всех вдохновенно воплотил в себе черты этого могучего и вечного племени Иннокентий Николаевич Жуков (1875 — 1948) — скульптор и писатель, поэт и путешественник.

В педагогику он пришел в 1916 году, сразу включившись в набирающее ход в России скаутское движение. Созданное благородными людьми, патриотами и тоже, конечно, дилетантами — офицерами, врачами, спортсменами, оно начало приобретать слишком явно выраженные военизированные формы.

Иннокентий Николаевич («дядя Кеша», как называли его скауты), став ответственным секретарем «Всероссийского общества мальчиков-разведчиков», начинает развивать и пропагандировать совсем другую направленность в скаутизме — альтруистическую, рыцарскую ориентацию. В центре всей деятельности должны были находиться гуманистические идеалы, забота о людях, о животных, об окружающей среде. И. Жуков создает «Заповеди русских скаутов» и излагает Молитву разведчиков, Торжественное обещание, нравственные законы и обычаи, песни и даже ритуальное «Сказание о подвиге св. Георгия Победоносца, покровителя скаутов всего мира».

По его замыслу, этика скаутов должна была побуждать помогать ближним делом и словом, утешать страждущего, приходить на помощь обездоленным. И все это только ради выполнения сво-

его нравственного долга перед людьми. Рыцарски благородное служение человечеству должно было служить краеугольным камнем скаутизма.

После революции 1917 г. И.Н.Жуков перебирается к себе на родину, в Читу, где создает «Общество сибирских скаутов». Игнорируя все политические коллизии гражданской войны, Иннокентий Николаевич образует свой «Энциклопедиционный корпус» и водит детей в длительные путешествия по Забайкалью, организует увлекательные игры-соревнования. В организации «волчат» и «птенчиков» было много очень теплых, милых детскому сердцу моментов. Например, «стаи птенчиков» — девочек имели девиз: «Птенчик всегда стремится к полету». Они делились на гнезда, а руководительница носила звание «Мудрая птица». Птенчики приветствовали друг друга: «Стремитесь вверх», ответом служило: «Стремиться будем». Вот так по-доброму создавал «дядя Кеша» свою организацию. Все это способствовало воплощению в жизнь его главной заповеди: работая со стаей, надо стремиться создать из нее счастливую и дружную семью.

Очень интересно были разработаны им разнообразные подвижные игры. Когда знакомишься с их описанием, в памяти сразу возникают удивительно похожие, которые после Иннокентия Николаевича часто публиковались, но только под разными другими фамилиями.

В 1922 г. Жуков переезжает в Москву, где искренне, но, разумеется, совершенно тщетно пытается соединить выстраданные им идеи рыцарского скаутизма с пионерской организацией. Он предлагает создать объединение красных скаутов, в качестве основной деятельности которого стали бы разнообразные длительные игры. В начале к нему даже прислушивались: метод длительной игры являлся основной формой работы в пионерских отрядах 1922 — середине 1924 гг. После отказа руководства комсомола от этой формы работы и резкой политизации деятельности организации Иннокентий Николаевич в знак протеста полностью отходит от пионерских дел. Можно только представить, с какой болью он наблюдал, во что превращается его любимое детище.

Стремясь в опосредованной форме вдохнуть в пионерскую организацию романтику, он создает увлекательные книги для детей: «Путешествие звена «Красная звезда» в страну чудес», «Мертвый огонь (приключения юных пионеров в Египте)».

И все же педагогический романтик, Дон-Кихот и альтруист И.Н.Жуков прожил по-своему счастливую жизнь. Ведь до конца дней он сохранил удивительную наивность и доброту, которые помогли ему выжить в то жестокое время.

Кружок московских городских учительниц

Это было очень своеобразное, чисто женское объединение десяти педагогов, решивших совершить в 1916 г. Коперников переворот в начальной школе. Они были разбросаны по разным учебным заведениям, руководители которых всячески препятствовали их поиску. Учительницы не имели необходимых средств, книг и учебных пособий. То, что удавалось достать, перевозилось из школы в школу, что отнимало много сил. Но все же, одержимые педагогическим творчеством, десять замученных бытом и школьным начальством «училок» довели дело до победного конца. В чем же заключалась сущность их открытия?

Они разработали новаторские для отечественной педагогики идеи, заключавшиеся в целостном (комплексном) подходе к преподаванию в начальной школе. Из школы изгонялись не только такие традиционные приоритеты обучения как русский язык, объяснительное чтение и счет, но и предметное преподавание географии, природоведения и истории. Все учебные предметы интегрировались в один — мироведение, что предполагало знакомство ребенка с окружающей его природой, а также с людьми, обществом и его учреждениями. Главный акцент делался на краеведческом характере преподавания.

Все учебные дисциплины проникали друг в друга и способствовали становлению целостного мировоззрения ребенка. В его основе находился активно-деятельностный подход. Московские учительницы были убеждены, что школа должна с первых шагов стимулировать пытливый ум ребенка, углублять и расширять его желание ориентироваться в окружающем мире, т. е. «взять на себя роль руководительницы естественного развития ребенка». В силу этого акцент делался на таких методах, как экскурсии, уход и наблюдения за животными и растениями, опыты, ручной труд и рисование, а также спектакли, литературные вечера.

Существенно, что создатели этой своеобразной децентрализованной школы не только провозгласили новаторские, хотя и не бесспорные идеи, но сделали следующий важный шаг — разработали и в течение ряда лет апробировали оригинальную программу начальной школы, построенную на выстраданных ими принципах. Более того, снабдили ее всеми необходимыми методическими разработками.

1917

«Именно теперь становится особенно ясно, как дорог нам вооруженный общими, специальными и научно-педагогическими знаниями педагог «Божьею милостью», педагог-личность, педагог-художник».

М.М. Рубинштейн

А.В. Луначарский

Развитие советской школы и педагогики с октября 1917 г. и на протяжении последующих 12 лет невозможно представить без личности первого наркома просвещения РСФСР Анатолия Васильевича Луначарского (1875 — 1933).

Оценки его личности и деятельности сейчас вряд ли могут носить сугубо положительный характер. Однако, несомненно, Анатолий Васильевич был очень своеобразным руководителем Наркомпроса. Работавшие с ним вспоминают, что в его голосе никогда не слышалось командных нот. Авторитет Луначарского коренился в его образованности, в пылком увлечении искусством, литературой, в его искреннем, не напускном уважении к людям и в горячей заинтересованности делом народного просвещения.

Несомненно, богатство и широта его личности, огромная эрудиция способствовали тому, что в 20-е годы в Советской России была проведена радикальная и позитивная реформа образования, которая строилась на использовании всех самых современных идей, форм и методов педагогического процесса, выработанных как на Западе, так и в России. Луначарский всегда стремился сочетать в своей деятельности на посту наркома теоретический подход к проблемам педагогики с практической работой по их решению. Активная, деятельная натура не позволяла ему ограничиваться кабинетом. Он выезжал по личной инициативе в различные города, бывал в школах и других учебных заведениях, встречался с педагогами и представителями общественности.

Нельзя не поразиться не только широте круга интересов А.В.Луначарского, но и масштабам сделанного. Кроме публикаций собственно по проблемам образования (кстати, их сравнительно немного) в его наследии десятки литературоведческих книг, около ста драматических произведений для театра, немало работ атеистического характера, чему тоже отдал много сил бывший богоискатель и богостроитель.

Оглядывая созданное Луначарским, ощущаешь, что, конечно же, по-настоящему его интересовали театр и литература, образованием он занимался все же лишь в силу служебных обязанностей. Да и то не всегда удачно. Известен гнев В.И. Ленина, который, узнав, что так и не созданы учебные программы школ, в свойственной вождю «шутливой» форме распорядился «повесить Луначарского». А самому же Анатолию Васильевичу приказал «положить все театры в гроб, так как наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте». Однако изменить своим приоритетным привязанностям он так и не смог.

Карьера наркома была достаточно неожиданно прервана в 1929 году, когда после резкой и необъективной критики со стороны Сталина в отставку была вынуждена подать вся коллегия Наркомпроса. В дальнейшем Луначарский находился не у дел, пока не был направлен на дипломатическую работу во Францию. Однако до места назначения он так и не добрался, умерев при достаточно странных обстоятельствах. В последнее время появился ряд публикаций, где доказывается, что это было политическое убийство.

«Бодрая жизнь»

Так называлась созданная С.Т.Шацким школа-колония, расположенная в Калужской губернии. Пожалуй, для 1917 г. это было наиболее характерное детское учреждение, ставшее затем образцом подражания для сотен школ-коммун, которые организовывались в последующее десятилетие, но особенно массово в период гражданской войны. Да оно и понятно, ведь Шацким была предложена модель по сути самоокупающегося образовательного заведения, где благодаря непрерывному сельскохозяйственному труду детей и взрослых удавалось получить средства для существования, что в условиях разрухи и голода являлось не педагогическим экспериментом, а средством общего выживания. К сожалению, многочисленные подражатели и последователи много сделали для извращения идеи «трудовой детской свободной общины», сведя все преимущественно к тяже-

лому, нередко непосильному труду детей и мучительной и неприятной деятельности по самообслуживанию.

В «Бодрой жизни» все обстояло с точностью до наоборот. Хотя труд и занимал важное место, но ему придавалась прежде всего воспитательная направленность. Питомцам был ясен практический смысл их деятельности: они налаживали хозяйство, стремились сделать жизнь в колонии более приятной, уютной и красивой. Так приходило ощущение радости в труде.

Основой всей жизни колонии являлось сообщество детей и взрослых, и строилось оно на принципах самоуправления. Ребята были не мнимыми, а подлинными хозяевами «Бодрой жизни». И конечно, как и во всех учреждениях, которые создавал Шацкий, в колонии царило и правило бал Его Величество Творчество. Взрослые и дети издавали журналы, ставили спектакли, организовывали концерты, много слушали музыку и исполняли музыкальные произведения. Оркестры, хор, театр органично уживались с трудом на полях, занятиями в кружках и различными играми.

Вот такую замечательную атмосферу «Бодрой жизни» и стремился уберечь С.Т.Шацкий от политизации и идеологизации воспитательной деятельности, которые несла с собой новая власть.

В 1917 г. ему это пока еще удавалось...

1918

«При сколько-нибудь нормальных условиях внутри школы надо ожидать в ней как отражения Великой Октябрьской революции коренной плодотворной реформы, реформы настолько всеобъемлющей, что она поставила бы русскую школу, по крайней мере по принципам, положенным в ее основу, на первое место в цивилизованном мире».

А. В. Луначарский

Н.К. Крупская

Несмотря на все превратности судьбы, образ Надежды Константиновны Крупской — «первого педагога среди марксистов и первого марксиста среди педагогов» — не может не вызывать искренней симпатии. Она стала товарищем (заместителем) наркома просвещения по решению Ленина уже в октябрьские дни и находилась на этом посту в течение многих лет.

Вначале в кругах педагогической общественности к «мадам Лениной, свалившейся нам на голову из Цюриха» преобладало скептическое и даже недоброжелательное отношение. Однако постепенно оно стало меняться на уважительное.

Конечно, перед вступлением на ответственный пост замнаркома Надежда Константиновна не обладала систематическим педагогическим опытом. Кроме серии статей о жизни передовых школ Запада, опубликованных в журнале «Свободное воспитание», до революции ею была подготовлена интересная книга «Народное образование и демократия», где она показала исторические корни трудовой школы, высоко оценила американскую систему образования. Собственно, этот багаж и лег затем в основу разработки реформы российского образования.

В 1918 году Крупская пережила короткий период увлечения радикальными проектами кардинального переустройства школы — как трудовой коммуны. С отменой уроков, систематического содержания образования и даже летних каникул. Но затем заняла центристскую позицию. Подчеркнем, что эта позиция

была вообще характерна для Крупской. Она всегда негативно относилась ко всем крайностям в деле образования. Ее своеобразным кредо являлось следующее положение: «В школе дети должны не только учиться, но и трудиться, но и не только трудиться, а и учиться».

Другим принципиальным для Крупской положением являлось подчеркивание роли школы как центра воспитательной работы с населением. Она определяла воспитание как планомерное воздействие на подрастающее поколение с целью формирования гражданина. Не отрицая важную роль свободного проявления личности в своей индивидуальности, она считала, что личностное начало призвано отражать в себе принципы и нормы общественного устройства.

В 20-е годы авторитет Н.К.Крупской был непререкаем. Она являлась председателем Научно-педагогической секции Государственного ученого совета, редактировала журнал «На путях к новой школе», руководила Главполитпросветом, организовывала десятки педагогических съездов, конференций, совещаний.

Статьи и выступления Крупской не дают основания судить о ней как о серьезном теоретике, но они были доходчивы и пользовались популярностью. Отметим, что Надежда Константиновна нередко смело выступала по принципиальным вопросам, не боясь идти против сложившейся практики. Так в начале 20-х г. она отстаивала Блонского, Иорданского, Шацкого, обвиненных в мелкобуржуазности. А в конце 20-х гг. боролась против антисемитизма в педагогической среде, а также исключения из школ детей кулаков и священников.

Конечно, мировоззрению Крупской были свойственны переоценка роли труда в образовании, превышение значения классовых интересов над общечеловеческими, нетерпимость к педагогическому инакомыслию и расхождению с марксистской идеологией. Но и здесь она никогда не изменяла здравому смыслу.

С 30-х г. началось оттеснение Надежды Константиновны от руководства делами школы. В 1934 г. она с горечью писала: «Я переключилась на другую работу, на библиотечное дело; организационно к вопросу школы я никакого отношения не имею». Со Сталиным у нее сложились недобрые отношения. Вождь даже в присущей ему манере пошутил, «что надо подобрать Ленину другую вдову».

Умерла Крупская 27 февраля 1939 г. на следующий день после празднования ее 70-летия, где, согласно устойчивой версии, ее отравили.

Школа-коммуна Лепешинского

Пожалуй, самой типичной среди школ нового типа, появившихся летом — осенью 1918 года, являлась школа-коммуна, основанная известным большевиком П.Н.Лепешинским в селе Литвиновичи Гомельской губернии.

Сам Пантелеймон Николаевич был человеком достаточно далеким от педагогики, возможно, этим и объясняется его исступленный максимализм в стремлении полностью сломать «старую, реакционную школу» и на ее месте создать новую революционную «трудовую школу-коммуну». Собственно стремление доказать возможность осуществления этого утопического плана и привело Лепешинского с группой единомышленников в белорусскую деревню. Целью ставилось «идти культурным походом на «медвежьи углы», сдвинуть старый уклад жизни с мертвой точки, узнать его слабую сторону». Все это достаточно органично вписывалось в общую атмосферу политики военного коммунизма.

Созданная Лепешинским школа-коммуна представляет собой интересный образец того, как, идя в противовес со всем менталитетом, укладом местного населения, считая окружающую среду «сплошной реакционной массой», благодаря энтузиазму педагогов все же удалось получить положительный результат. В начале в ней было около ста ребят и только три педагога. Население негативно относилось к коммунистическим целям, которые уже своим названием декларировала школа-коммуна. Поэтому в нее пришли учиться только дети бедняков, причем они находились в ней круглосуточно, как в интернате.

Основные принципы, положенные в фундамент педагогической деятельности, были характерны для школ такого типа. Главным фактором воспитания являлся труд, который занимал практически весь световой день. На плечах ребят лежала вся работа по самообслуживанию, добыванию продовольствия. Но вместе с тем это был труд организующий, дисциплинирующий и сплачивающий. Естественно, что на учебу оставалось мало времени, да это и не рассматривалось как главная задача школы.

Основное внимание уделялось налаживанию особого общественного, коммунистического духа. Это базировалось на близких, товарищеских, построенных на взаимном доверии и дружбе отношениях между педагогами и детьми. Разумеется, действовало и школьное самоуправление.

Неудивительно, что не избалованные заботой, лаской, радостями, да и просто ежедневным питанием дети из бедняцких семей очень любили свою школу-коммуну и были по-настоящему счастливы.

Однако, не выдержав негативного отношения местного населения, школа осенью 1919 года перебралась в Москву.

1919

«Культура будущего — индустриально-коллективистическая культура, и только то образование, которое приобщается к этой культуре, есть подлинное образование. Воспитание максимально сильного и максимально общественного человека — вот наша конечная задача. Полная власть над силами природы и полное участие в жизни человечества — таков наш идеал».

П. П. Блонский

И. В. Ионин

Каждое утро, едва рассветало, на полях, прилегающих к поселку Стрельня под Санкт-Петербургом, появлялся всадник. Пришпоривая коня, он стремительно объезжал окрестности и худощавой фигурой, какой-то внутренней одержимостью, проявляющейся в каждом движении, напоминал Дон-Кихота. Да это и был настоящий Идальго в своем устремлении к прекрасной мечте, всегда жившей в его воображении. Он хотел, чтобы у каждого человека была «полная чаша жизни», чтобы человек находился в постоянном контакте, гармонии с людьми и природой, составлял единое целое со всем окружающим миром.

Игнатий Вячеславович Ионин (а речь идет именно о нем) родился 19(31) декабря1893 г. в селе Ропша недалеко от Санкт-Петербурга. Его молодые годы зеркально отразили судьбу лучших представителей этого поколения, смысл жизни которых заключался в беззаветном и трагичном служении России, ее людям. В 1916 г. с выпускного курса естественного отделения Петербургского университета он, выполняя свой патриотический долг, поступает в офицерскую школу морской авиации в Баку, где его и застал Октябрьский переворот. В 1918-1919 гг. Игнатий Вячеславович служил в Красной Армии военлетом, откуда был демобилизован по состоянию здоровья. Затем мучительные поиски своего педагогического кредо, преподавание в школе им. Л.Н. Толстого в Петрограде.

Но главное дело его жизни началось 21 ноября 1919 г., когда сразу же после неудавшегося наступления армии Юденича Ионин с 27 детьми и двумя воспитателями начинает свою педагогическую робинзонаду. Он основывает школу-колонию (коммуну) в селе Стрельня, в апартаментах бывшего Михайловского дворца.

Впоследствии ионинская школа-коммуна, получившая символичное название «Красные зори», стала одним из самых заметных и известных в 20-30-е годы воспитательных учреждений подобного типа. Значительное количество делегаций, отечественных и зарубежных, посещали школу-колонию. Только за 1931 г. там побывало 4,5 тысячи советских и 240 иностранных посетителей. Джон Дьюи, известный американский педагог и философ, посетивший колонию, дал ей самую высокую оценку.

«Каждому — все» — был максималистский принцип И.В. Ионина, и это «все» включало в себя самые различные стороны жизни, в том числе труд, приносящий радость прежде всего самому работающему и делающий его счастливым. Организатор «Красных зорь» являлся не только энтузиастом, а и рачительным хозяином, умелым организатором, блестящим педагогом, первым воплотившим те идеи и достижения, которые потом совершенно несправедливо будут связываться только с именем Макаренко.

К несчастью, как и сотни тысяч соотечественников, в 30-с годы Ионин был незаслуженно отстранен от любимого дела и на полвека забыт. В сентябре 1937 г. Игнатий Вячеславович и группа его сподвижников были арестованы. Ионин умер в больнице одного из северных островов Архипелага ГУЛага 19 февраля 1939 г. Неспешная его реабилитация пришла только в 1990 г.

Конечно, дело Ионина, как говорится, не пропало даром. В Петербурге уже много лет живет и действует объединение энтузиастов-студентов и преподавателей Российского педагогического университета им. А.И. Герцена, собирающих по крупицам наследие педагога-новатора, организующих пропаганду его идей и опыта. Регулярно проводятся встречи бывших краснозоринцев, на которых уже, конечно, очень пожилые люди, буквально лучащиеся внутренним светом и теплом, вспоминают годы, проведенные вместе с Игнатием Вячеславовичем, как одни из самых счастливых в их жизни.

«Красные зори»

Вся система образования в «Красных зорях» развертывалась на фоне организации жизни учащихся, всего школьного коллектива, среди окружающего сельского населения. Действовало самоуправление, являвшееся немаловажным фактором внутренней жизни колонии и формирующее самостоятельность в каждом воспитаннике.

Органы самоуправления избирались на общем собрании колонистов, которые гордо называли себя «строителями «Красных зорь», имея в виду, как их родные пенаты, так и все наше общество в целом. Педагоги участвовали не только в работе ячеек содействия —

основного структурного подразделения школы, но и во всех трудовых процессах: сельскохозяйственных, строительных и прочих.

В «Красных зорях» не было воспитателей в традиционном понимании, а все педагоги отвечали за определенные направления работы, являлись руководителями трудовых или творческих объединений воспитанников. Не существовало отдельных задач школы и детского дома, были одни общие — коммуны. Таким образом стирались грани между воспитанием и обучением. Немалую роль играло объединение краснозоринцев в сводные отряды, что являлось тогда крупным педагогическим новшеством. Режим дня строился так, чтобы охватить работой сразу весь коллектив. На полях и в мастерских трудились с 9 до 13 и с 18 до 20 часов. Ячейки выдавали наряды, контролировали их выполнение. Общая столовая, совместное проживание, работа бок о бок — все это способствовало быстрому сплочению педагогического и ребячьего коллектива.

Школа-колония развивалась как живой организм, росла, крепла, мужала, осуществляя на практике смелые педагогические и хозяйственные идеи ее основателя. К 1932 г. она превратилась в настоящий агропедагогический комбинат, включавший в себя детский дом, где проживало 400 воспитанников, среднюю дневную и вечернюю школы, агропедтехникум, дом отдыха.

«Красным зорям» принадлежали 140 га земельных угодий, парниковое хозяйство, специализированные фермы, конюшня, пасека, столярная, слесарная, сапожная мастерские, учебно-производственные кабинеты, собственная электростанция, трактор. Большой доход приносили животноводство, рыболовство, разведение цветов на продажу, в том числе за границу. Самоуправление и хозрасчет творили чудеса. Ни о какой обезличке и уравниловке не было и речи.

В распоряжении питомцев Ионина находились библиотека из 9 тысяч томов, оборудованные спортивные площадки, несколько лодок и даже прекрасная белоснежная яхта.

Выпускники колонии не порывали с ней тесной связи, являлись членами «Общества старых краснозоринцев», регулярно собирались на свои съезды. Помимо этого, каждый из выпускников мог в любое время приехать в дом отдыха «Красные зори». Михайловский дворец, расположенный посреди старого парка, близость Финского залива, обилие прудов, речек, земельных угодий — все это создавало у колонистов впечатление жизни в каком-то необычном, утопическом мире. Они сравнивали себя с героями «Таинственного острова» Жюля Верна, построившими счастливую жизнь своими руками.

Основанная И.В. Иониным школа-колония просуществовала на старом месте до сентября 1941 г., и после недолгого пребывания в Ленинграде в марте 1942 г. эвакуировалась в Ярославскую область. Но это были уже погасшие «Красные зори»...

1920-1929

Контекст

Все приливы и отливы политики большевистского руководства в 20-е годы в полной мере сказались на судьбах российского образования. Партийная борьба, переход к нэпу и отказ от него, сложные взаимоотношения Сталина и Крупской, индустриализация и коллективизация обусловили те или иные повороты в образовании.

В 1920-1921 гг. доминировал прежний курс на осуществление промышленной модернизации страны на основе военного коммунизма. Это отразилось в попытках партийного руководства перевести старшую ступень школы на профессиональные рельсы, насаждать производственное обучение.

1923-1928 гг. — это время относительно устойчивого развития страны. В образовании также проявились несомненные черты стабилизации. Особенно это характерно для пучебных программ 1927-28 гг.

Обрыв страны в коллективизацию и классовую борьбу в 1929 году резко сказался и на развитии образования. Прежние тенденции к доминированию собственно учебных целей оказались решительно сломанными, и вновь возобладал курс на вовлечение школьников в общественно-производительный труд, их активное участие во всех политических кампаниях.

Образовательная политика

Образовательная политика на протяжении 20-х гг. определялась, разумеется, партийными установками, но все же они носили пока еще не прямой, а скорее установочный характер. Понятно, что лидеры Наркомпроса Луначарский, Крупская, Покровский, как члены или кандидаты в члены ЦК ВКП(б), проводили партийную линию в образовании, но тоже гибко и опосредованно.

Роль штаба по выработке и осуществлению конкретной образовательной политики, тактических решений играл Государственный ученый совет, а конкретно его научно-педагогическая секция, председателем которой была Крупская. В секции были объединены все наиболее крупные тогда отечественные педагоги, стоявшие на марксистской позиции. И если до 1926 г. главную роль со свойственным ему максимализмом играл Блонский, то затем на первые позиции вышли более традиционные педагогические деятели — Пинкевич, Шацкий, Пистрак. Именно под их руковод-

ством и были подготовлены программы ГУСа 1927 года — наиболее образовательные и стабильные.

В основе образовательной политики находились три ключевых понятия: материализм, диалектика, классовая борьба. Исходя из этих приоритетов и строилось содержание образования.

Идеи

Поскольку дореволюционная школа рассматривалась негативно, то самое пристальное внимание в процессе поиска ориентиров было обращено на достижения тогдашней передовой педагогической мысли, особенно американской. В результате в советской педагогике 20-х годов, причем с санкции и более того — под давлением Наркомпроса были воплощены все основные идеи мировой педагогики: дальтон-план, комплексный метод, метод проектов и т.д.

У руководства Наркомпроса была убежденность в том, что можно безбоязненно, причем механически, заимствовать западные педагогические технологии, как это делается с промышленными технологиями. Считалось, что технологии стерильны с точки зрения идеологии и потому могут продуктивно нести коммунистическое содержание образования.

Разумеется, такой механический перенос всех передовых технологий на скудную почву советской школы не мог не привести к печальным последствиям. В лучших учреждениях — опытных и показательных школах — удавалось достигнуть хороших результатов. В массовой же практике все эти замечательные идеи профанировались и доводились до абсурда. Впрочем, нельзя не обратить внимания на одну деталь. В 20-е годы была предпринята первая и последняя попытка действительно трансформировать массовую школу. Перед каждым учителем была поставлена жесткая дилемма: или он работает по комплексным программам, использует бригадно-лабораторный метод, организует экскурсии, ставит опыты, или его увольняют, что в условиях тогдашней массовой безработицы означало голодную смерть. И этот императив насильно, как картошку при Екатерине, все же внедрил в массовую школу самые передовые педагогические новации.

Судьбы

Гражданская война, вызвавшая массовую эмиграцию, расколола и без того не очень многочисленное научно-педагогическое сообщество. В 20-е годы у тех педагогов, которые заявили о себе в дореволюционный период, оказалось четыре дороги, четыре судьбы. Одни пошли на сотрудничество с Наркомпросом, вошли в

научно-педагогическую секцию ГУСа (Блонский, Пинкевич, Шацкий), другие эмигрировали и трудились на ниве педагогики Русского зарубежья (Зеньковский, Гессен). Вентцелю, оставшемуся в Советской России, поневоле пришлось уйти во внутреннюю эмиграцию, писать «в стол».

Моисей Рубинштейн занимал позицию мягкого оппонирования официальной педагогике, продолжая развивать гуманистические идеи.

Школы

В это время можно говорить о двух системах отечественного образования: в Советской России и в Русском зарубежье.

В Советской России выделялась когорта привилегированных школ — опытно-показательных, где была хорошая материальная база, работали педагоги-подвижники. Здесь действительно удавалось достигать замечательных результатов в обучении. Вся атмосфера была пронизана творчеством. В укладе школ доминировало самоуправление. Неудивительно, что именно эти школы использовались властью как своеобразная витрина. Сюда охотно и постоянно возили экскурсии рабочих, крестьян, служащих, а особенно часто — иностранные делегации, которые, как правило, приходили в полный восторг от увиденного. Особенно в этом плане характерна Первая опытно-показательная станция Наркомпроса, которой руководил Шацкий.

Другим типом образовательных учреждений были школы-коммуны и колонии, которые в значительной мере учли печальный опыт послереволюционных лет. Наиболее известными тогда были воспитательные учреждения, действовавшие под руководством Ионина и Погребинского. О коммуне им. Горького, руководимой Макаренко, тогда мало кто знал.

Обычная же советская школа, втянутая в непрерывный эксперимент, не смогла обеспечивать необходимый уровень знаний. Впрочем, тогда это считалось не самым главным по сравнению с коммунистическим воспитанием.

Наследие

В историко-педагогической традиции принято считать 20-е годы «золотым веком» развития советской педагогики. И действительно: никогда больше не будет столь яркого, даже яростного экспериментирования. Безудержного заимствования всего самого передового и значимого из зарубежного опыта. Духа творческого поиска, который пронизывал не только педагогическую элиту, но

и преподавателей массовой школы. Да и труды педагогов того времени отличались яркостью, нестандартностью мысли. В педагогике кипели острые дискуссии. Вместе с тем и идеализировать это обжигающее и притягательное время нет оснований. Если взглянуть непредвзято, то заметно, что речь шла скорее об использовании западного опыта, чем о собственном творческом поиске, строившемся на российской национальной педагогической традиции.

И все же: разнотипье и разноцветье школ, серьезные педагогические труды, развитие педагогической психологии, добротные программы ГУСа в итоге действительно составили золотой фонд отечественной педагогики.

Как, разумеется, и все то, что было наработано в школах Русского зарубежья, олицетворено в трудах таких педагогических мыслителей эмиграции, как Зеньковский и Гессен.

Уроки

Это десятилетие как будто специально задалось целью преподать последующим поколениям педагогов как можно больше поучительных уроков.

Среди них — необходимость тонкого учета соотношения инновационности и традиционности при осуществлении образовательной политики, опираться как на передовые западные идеи, так и на оправдавшие себя постулаты российской педагогической традиции.

Другой группой уроков стала идея о невозможности растворения процесса обучения в воспитании и социализации. Масштабные попытки таких действий, предпринимавшиеся в 20-е годы, каждый раз приводили к утрате школой своих специфических функций, резкому и неизбежному падению качества знаний учащихся.

И, наконец, 20-е годы преподали горькие уроки шельмования педагогов, не укладывавшихся в прокрустово ложе официальной идеологии, в результате которого оказались вне реального педагогического процесса немногие уцелевшие выразители отечественной гуманистической традиции.

1920

«Сейчас общеобразовательная идея заподозривается и ее готовы стеснить, отдалить на самые низы просветительной работы, довести понимание ее до уровня грамотности. Провозглашается, что надо отказаться от общего образования в угоду насаждения технических знаний. Нужно вернуться от понятия профессионального образования к понятию образования человеческого: прежде человек, потом мастер или специалист».

И. М. Гревс

А.К. Гастев

Одним из самых ярких и необычных деятелей отечественного образования, несомненно, являлся Алексей Капитонович Гастев — русский Форд, революционер в педагогике и поэт производственных процессов, зачинатель теории и практики в профессиональном обучения и научной организации труда в нашей стране, заложивший основы отечественной кибернетики и программированного обучения.

Жизненный путь Алексея Капитоновича при всех его противоречиях вместе с тем логично выстраивается в одну строгую линию. Родился в 1882 г., в сердце России — Суздале, постигал азы педагогики в Московском учительском институте. Исключенный за революционную деятельность, затем руководил боевой дружиной, был нелегалом.

Потом — в эмиграции, где работал на лучших промышленных предприятиях разных стран, вникая во все нюансы производственной деятельности, шаг за шагом осваивал новую технологию, дополняя полученные знания учебой в Высшей школе социальных наук в Париже.

После Октябрьской революции руководил профсоюзом металлистов, а затем заведовал отделом искусств Наркомпроса Украины. Именно на период гражданской войны пришелся всплеск его поэтического творчества. Бывало, он выступал со своими произведениями и со сцены. Нам они могут показаться несколько странными, но в то время «машинерии» Гастева пользовались большой популярностью. Вслушаемся в эти поэтические ритмы: «Вырас-

тают стальные плечи и безмерно сильные руки. Я слился с железом постройки, поднялся. Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу. Ноги мои еще на земле, но голова выше здания. Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий, я уже кричу: «Слово прошу, товарищи, слова!»

И этим Словом стало создание в 1920 г. Центрального института труда (ЦИТ) в Москве. Собственно говоря, всю свою предшествующую жизнь Гастев твердо и неуклонно приближался к идее ЦИТа, к ее реальному воплощению. ЦИТ — основное детище Гастева, его «главное художественное произведение».

Идеи научной организации труда прочно завладели сознанием Гастева. Но Алексей Капитонович не ставил своей целью только повышение производительности труда. «Творческая инженерия, приложенная как к организационной, конструкторской работе, так и к деятельности по переделке человека» — вот в чем суть его метода.

С такими мыслями приступил Гастев к осуществлению абсолютно нового в условиях России дела. Проанализировав все исторически сложившиеся формы профессионального обучения, Гастев стал ратовать за создание специальных школ-заводов «для производства рабочей силы» на базе ЦИТа. «В ЦИТ приходит сырье, — любил повторять Гастев. — К обучению работника мы подходим так же, как и к изделию на предприятии».

Сейчас в целом такая позиция Гастева, отвечавшая устремленности всей педагогики 20-х гг. на «перековку», переделку человеческого материала, воспитание нового человека, представляется, конечно, странной. Однако и здесь Гастев нашел свою особую гуманистическую тропу. «Каждый токарь — директор своего станка, — постоянно подчеркивал он. — Мы кладем решительный конец разделению на так называемый исполнительный персонал и персонал управления».

Постепенно приходило признание. В 1928 г. после осмотра лаборатории и экспериментальных цехов ЦИТа А.М. Горький растроганно обнял Гастева и сказал: «Теперь я понимаю, почему вы бросили художественную литературу, это стоит одно другого». Однако Наркомпрос и ЦК комсомола не желали мириться с самостоятельностью и оригинальными поисками Гастева. Ему постоянно клеили ярлык сторонника муштры (натаски) или дрессуры, как обычно выражались тогда.

Но не ЦИТом единым жил Гастев. Увлеченный театрал и книгочей, яркий талант, он притягивал к себе многих незаурядных личностей. В его большой квартире недалеко от Дома на набережной всегда было много молодежи, вечерами приезжали артисты, писатели, часто звучала музыка и раздавался смех. С удо-

вольствием приходили на «огонек» Н.И.Бухарин и А.И.Рыков, а с М.П.Томским, лидером профсоюзов, Алексей Капитонович очень близко дружил долгие годы. Кто бы мог тогда подумать, что знакомство с этими людьми как бы вручит Гастеву черную метку и явится основной причиной обвинения его в правом уклоне, приведет сначала к аресту, а затем и к расстрелу в 1938 г. Вскоре был закрыт и ЦИТ.

Центральный Институт труда

Это было в высшей степени оригинальное научно-исследовательское и учебное заведение. В одной лаборатории самозабвенно экспериментировали убеленные сединами фанатики-изобретатели и подростки с горящими глазами. А в кабинете у Гастева не было традиционного стола для заседаний, но имелись превосходные столярная и слесарная мастерские.

В условиях НЭПа ЦИТ нашел свое место и процветал, принося несомненную пользу отечественной индустрии. Обучение было универсальным, краткосрочным и массовым. Выделялись такие слагаемые трудовой культуры («трудовой выправки»): острая наблюдательность, любовь к орудиям труда, деятельность с наименьшей затратой сил при максимальной эффективности, умение «входить в работу», трудовое настроение. Жизнь кипела в лабораториях и цехах, над которыми витал дух творческого эксперимента, и в то же время все подчинялось идее максимальной целесообразности.

Каждое движение курсантов было четко расписано, тщательно выверено, чтобы в конце обучения стать глубоко осознанным, доведенным до полного автоматизма. Любой новичок в совершенстве должен был овладеть, к примеру, ударом зубила (под каким углом и как наносить удар). При помощи специальных сигналов молодому рабочему указывалось на то, какое движение или элемент операции он выполняет неверно. С той же целью использовались фото и киносъемка. Таким образом, каждому из работающих прививалась культура труда. Всего этого в ЦИТе добивались благодаря специально разработанным программам, инструкторским картам и имитационным приспособлениям (кабин автомобиля, самолетов, различных операторских пультов), наглядным памяткам для работающих, что позволяло проводить их массовое обучение без непосредственного участия инструктора (фронтально) и в короткие сроки (от трех до шести месяцев).

В результате продуманной программированной системы трудовых тренировок с возрастающей нагрузкой у рабочего форми-

ровалась трудовая установка (психическая, рефлекторная) на данный вид деятельности, а также вырабатывалось состояние стабильной готовности организма к динамичной перестройке на новую деятельность.

Педагогический метод давал блестящий результат. Даже в условиях жестокой безработицы второй половины 20-х гг. выпускники ЦИТа были нарасхват. Хозяйственные руководители делали все, чтобы заполучить их на свои предприятия, и платили большие деньги за подготовку на ЦИТовских курсах нужных специалистов. К концу 20-х гг. на четырехстах учебных базах института, объединенных в акционерное общество «Установка», было подготовлено свыше 500 тысяч рабочих по 200 профессиям. Так что ЦИТ, действуя в условиях хозрасчета, не только полностью окупал себя, но и имел достаточные средства для осуществления научно-исследовательской работы. ЦИТ ежегодно посещали сотни делегаций, оставляющих восторженные отзывы в книге.

Интересно, что во второй половине 80-х годов, во время «перестройки» в Москве на Пушкинской улице был воссоздан Центральный институт труда.

1921

«Педагог есть служитель вечных законов развития человека и человечества. Поверх изменчивых политических партий, то возникающих, то исчезающих, то так, то по-другому изменяющих свою программу, существует вечный неизменный путь органического роста всех сил и отдельной личности и человеческого общества. Этою царственною дорогою природы, естественности, органичности и должен идти педагог, не сворачивая с прямого пути не в какие стороны».

П. Ф. Каптерев

В.Н. Сорока-Росинский

Всегда обидно, когда человек не может реализовать те таланты, которые ему даны от Бога. Это в полной мере относится к судьбе одного из самых талантливых и значимых российских педагогов Виктора Николаевича Сороки-Росинского (1882-1960). Уже в дореволюционные годы он заявил о себе весомо и ярко. Его фундаментальная работа «Путь русской национальной школы» привлекла всеобщее внимание глубиной и оригинальностью рассмотрения этого сложного и острого вопроса. Но, заявив о себе, как о незаурядном педагогическом мыслителе, Сорока-Росинский с головой погружается в изучение психологии и прежде всего того раздела, который был связан с различными нарушениями детской психики. Он занимается в Военно-медицинской академии у Бехтерева, затем работает в психологической лаборатории Лазурского. Складывается впечатление, как-будто Виктор Николаевич предвидел то, чем ему придется заняться в 20-е годы, и тщательно готовился к главному делу своей жизни.

В 1921 году Сорока-Росинский возглавляет «Школу социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского для трудновоспитуемых» — легендарную «Республику Шкид». Кстати, совершенно неправильно судить о деятельности этой школы по одноименной книге или другому тоже популярному произведению Ольховского и Евстафьева «Последняя гимназия». Хотя эти издания и обеспечили школе неслыханную популярность, они доставили Виктору Николаевичу много неприятностей и страданий. До

конца дней он стремился отделить себя от образа Викниксора, доказать, что его педагогическая система была намного глубже и гуманнее, чем это казалось совсем тогда юным 17-19-летним авторам нашумевших произведений.

Сорока-Росинский в период всеобщего увлечения трудовой школой — плетением корзин, изготовлением пособий, обработкой грядок — имел незаурядную смелость придать своей школе иную направленность — на творческую интеллектуальную познавательную деятельность.

Тонкий психолог и психиатр, он подобрал верные ключи к исковерканным войной и лишениями душам своих питомцев. Многие их них были богато одаренные натуры, но с искалеченной психикой. Оказавшись в Шкиде, они попадали в атмосферу напряженного интеллектуального труда — в день проводилось по 10 уроков. Но главным воспитателем в школе оказывалось творчество. Журналы, которые создавали сами подростки, спектакли, постоянно ставившиеся педагогами и их воспитанниками, увлекали всех атмосферой соревновательности, стремления подняться к вершинам творчества. Причем, в Шкиде все это носило характер настоящих «эпидемий». Дух напряженной интеллектуальной деятельности заражал всех. Неудивительно, что из питомцев школы вышли десятки писателей, ученых, художников.

Однако движение вразрез с наркомпросовскими установками Викниксору простить не смогли. Уже в 1925 г. его насильно вырывают из любимого детища. Затем он еще три года заведовал школой для трудных подростков. Пока в 1928 году по отношению к Сороке-Росинскому не было принято специальное решение — ему официально запретили работать в школе.

Затем он работал в различных учреждениях для психоневротиков, а после разгрома педологов переключился на более спокойную деятельность — методику преподавания русского языка.

Выйдя на пенсию, он все равно не мог жить без детей и собрал у себя на дому, как он шутя называл, «академию». Педагог совершенно бесплатно занимался с отстающими в учебе детьми, беседовал с ними о литературе, истории, искусстве, водил на экскурсии по городу.

Даже погиб он символично. Спешил в кино за билетами для девочки — его воспитанницы, чтобы поощрить за полученные пятерки, и попал под трамвай...

«Пролетарский лицей»

Так в первой половине 20-х годов в Ленинграде называли школу им. Достоевского. И в значительной мере не без оснований — действительно, с большой поправкой на конкретно-исторические условия детище Сороки-Росинского отчасти напоминало Царскосельский лицей. Только учились в нем не дети дворян, а подобранные на улицах беспризорные.

В центр образовательной деятельности было положено учение, но осуществляемое в трактовке известного педагогического направления «Школа действия». Смысл состоял в том, чтобы весь учебный материал претворялся учащимися в разнообразную творческую деятельность — инсценировку и игру. Все это порождало стимулы к напряженной познавательной деятельности.

Вместе с тем не следует забывать, что это была школа для трудных подростков, которые периодически устраивали «бузу». Для возмутителей спокойствия, впадавших в буйство, в школе действовал карцер, и он редко пустовал.

Основным принципом работы было стимулирование самостоятельности, самодеятельности учащихся, которые вместе с тем понимали — им необходимо учиться, «чтобы выйти в люди».

Характерно, что уже после изгнания Сороки-Росинского в 1930 г. на вечере в школе побывал один из авторов «Республики Шкид» Л. Пантелеев. По его выражению, «это был типичный детский дом. Малоинтеллигентный заведующий, унылые, скучные лица ребят. И я понял, что такое была наша Шкида».

1922

«Схема программ ГУСа есть нечто в полном смысле слова замечательное, блестящая схема. Это целый переворот в деле школьного образования. Такая вещь, которая, если мы сумеем ее развить, будет иметь всемирное значение. На этой программе лежит печать необычайного изящества структуры».

А. В. Луначарский

П.П. Блонский

В плеяде педагогов 20-х годов, разрабатывавших и проводивших в жизнь советскую педагогику, пожалуй, наиболее яркой фигурой являлся Павел Петрович Блонский (1884-1941).

Получив блестящее образование в Киевском университете, он увлекается философией и психологией. Позднее Г.И. Челпанов приглашает своего одаренного ученика в Москву, где тот становится приват-доцентом Университета, плодотворно работает в лучших московских гимназиях. Круг интересов Блонского в это время значительно расширился. От лингвистики, логики, философии он переходит к педагогике и образованию, которое, по его мнению, является ключом развития человека и средством трансляции культуры. Начиная с 1912 года П.П. Блонский много печатается в лучших педагогических журналах. Яркие и своеобразные работы сразу привлекли внимание к молодому автору. А первые книги по теории педагогики, дошкольному воспитанию, национальным ценностям образования, истории педагогики, написанные живо, умно, изящно веско свидетельствовали, что на отечественном педагогическом небосклоне взошла яркая звезда. Уже в этих публикациях рельефно проявились две доминанты, присущие творческой деятельности Блонского в целом. Это комплексный подход к трактовке философии, естествознания, психологии и педагогики как взаимосвязанных явлений. И резкая наступательная направленность выдвигаемых и отстаиваемых идей на реализацию их в школьной жизни с целью ее кардинального обновления и улучшения. Уже в 1916-1917 гг. у педагога сложилась целостная модель трудовой школы, которую он стал яростно и подвижнически проводить в жизнь после революции в 1918-1919 гг.

Происшедший тогда слом традиций российской школы, по-

пытка кардинальной ее трансформации в трудовую коммуну теоретически обосновывались прежде всего работами Блонского, особенно его книгой «Трудовая школа», имевшей в те годы большую популярность. Однако практика реализации этой идеи привела к серьезным негативным последствиям. Это в значительной степени охладило самого Блонского и вызвало негативное к нему отношение руководителей Наркомпроса. Тяжелое душевное состояние усугубилось обострением хронического туберкулеза.

Но в 1921 году Н.К. Крупская вновь вводит Павла Петровича в избранный круг — он становится членом научно-педагогической секции Государственного ученого совета. 1922 год — звездный час Блонского — предложенные им схемы программ вызывают восторженную реакцию Луначарского. Их кладут в основу реформы школы. До 1925 г. Блонский является основным разработчиком программ городских школ первой ступени, издает свою знаменитую книгу — хрестоматию для начальной школы «Красная Зорька». Он становится одним из руководителей Академии социального воспитания. В кипучей деятельности Блонского, наряду с ее положительными результатами в то время проявилась и достаточно опасная тенденция — Павел Петрович слишком легко переносил научные построения и теоретически идеи непосредственно в школьную жизнь, что зачастую приводило к серьезным негативным последствиям. Неслучайно Блонского особенно ненавидели педагоги русского зарубежья, считая его чуть ли не главным виновником разрушения российской школы.

Характерно, что после 1925 г. Блонский переключается на разработку проблем педологии и психологии. В этой сфере он также создает ряд фундаментальных трудов. Однако после постановления ЦК «О педологических извращениях ... » 1936 г. началась травля Блонского, ему запрещают издавать труды, выступать с лекциями. Были арестованы два его сына. Умер он всеми забытый, одинокий в районной больнице 15 февраля 1941 г. На 20 лет его имя было запрещено даже упоминать. Только с начала 60-х гг. вновь стали издаваться произведения Блонского.

Школа-коммуна Наркомпроса

В начале 20-х гг. для разработки и апробации идей трудовой школы было создано более 20 опытно-показательных учреждений. Среди городских школ такого типа наиболее известной являлась Московская опытно-показательная школа имени П. Н. Лепешинского, или в логике тогдашних сокращений МОПШ.

В 1922 г. в ведущем педагогическом журнале «На путях к новой школе» ее руководитель М. М. Пистрак опубликовал цикл статей о жизни школы-коммуны, сразу привлекший значительный интерес.

И неслучайно. Ведь педагогами МОПШа — а в школе было собрано созвездие талантливых учителей, имевших университетское образование, — была выдвинута и довольно успешно разрешена важнейшая для трудовой школы задача — образовательный процесс был построен вокруг изучения текстильной фабрики. Все предметы были объединены в трудовые комплексы и изучались на материале конкретных производственных процессов. Конечно, не обошлось без насилия над содержанием, особенно гуманитарных дисциплин. Ведь в фабричные процессы оказалось втиснута не только великая русская литература, но вся всемирная история. Жизнь достаточно скоро показала иллюзорность, более того — опасность таких попыток.

Но читая статьи и книги об этой школе-коммуне, невольно получаешь значительный заряд энтузиазма — ведь само стремление связать школу с жизнью, насытить ее исследовательской деятельностью учащихся было абсолютно правильным.

Вот как строился образовательный процесс в этой необычной школе. В 9 часов начинались занятия, которые строились как самостоятельная деятельность учащихся — они ставили опыты, проводили исследования. А учитель выступал только в роли консультанта. Периодически в классе вспыхивали дискуссии по различным учебным или политическим проблемам. Уроки продолжались по сто минут без перерыва.

Конечно, никакого опроса заданий в привычном понимании не производилось. Впрочем, и учеников на уроках было немного. Большая часть из них уходила на экскурсии.

После обеда начиналась работа мастерских — переплетной и столярной, старшая группа уходила на фабрику. С 19 часов до 21 открывали свою работу кружки. Затем свободное время, затрачиваемое на подготовку докладов, чтение литературных произведений. В 22. 30 объявлялся отбой — и зажигался свет в комнатах педагогов, они начинали готовиться к занятиям.

Разумеется, жизнь МОПШа строилась на самоуправлении учащихся.

Хотя школа и просуществовала до 1941 г., но с начала 30-х годов это уже было обычное учебное заведение.

1923

«Такова злая ирония судьбы, что самая чистая, самая хорошая идея, попав в руки к российским большевикам, при реализации ее в жизнь превращается в ядовитое растение, дает ростки необыкновенно вредные, а последствия самые тяжелые и неисправимые».

Б. Соколов

С. И. Гессен

Сейчас, когда закончился XX век, становится отчетливо ясно, что наиболее крупным именем в отечественной педагогике, по крайней мере, первой его половины, а скорее и всего столетия, является Сергей Иосифович Гессен (1887-1950).

В 1923 г. в Берлине выходит в свет главная книга его жизни — «Основы педагогики», что сразу вводит молодого ученого в круг наиболее крупных педагогических мыслителей.

Жизненный путь С. И. Гессена сложен и драматичен. Он родился в семье ссыльного студента И. В. Гессена, затем видного деятеля партии кадетов, депутата Государственной Думы. Уезжая из ссылки, отец забрал маленького Сергея у матери — местной крестьянки и дальше воспитывал его один.

Сергей Иосифович получил прекрасное образование в лучших германских университетах, где его учителями были такие видные философы, как Э. Гуссерль и П. Наторп. Эта увлеченность философией предопределила направленность деятельности молодого ученого. Оказавшись после революции в Томске, Гессен возглавляет кафедру философии и педагогики и становится деканом историко-филологического факультета университета. По его инициативе была осуществлена перестройка педагогического образования, введены курсы психологии, гигиены, физического воспитания. Здесь он готовит и публикует первые главы будущих «Основ педагогики».

В 1921 г. Гессен возвращается в Петроград, а в декабре по льду

Финского залива вместе с семьей уходит в эмиграцию. Затем он напряженно работал два года в германских библиотеках над завершением своего труда. А после выхода «Основ педагогики» перебирается в Чехословакию. Пражский период жизни Гессена был весьма насыщен. Разносторонние дарования, живой темперамент и общественная деятельность сразу выдвинули его в число лидеров русского педагогического зарубежья. Он публикует статьи и книги по проблемам русской школы в эмиграции, внимательно следит за происходящим в Советской России. Гессен в цикле публикаций подвергает резкой критике идеи трудовой школы в том виде, как это осуществлялось в СССР. Особенно он не приемлет идеологизацию школы, доминирование в ней классового подхода. Гессен всегда очень аргументировано и умело попадал в самые болевые точки советского образования. Неслучайно, что этого ему потом не могли простить и на упоминание его имени было наложено табу, а книги запрятаны на самые дальние полки спецхранов.

Во второй половине 30-х гг. Гессен перебирается в Польшу, где получает кафедру педагогики в Свободном университете. Он перерабатывает и переиздает «Основы педагогики», а также публикует ряд новых трудов. Среди них такие, как «Школа и демократия на переломе», «Русская педагогика в XX столетии», «Структура и содержание современной школы». В этих работах Гессен подробно обосновал свою философско-педагогическую концепцию. Им был провозглашен примат этической направленности процессов воспитания и образования. На судьбе Гессена тяжело сказалась Вторая мировая война — погиб его сын, сам он чудом избежал расстрела, в огне сгорели рукописи его произведений.

После прихода в Польше к власти коммунистов он подвергся идеологическим гонениям и был уволен из университета. Последним направлением его научных исследований стала разработка проблемного обучения («Критическая дидактика»).

Первая опытная станция

Не было в 20-е гг. более известного педагогического учреждения, чем созданная С.Т. Шацким в Калужской губернии Первая опытная станция Наркомпроса. О ней писали восторженные книги и статьи, ее посещали сотни советских и иностранных делегаций. Великий американский реформатор образования Дж. Дьюи, побывав на станции, прослезился и сказал, что «обрел свое педагогическое отечество». Задуманная в качестве полигона для подготовки сельского варианта

программ ГУСа, Первая опытная станция далеко вышла за рамки этих задач. С.Т. Шацкий и его сподвижники создали педагогический комплекс, уникальный по замыслу и масштабу. Он включал систему дошкольных учреждений, школ, клубов. В него входили курсы и учебные заведения по подготовке и переподготовке педагогических кадров, научно-исследовательский центр. Главной проблемой, вокруг которой строилась деятельность комплекса, было взаимодействие школы с окружающей средой.

Станция работала в двух основных направлениях: изучалась окружающая среда и в соответствии с крестьянским менталитетом адаптировались образовательные программы; но и окружающая среда преобразовывалась на новых основах. Крестьяне всячески вовлекались в жизнь школ — для них читали лекции, им раздавали элитные семена, помогали в ведении хозяйства.

Постепенно комплекс оказался тесно связан с окружающей жизнью, что благотворно сказалось на осуществлении целостности и непрерывности воспитательной работы. Благодаря этому удавалось реализовать главную сверхзадачу коллектива — «организацию всей жизнедеятельности ребенка».

В самом начале 30-х гг. Первая опытная станция, как и другие показательные учреждения, была закрыта.

1924

«Цель космического воспитания заключается в том, чтобы довести воспитанника до сознания общности своей жизни с жизнью космической, до сознания того, что он со всем космосом составляет одно единое нераздельное целое, которое развивается в каком-то направлении, и что он, хочет ли этого или не хочет, так или иначе принимает то или другое участие в этом процессе развития космической жизни».

К. Н. Вентцель

Л.С. Выготский

Среди плеяды выдающихся отечественных психологов XX века есть лишь один человек — Лев Семенович Выготский, которому безоговорочно отведено место в истории как гению и присвоен почетный титул «Моцарта психологии».

Хотя за последнее десятилетие о Выготском написано достаточно много, а его работы часто переиздаются, в массовом педагогическом сознании по-прежнему сохраняется куцый набор сведений-штампов: прожил очень мало, но успел сделать невероятно много: создал научную школу психологов-«выготчан», разработал культурно-историческую теорию сознания и выдвинул идею ориентации на «зону ближайшего развития» в подходе к ребенку. На самом деле феномен жизни и деятельности Выготского не только намного более многомерен, но и крайне сложен для описания, формализации.

Выступление в январе 1924 г. на Петроградском психологическом съезде никому доселе не известного, выглядевшего моложе своих 28 лет психолога из Гомеля произвело эффект разорвавшейся бомбы. Его тут же пригласили на работу научным сотрудником в Институт психологии. И с этого начался десятилетний «московский» период удивительно плодотворной деятельности Выготского, за который он, параллельно ведя огромную преподавательскую, лекционную, экспериментаторскую и общественную работу, успел опубликовать около 200 оригинальных и глубоких книг и статей.

Но дело не в количественных показателях. Главное, что Лев Семенович предложил принципиально новую теорию формирования сознания — культурно-историческую, наряду с доминировавшими тогда биологической и социальной. Благодаря этому он сумел, сплотив вокруг себя своих учеников и последователей, каждый из которых сделал позднее свое имя в науке (Лурия, Леонтьев, Занков, Гальперин, Эльконин, Запорожец, Божович и др.), разработать новую психологическую парадигму. Смысл ее заключался в убеждении, что на личность огромное влияние оказывают такие факторы, как историческая эпоха, культурные ценности, атмосфера среды. Конечно, для Выготского, по сути последнего продолжателя традиций Серебряного века, была характерна не поверхностная а очень глубокая трактовка таких понятий, как История, Культура, Сознание.

Выготский постоянно находился в движении, развитии, непрерывно учился. Достаточно сказать, что к двум своим высшим образованиям (юридическому и историко-филологическому) он хотел добавить еще и медицинское. Уже будучи признанным ученым, сел на студенческую скамью.

Подобный динамизм был присущ и его научному поиску. Он отказывался от прежних подходов, постоянно искал, экспериментировал. Недаром его идеи по сути формируют всю современную психологическую науку, а рейтинг цитирования Выготского — самый высокий.

В 1934 г., незадолго до смерти Льва Семеновича, был арестован его двоюродный брат, появились первые статьи, обвинявшие Выготского в антимарксизме. Существует устойчивая версия, что он уклонялся от лечения, как бы спасая этим от грядущих преследований свою семью.

Малаховская школа-коммуна

Лучшим отечественным педагогам всегда было присуще стремление пробудить многообразные творческие потенции детей. Они были глубоко убеждены в том, что стоит прикоснуться волшебной палочкой творчества к любому ребенку — и произойдет обыкновенное чудо: проявится бурная фантазия, жажда к игре, драматизации, исследованию. Главное — создать сотканную из творчества атмосферу и погрузить в нее детей.

Эти гуманистические идеи были продуктивно реализованы в легендарной «Малаховке» — школе для еврейских детей-сирот, созданной талантливым педагогом Б.Шварцманом. Здесь кипела

насыщенная творческая жизнь. В этом оазисе, среди холода и голода, дети, обожженные антисемитизмом и лишенные семьи, учились петь, танцевать, рисовать. Они сами готовили декорации и костюмы для спектаклей, издавали литературные журналы и газеты. Окруженные радостной творческой атмосферой, воспитанники добивались настоящих профессиональных успехов.

Жизнь детской республики строилась на самоуправлении. Все решения обсуждались и принимались на верховном совете — «Колониал рате». Разнообразный и продуктивный сельскохозяйственный труд обеспечивал педагогов и воспитанников всем необходимым и давал возможность существовать на полном хозяйственном самообеспечении.

Преподававшие в то время в «Малаховке» М. Шагал, Ю. Энгель создавали удивительный мир театра, музыки и живописи. Воспитанники посещали все спектакли театра Михоэлса, а его актеры были частыми гостями школы, как, впрочем, и другие известные деятели культуры.

Преподавание на родном языке, художественное воспитание, проникнутое фольклором, способствовали бережному сохранению духа и традиций еврейского народа. За двадцать лет существования (до символичного 1937 года) через материнские руки «Малаховки» прошло более 400 воспитанников. И за все время из колонии не «эмигрировал» ни один ребенок, наоборот, не было отбоя от желающих попасть туда.

1925

«К теории учительство относится довольно безразлично, даже холодно, иногда даже больше чем холодно. Причина здесь в том, что масса учительства все еще придерживается устарелых педагогических теорий, пришедших к нам в наследство от буржуазных педагогов. И то, что вводится в Советской России нового, принимается как неизбежная, вызванная революцией поправка к чисто педагогическим теориям».

М.М. Пистрак

Н.И. Попова

К звездам первой величины в отечественной педагогике, несомненно, нужно причислить Надежду Ивановну Попову (1877 — нач. 1950-х гг.). Справедливость требует вспомнить об одной из немногих женщин, которая имеет право быть причисленной к ряду таких педагогических подвижников, как Вентцель и Шацкий, Блонский и Гастев, Ионин и Макаренко

Попова не была репрессирована в 30-е гг., и ее жизнь вроде бы можно назвать относительно благополучной.

Свое призвание Надежда Попова обнаружила рано. В 1894 г. шестнадцатилетней девушкой из интеллигентной московской семьи, закончив знаменитую Мариинку и свободно владея тремя европейскими языками, она переступила порог начальной городской школы. Затем — историческое отделение Московских высших женских курсов. В 1905 г. она уже один из лидеров Всероссийского учительского союза, организатор Московского областного бюро.

А на следующий год она создала «Кружок московских городских учительниц», во многом определивший ее дальнейшую судьбу. Каково же было педагогическое кредо Н.И. Поповой? Прежде всего — максимально возможная связь обучения с жизнью, активно-деятельностный подход. Главный акцент делался на краеведческий характер преподавания, что, по замыслу Н.И. Поповой, «развивает любовь к своему родному гнезду, природе, интерес к местной общественной жизни, одухотворяя их в представлении

учащихся, формирует способность вникать в окружающее и умение ориентироваться в насущных задачах».

В 1917 г. народная учительница опять возглавила Московское бюро Всероссийского учительского союза, сплачивая вокруг него педагогов. Да так успешно, что, когда в декабре 1917 г. началась забастовка московского учительства против большевиков, из 4 тысяч педагогов только 50 оказались штрейкбрехерами.

Но забастовка вскоре была прекращена, и, осознав, что большевики — это «всерьез и надолго» Надежда Ивановна Попова принялась за главное дело — в 1925 г. создала свою знаменитую «Школу жизни», в миру известную как II опытная станция МОНО.

Однако уже в 1927 г. «Школа жизни» была закрыта. Начался последний и очень трудный период жизни Надежды Ивановны. После закрытия школы она занималась подготовкой учебника по географии на основе краеведческого материала и вроде бы нашла свое место в жизни. Но вот новый удар — в 1937 г. в НИИ, где она работала, закрыт отдел образцовых школ (вместе с самими школами, согласно партийному постановлению). Надежда Ивановна в очередной раз была уволена и на рубеже 40-х — 50-х гг «тихо скончалась». Сейчас трудно даже установить дату смерти.

Верная раз и навсегда выстраданным принципам, Надежда Ивановна Попова принадлежала к числу тех отечественных учителей, которых нельзя было согнуть. Их можно было только сломать, превратить в лагерную пыль, но заставить изменить своим идеалам — нет.

Школа жизни

В центр всей учебно-воспитательной деятельности педагоги «Школы жизни» положили «учение с увлечением».

По сути это был полигон для претворения в жизнь тех теоретических и методических разработок, которые были созданы Н.И. Поповой и ее коллегами в предшествующее десятилетие. Учебный материал в «Школе жизни» подбирался на основе изучения детских интересов и окружающей среды. Например, знания по математике дети получали при выполнении практических заданий — таких, как подсчет продуктов, их распределение, ведение отчета, вычисление площадей и объема помещений. Вообще дети изучали не отдельные предметы, а такие комплексные темы, как «огород», «поле», «река», «крестьянская изба», «мастерская», причем в основном — во время работы или экскурсий. С наступлением холодов «Школа жизни» возвращалась в го-

род, но летние впечатления еще служили источником различных учебных бесед, исследований, письменных работ.

В Москве под руководством Н.И. Поповой был создан тип учебного заведения, получивший позднее название школы полного дня. Воспитанники находились здесь с 9 утра до 8 вечера. Во второй половине дня — клубные занятия, мастерские и разнообразные кружки, время сводных занятий по выбору.

Конечно, воспитанники Надежды Ивановны гордились своей школой. Характерный факт: дети сами подготовили книгу «Как мы живем и работаем в нашей «Школе жизни»», а на полученный гонорар все ученики второй ступени совершили экскурсию по Волге.

Однако счастливое сотворчество детей и учителей в «Школе жизни» продолжалось недолго. В 1927 году она, как и другие опытно-показательные учреждения, была закрыта.

1926

«Учитель не хочет обладать той педагогической «свободой», которая была бы ему предоставлена. На курсах, конференциях он заявляет, что ему нужна самая точная регламентация всей его работы, чтобы он знал, что должен делать и как».

Р. Млиник

М.С. Погребинский

Пожалуй, самой противоречивой фигурой в отечественном образовании и воспитании является Матвей Самойлович Погребинский.

В молодые годы он получив только четырехклассное образование перепробовал различные профессии — от конторщика в мануфактурном магазине до лесоруба и грузчика. Но по-настоящему он обрел свое место в жизни в годы революции, став сотрудником ЧК, оставаясь в этой роли до последней минуты.

При жизни Погребинский был достаточно известен — прежде всего благодаря огромной популярности первого звукового фильма «Путевка в жизнь». В зрительской памяти запечатлелась белозубая улыбка человека в кубанке — Николая Баталова, сыгравшего главную роль руководителя трудовой коммуны бывших правонарушителей. Погребинский был не только прототипом, чей облик и характер лег в основу роли, но и, по сути, соавтором сценария, написанного на основе его книги «Трудовая коммуна ОГПУ».

По поручению Дзержинского Матвей Самойлович создал в 27 км от Москвы, в Болшево, первую трудовую коммуну ОГПУ, построенную на принципиально новых позициях.

Предварительно изучив соответствующую литературу и побывав в тюрьмах, Погребинский — от природы незаурядный педагог — выдвинул три принципа, на которых должна была строиться жизнь в Болшевской коммуне. Отсутствие охраны, вообще всяческого

принуждения, добровольность нахождения; трудовая деятельность, предусматривающая получение квалификации; ответственность воспитанников за свои действия не перед администрацией, а перед коллективом.

Эти идеи дали ошеломляющий эффект. Хотя в коммуну поступали только несовершеннолетние преступники-рецидивисты, имевшие срок не менее трех лет, они, оказавшись без конвоя, не только никуда не убегали, а наоборот, активно работали и «перековывались» просто на глазах. Опыт работы Болшевской коммуны был обобщен Погребинским в книге под соответствующим названием «Фабрика людей».

С 1933 года он работал уполномоченным НКВД по Горьковской области, где также содействовал организации трудовых коммун для несовершеннолетних нарушителей. Однако главная его деятельность, конечно, состояла в осуществлении репрессий под руководством своего наставника и покровителя Г. Ягоды. После его ареста Погребинский понимая, что конец неизбежен, весной 1937 г. застрелился в своем служебном кабинете. Его книги были изъяты и помещены в спецхран, а память о Болшевской коммуне, носившей имя Г.Г. Ягоды, стерта, как и многие другие страницы драматической отечественной педагогики.

Болшевская коммуна

Это воспитательное учреждение, находящееся в ведомстве ОГПУ — НКВД, было пожалуй самым известным из заведений такого типа во второй половине 20-х — начале 30-х гг. В коммуну привозили в обязательном порядке все иностранные делегации. О ней снимали фильмы, писали книги (в том числе объемную книгу «Болшевцы», которая была создана бригадой из 19 авторов).

И это было справедливо. В Болшевской коммуне, пожалуй, в наибольшей степени отразились противоречивые черты советской педагогики того времени. Казалось бы исходные принципы — массовой трудовой перековки подростков в фабрике людей — антигуманны. Тем не менее они давали прекрасные результаты.

Для этого была создана соответствующая материальная база — по сути целый производственный комбинат, включавший в свой состав четыре фабрики (металлическая, обувная, слесарная и ткацкая). Но не только, на территории коммуны были построены по последнему слову архитектуры светлые просторные общежития, клуб, теннисные корты, учебные корпуса. Во все это за 10 лет была вложена огромная по тем временам сумма в 23 млн. рублей.

На предприятиях трудилось более 10 тыс. человек — коммунаров и вольнонаемных, действовал свой кооператив, где и покупатели и продавцы были бывшие воры.

Из коммуны вышли тысячи прекрасных людей, получивших профессию, многие продолжили образование в институтах. Всему этому способствовала воспитательная система Болшевской коммуны, строившаяся на основе самоуправления, ненасильственного воспитания, уважения человеческого достоинства воспитанников.

Несомненно, что по размаху и известности Болшевская коммуна в свое время многократно превосходила учреждения, руководимые А. С. Макаренко. Кстати в Болшево также постоянно приезжал Горький, который писал предисловия к книгам Погребинского. Вообще много мистически сближающего — в Болшево даже был свой С. Калабалин — М. Накатников. Однако тень Г. Ягоды привела к наложению табу на долгие годы даже на само упоминание Болшевской коммуны.

1927

«От авторов программ ГУСа требовали переконструировать школу на новых началах; учесть все требования современной педагогики и все данные науки о человеке как объекте воспитания».

А. Евстигнеев-Беляков

А. С. Макаренко

Долгие годы мы были вынуждены изучать мифологизированную биографию А. С. Макаренко, цитировать его во многом фальсифицированные труды. Только сейчас, когда опубликованы подлинные документы, проведены объективные исследования, можно более или менее достоверно представить личность Антона Семеновича Макаренко — несомненно, глубоко трагичную — и по достоинству оценить его действительно гуманистическую деятельность. К сожалению, десятилетия канонизации и приписывания одному Макаренко достижений и находок руководителей многих других замечательных трудовых коммун (И. В. Ионина, М. С. Погребинского) сослужили свою недобрую службу. И вызвали в конце 80-х — начале 90-х гг. яростную критику Макаренко как сталиниста, якобы чуть ли не архитектора ГУЛАГа. Отметим, что ряд положений, высказанных педагогом в статьях, опубликованных во второй половине 30-х гг. действительно имеет мало общего с гуманизмом.

И все же вклад, внесенный А. С. Макаренко в мировую и отечественную педагогику, бесспорен и уникален. Он создал целое направление в воспитании — «педагогику отношений». Ему в сложнейших материальных, да и социально-политических условиях удалось реализовать многие продуктивные педагогические идеи и технологии, талантливо их инструментировать и адаптировать как к реалиям жизни Советской России, так и специфическим особенностям малолетних правонарушителей, «морально-дефективных», с которыми преимущественно и работал Макаренко.

Авторскими являются многие конкретные методики, придуманные им. Среди них метод «создания событий» (воспитательных ситуаций), «педагогика взрыва», «завтрашняя радость», классический «метод параллельного действия» и многое другое. Но дело, конечно, не в отдельных, пусть и продуктивных, технологиях и приемах. Оригинально и значимо само ядро педагогической системы Макаренко — созданная им новаторская и целостная концепция коллектива. Неслучайно она привлекала и продолжает привлекать внимание мирового педагогического сообщества. Продуктивность и долголетие этих идей Макаренко во многом обусловливаются тем, что он строил свою деятельность на знании и использовании психологических особенностей подросткового и юношеского возраста, которому свойственно стремление к самоутверждению и созиданию, оптимистичный взгляд на мир, мажорное восприятие жизни. Это особенно рельефно и гуманистично проявилось на фоне той социально-экономической ситуации, в которой жил и творил Макаренко — на переломе 20-30-х гг.

Колония им. М. Горького

Переломным как в деятельности самого А. С. Макаренко, так и в руководимых им учреждениях стал 1927 г. Происходил непростой переход от колонии, расположенной под Полтавой, носящей имя М. Горького к расположенной недалеко от Харькова коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.

Деятельность колонии им. Горького строилась на основе хозрасчета, самообслуживания воспитанников. Именно здесь Макаренко впервые апробировал разработанную им разветвленную систему самоуправления. В колонии имелась своя конституция. Колонисты были организованы в постоянные разновозрастные отряды во главе с советом командиров отрядов, наделенным полномочиями высшего хозяйственного органа. Действовала система сводных отрядов, общие собрания. Случаи особых проступков колонистов разбирал товарищеский суд.

Важнейшей стороной жизни колонии была разнообразная клубная деятельность.

Пожалуй, именно в это время, несмотря на все непростые проблемы, А. С. Макаренко был по настоящему счастлив, что и отразилось в полной мере в его «Педагогической поэме».

1928

«Фабрика, фабрика, фабрика без конца.... Не надоест ли это все ребятам? Не превратится ли для них фабрика в чудовище, преследующее их на каждом шагу? Не будет ли снижен объем знаний и навыков, предусмотренных программами НКП по природоведению и обществоведению для школ 1-й ступени? Опыт работы убеждает нас в том, что все эти опасения напрасны».

Л. Раскин

М. В. Крупенина

Среди женщин, подвижнически трудившихся на ниве народного просвещения, одно из самых заметных мест занимает Мария Васильевна Крупенина (1892-1950). Более того, она являлась серьезным теоретиком педагогики того времени. Вместе с тем очень тяжело, даже трагически сложившаяся ее судьба, закрепленная в партийном постановлении унизительная-уничижительная оценка того, чем она занималась, — «глупая антиленинская теория отмирания школы» — долго не давали возможности по достоинству оценить вклад этой незаурядной женщины в российскую педагогику.

Мария Васильевна рано вступила на учительский путь, сразу после учебы в Психоневрологическом институте и на знаменитых Бестужевских курсах.

После революции она заведует детским домом, в середине 20-х гг. переходит на работу в недавно созданный Институт методов школьной работы. Время с 1925 по 1929 гг., несомненно, является звездным в ее жизни.

Проблема, за которую взялась Мария Васильевна, отличалась максимальной глобальностью и сложностью — пути и средства, определяющие положительный характер воспитания личности. В данной связи ею была организована опытно-экспериментальная работа на специально созданной «Станции социального воспитания» на базе Трехгорной мануфактуры. Действуя в логике известного направления «педагогики среды», М. В. Крупенина изучала весь комплекс социального воспитания — выявление уровней,

типов, критериев педагогики среды; разработка механизма взаимодействия различных «воспитывающий ячеек общества» как организованных с педагогической точки зрения, так и тех, что оказывают воспитывающее влияние на ребенка стихийно. Само по себе это было чрезвычайно важно. Но в конкретной исторической атмосфере конца 20-х гг. данное направление исследования, осуществляемое М. В. Крупениной совместно с директором Института методов школьной работы В. Н. Шульгиным, приняло крайний и даже опасный оборот.

Захваченная пафосом совершенно утопических идей близкого коммунистического будущего с его аграрными и промышленными социалистическими городами, М.В. Крупенина перешла грань между реалиями и иллюзиями. Она отстаивала фантастические идеи создания школ-предприятий, школ-колхозов, проекты городов, где школ и учителей в традиционном смысле этого слова не существовало. А обучающие и воспитывающие функции выполняли все взрослые жители этих утопических городов. Конечно, благодаря этому создавалась идеальная, педагогически инструментированная среда, где и осуществлялось формирование образцовой личности.

После поворота государственной и просвещенческой политики 1930-1931 гг. подобные взгляды, до этого горячо одобряемые партийным руководством, были резко и беспощадно осуждены. Причем весь удар в основном пришелся на Крупенину. Конечно, она выступала в печати и даже с большим перехлестом бичевала свои прежние загибы. Но механизм репрессий уже был запущен.

В 1935 г. М. В. Крупенину направляют (а по сути ссылают) в Томск, где вскоре исключают из партии по смехотворному обвинению в том, что теория «отмирания школы» подготавливала убийство Кирова.

В апреле 1938 г. Мария Васильевна была арестована и осуждена на 10 лет лагерей. Она выдержит и это испытание и успеет после окончания срока поработать в школе и методическом кабинете Петропавловского облоно (Казахстан). Однако подорванное в лагерях здоровье привело к скорой смерти 18 декабря 1950 г.

Станция социального воспитания

Среди многих предпринимавшихся в 1928—1929 гг. попыток осуществить на практике идеи педагогики среды, пожалуй, наиболее перспективной и успешной являлась деятельность организованной М. В. Крупениной станции социального воспитания при Трехгорной мануфактуре.

Это было достаточно крупное объединение, включавшее в себя

10 школ, 10 детских садов, детскую библиотеку и клуб. Основной проблемой, которая находилась в центре внимания педагогического коллектива, являлось исследование путей включения учащихся в активную деятельность по преобразованию окружающей среды. Воспринимая эту среду изначально как достаточно консервативную и даже реакционную, педагоги вовлекали учащихся в осуществление самой различной работы, связанной с политическими компаниями, санитарно-гигиенической деятельностью, благоустройством, борьбой за здоровый образ жизни. Считалось, что именно благодаря активному участию детей в конкретных делах удастся не только сформировать необходимые нравственные качества детей, но и существенно изменить жизнь их родителей, взрослых в целом. И это удалось, другое дело, что недостаточно учитывались реальные интересы учащихся, которых часто отрывали от собственно учебной деятельности. Впрочем, в той логике, в которой работала Станция, такое положение воспринималось только позитивно, так как способствовало желанной перестройке школы учебы в школу общественно-полезного труда.

С современной точки зрения многие формы и методы, которые использовали педагоги станции, кажутся антигуманными, но в той конкретной обстановке, в работе с пролетарскими детьми они вполне себя оправдывали, связывая школу с жизнью.

1929

«Школа должна стать составной частью работы всей фабрики, всего городского совета. Она не только культурное, но и хозяйственное учреждение. Она не только проводит общественно-полезную работу, но и учит на ней ребят. Только в этом случае реальное значение приобретает общественно-полезная работа школы».

Л. Раскин

В. Н. Шульгин

В летописи российского образования есть лица, о которых не хотелось бы вспоминать в силу их негативных человеческих качеств. Однако без них нельзя представить реальную историю русской школы, иначе она превратится в «жития святых».

К числу немногих антигероев отечественной педагогики по праву относится Виктор Николаевич Шульгин (1894-1965) — личность талантливая, яркая, неординарная, убежденная, человек, непримиримо относящийся к тем, кого он считал своими идеологическими и педагогическими противниками.

Взлет В. Н. Шульгина был на удивление стремительный: с багажом историко-филологического факультета университета и небольшим опытом работы в провинциальных органах образования, он уже в 28 лет становится директором Института методов школьной работы. Но настоящий пик известности и значимости Шульгина падает на 1929 г. — времени яростных споров о дальнейших путях развития марксистской педагогики.

Проблема, которую разрабатывал Шульгин, была поистине глобальной: он стремился педагогизировать весь процесс воспитательных воздействий на ребенка как стихийных, так и организованных. Виктор Николаевич запредельно расширял предмет педагогики и выступал за создание новых отраслей: педагогики профсоюзов, партийной работы, детских и юношеских движений. По сути, педагогика становилась наукой, организующей всю социальную среду под углом зрения формирования человека нового типа.

В принципе, несмотря на весь глобализм, Шульгин исследовал важнейшую проблему — целостное рассмотрение взаимоотношений школы и среды в их органическом единстве. Для этого в возглавляемом им Институте был разработан продуктивный и оригинальный инструментарий изучения социальных установок и условий, влияющих на формирование личности, ее ценностных ориентацией. Под руководством Шульгина были впервые проведены массовые исследование влияния социальной среды на педагогический процесс.

Однако главную известность, причем скандальную, Шульгину принесла его идея, связанная с отмиранием школы как специфического института общества. Увлекшись утопическими идеями коммунистического будущего и совершенно оторвавшись от реальности, Шульгин яростно отстаивал опасную идею создания школы-производства, школы-колхоза. В данной связи Шульгин отрицал все традиции российской педагогики, крайне пренебрежительно писал об учителях, называя их «дядями в колпаках».

Но особенно страстно Шульгин нападал на своих оппонентов, а такими были все, кто сомневался в правильности выдвигаемых им педагогических иллюзий. Заняв опасную позицию погромщика в педагогике, он обвинял в антимарксизме как педагогов-гуманистов, так и не разделявших его утопии деятелей Наркомпроса. Впрочем, делал все это Шульгин достаточно талантливо — писал короткими предложениями (максимум по два-три слова) в стиле, как отметил П. Блонский, «полуодурманенной пифии».

Естественно, у Виктора Николаевича была масса врагов. После партийного постановления о школе 1931 г., где деятельность Шульгина и его сподвижников была беспощадно раскритикована (они были не без основания обвинены в развале школы), он благоразумно ушел из педагогики и занялся историческими исследованиями. Шульгину удалось избежать репрессий и даже вернуться в Москву, где он в течение 30 лет вновь беспощадно громил «врагов»: верующих, ренегатов и космополитов.

Академия коммунистического воспитания

Краеугольным камнем марксисткой педагогики являлся тезис о том, что для воспитания новых людей должны быть подготовлены новые учителя. В наибольшей степени это положение было воплощено в деятельности самого известного в 20-е гг. высшего учебного заведения по подготовке педагогических кадров, какой являлась Академия коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской.

В ее деятельности были реализованы как идеи, в целом перспективные для педагогического образования, так и рельефно отражающие исторические реалии того переломного времени.

Первые два года обучения студенты Академии не делились на факультеты, а проходили единый курс общеобразовательной, политической, политехнической и педагогической подготовки. Студенты должны были за это время овладеть массовыми рабочими профессиями — в течение нескольких месяцев они работали на станках, а также принимали постоянное участие в сельхозработах. Считалось, что благодаря такому подходу будущие учителя смогут реализовывать связь школы с жизнью, осуществлять трудовой принцип в организации образовательной деятельности. На старших курсах уже действовали факультеты и проводилась специализация. Впрочем, студенты по-прежнему много времени уделяли общественно-полезной деятельности. Обучение в Академии завершалось защитой диссертации.

В целом весь учебный процесс строился на основе самостоятельной познавательной деятельности студентов, чему способствовали прекрасно оборудованные лаборатории. Действовало самоуправление.

В Академии была достигнута связь науки и педагогической деятельности. Преподавали лучшие профессора, которые вместе со студентами организовывали научные исследования. Педагогическая практика носила непрерывный характер.

Все это способствовало тому, что Академия действительно была лучшим образовательным учреждением по подготовке педагогических кадров того времени. В 1934 г. АКВ была переведена в Ленинград и позднее слилась с Ленинградским педагогическим институтом. Современниками это воспринималось как месть Сталина Крупской.

1930-1939

Контекст

Все, кто пытались оценить значение 30-х годов в отечественной истории, всегда останавливались перед неразрешимым и даже мучительным противоречием. С одной стороны, в это десятилетие СССР, несомненно, превратился в могучую индустриальную державу. У советских людей, тех, кто жил тогда, сохранилось ощущение светлого энтузиазма, динамичного развития страны от победы к победе. От этого времени нам остались легендарные челюскинцы и папанинцы, героические летчики. Успехи нашего балета. Победы шахматистов. Прекрасные фильмы-сказки: «Свинарка и пастух», «Волга-Волга», «Веселые ребята».

С другой стороны, мы сейчас знаем все ужасы этого десятилетия, подорвавшего и разорившего страну, унесшего десятки миллионов жизней крестьян, рабочих, интеллигенции, работников партии и государства, военных. Голодомор, вызванный сталинской коллективизацией, репрессии против лучшей части крестьянства, большой террор, достигший своего пика в 37-38 гг. Тоталитарный режим, липучая атмосфера страха и доносительства. Все это тоже 30-е годы.

Сложность осмысления и оценки заключается в том, что все эти «с одной стороны, с другой стороны» в реальной действительности были нерасторжимы.

Разумеется, это самым непосредственным образом сказывалось на развитии образования. В 30-е годы в СССР была побеждена неграмотность, создана массовая и общедоступная начальная школа, развивалось высшее и среднее специальное образование. Но в это же время были репрессированы десятки тысяч представителей научной интеллигенции, преподавателей вузов, техникумов, директоров школ, учителей. Причем тоже лучших. Только по сфальсифицированному «делу Наркомпроса» в 1938 году было репрессировано 2,5 тысячи педагогов.

Образовательная политика

В это десятилетие образовательную политику твердо и уже навсегда берет в свои руки партийное руководство и лично И.В. Сталин. В первой половине 30-х годов выходит комплекс партийных постановлений. Они были написаны непосредственно Сталиным и многократно им редактировались. В их жестком, предельно тоталитарном стиле хорошо запечатлелся образ вождя.

Эти партийные постановления конденсировали в себе новую образовательную политику. На рубеже 20-х и 30-х годов произошла смена курса развития образования в СССР по всей тектонической вертикали. Летом 1929 года было вынуждено подать в отставку в полном составе руководство Наркомпроса во главе с А.В. Луначарским. Вместо него наркомом был назначен руководитель Главного политического управления Красной Армии Андрей Сергеевич Бубнов — личность самобытная, неординарная, твердая, волевая, как и большинство сталинских наркомов этой эпохи. Именно ему выпадет сложная задача осуществления нового курса в образовании. Сначала он не отличался стабильностью. В 1930-31 годах еще оголтело продолжался прежний курс на вовлечение школьников в производительный труд, общественно-политическую деятельность в ущерб учебе. И Бубнов всецело отдавался «борьбе школьников за выполнение промфинплана». Возникали школьные колхозы, школьные цеха на предприятиях.

Однако с осени 1931 года ситуация кардинально меняется. Можно судить о новой смене парадигм: вместо доминировавшей в 20-е годы «трудовой школы» вернулась прежняя — «школа учебы», до этого подвергавшаяся сокрушительной критике. Началось последовательное возвращение дореволюционной казенной школы, причем в наиболее ортодоксальных и консервативных ее образцах. Уже во второй половине 30-х годов был полностью восстановлен прежний тип средней школы, получивший впоследствии ироничное название «сталинская гимназия». Вновь были возвращены единые учебные планы и программы, учебники, установлены ежегодные переводные экзамены. Вернулись классные руководители. В школах доминировала зубрежка, строгая дисциплина. Разумеется, не во всех, но в большинстве. Сейчас об этом забыли, но в конце десятилетия была введена плата за обучение в старших классах и высших учебных заведениях, которая отсекала от образования и направляла в систему ремесленных училищ детей рабочих и крестьян, части служащих.

В 1937 году было отменено трудовое обучение. А годом раньше специальным партийным постановлением была уничтожена целостная наука о детях — педология. На многие десятилетия педагогика стала «бездетной».

Идеи

В 30-е годы еще можно говорить о некой полифонии идей в отечественном образовании, но в очень специфичном, как сказали бы сейчас, виртуальном плане.

После того как в самом начале 30-х годов разгорелась жестокая педагогическая дискуссия с яростными обвинениями педагогов-гу-

манистов — Пинкевича, Рубинштейна — в антимарксизме, буржуазном ревизионизме, речь о каком-то разномыслии в рамках официальной советской педагогики, конечно, уже не шла. Если проследить на протяжении этого десятилетия развитие педагогической мысли, то видно, как она год за годом все выхолащивалась, обеднялась, примитизировалась, по сути, сводясь к пересказу и комментированию трудов классиков марксизма, партийных постановлений и, разумеется, статей и высказываний «корифея всех наук». Главное направление в педагогических исследованиях того времени — это разработка всех аспектов классно-урочной системы, а также коммунистического воспитания. Характерно, что в 1937-38 годах в рамках общего поворота политики к опоре на дореволюционный потенциал происходит возвращение имен и наследия забытых и дискредитированных в 20-е годы русских педагогов-классиков — Водовозова, Стоюнина, Вахтерова, Каптерева. Начинается безудержная апологетика Ушинского.

Однако в это же время продолжал творить для себя и для потомков всеми забытый К.Н. Вентцель, создавший теорию космического воспитания. Плодотворно работала и русская педагогическая мысль в эмиграции, сфокусировавшись в основном на двух центральных проблемах: православной педагогике (В.В. Зеньковский) и демократической педагогике (С.И. Гессен).

Судьбы

30-е годы жестоко проехали по судьбам многих отечественных педагогов. Уже в начале десятилетия были раскритикованы и вынуждены удалиться в тень видные педагоги 20-х годов — Калашников, Пинкевич, Пистрак, Рубинштейн. Остракизму подверглись неординарные, хотя и небезгрешные деятели социальной педагогики, такие как Шульгин и Крупенина. Но это были еще «цветочки». В 1937-38 годах были расстреляны или умерли во время следствия Бубнов и Шохин, Гайсинович и Панкевич, Пистрак и Пинкевич. В лагеря попали Крупенина и Руднев. Здесь названы только наиболее известные деятели. Но и те, кто не был арестован, испили свою горькую чашу: была «переведена на библиотечную работу» Н.К. Крупская, с горечью смотревшая, как разрушалось ее детище — «трудовая школа». Был отстранен от дела жизни — Первой опытной станции Наркомпроса — и вскоре умер от сердечного приступа Шацкий, скончался раскритикованный и всеми забытый Блонский.

В советской педагогике в конце 30-х годов произошла смена генерации — новую волну представляли выходцы из деревни или бедных семей, получившие образование уже в советское время, партийные ортодоксы типа Н. Гончарова.

Да и в эмиграции, по мере того как сжималась шагреневая кожа

русской школы, все глуше звучал голос отечественных педагогических мыслителей. Так, например, Гессен в 30-е годы за отсутствием читателей уже не публиковал свои книги на русском языке.

Школы

Если в первой половине 30-х годов еще наблюдалась определенная вариативность, хотя и в жестких рамках образовательных учреждений, то во второй половине десятилетия утверждается единый тип средней общеобразовательной школы. Были запрещены славные когда-то опытные, показательные, образцовые школы, которым до этого все же давалась некоторая свобода творчества.

Теперь лучшими считались школы, олицетворявшие в себе в наибольшей мере все «прелести» классно-урочной системы. Те, где дети лучше читали, писали, считали и показывали «твердые знания, умения и навыки». Начала формироваться и группа элитарных школ, где обучались дети партийной и советской номенклатуры.

В целом образование становилось сословным: для детей чиновничества и привилегированной интеллигенции — средние школы, ориентированные на высшие учебные заведения, для детей низшей категории служащих — техникумы и военные училища. Детей же рабочих и крестьян ждала система трудовых резервов — ремесленные училища, тупиковые учебные заведения, не дававшие возможности дальнейшего продолжения образования.

Наследие

Это время оставило нам модель крепкой, внутренне непротиворечивой, вписанной в политическую и социально-экономическую жизнь страны школы. Она имела жесткий конкретный социальный заказ, а фактически — социальный приказ. Обеспечивала достаточно высокий уровень обучения и воспитания. Ее выпускники доказали правомерность и продуктивность такой школы в годы Великой Отечественной войны.

Уроки

Время, богатое на различные уроки. Урок того, как массовая школа, да и большинство педагогов с облегчением и радостью восприняли переход от экспериментирования 20-х годов к привычной, понятной и простой модели «школы учебы».

Урок духовного выживания и выстаивания в застенках и лагерях. И, наконец, урок того, как, пусть и ценой огромных жертв, у нас достаточно легко круто развернуть политику страны, образования. Вернуться из «светлого далека» в привычное былое.

1930

«Пора разбить стену между взрослыми и подростками, тот предрассудок, что взрослые делают, а подростки только наблюдают из своей «детской комнаты» — школы, или в лучшем случае «помогают», а не являются наравне со взрослыми по мере своих сил и умений участниками всего процесса социалистического строительства».

А. Поспелов

А.С. Бубнов

После того как в 1929 г. в результате ожесточенной и во многом несправедливой критики была вынуждена подать в отставку вся коллегия Наркомпроса во главе с А. В. Луначарским наркомом просвещения стал Андрей Сергеевич Бубнов (1884-1938).

Ко времени своего назначения Бубнов имел за плечами бурную революционную деятельность, а в последние годы возглавлял Политуправление РККА. Неудивительно, что педагогическая общественность встретила замену либерального Луначарского ставленником Сталина Бубновым с настороженностью и тревогой. Тем более что новый нарком не имел никакого педагогического опыта, как, впрочем, и законченного образования.

Однако уже ближайшие несколько лет показали, что при всей экстремальности ситуации, в которой развивалась отечественная школа на рубеже 20-х — 30-х гг., выбор в целом оказался удачным. Андрей Сергеевич являлся типичным «сталинским наркомом», как он был описан в книге А. Бека «Новое назначение». Недостаток специальных знаний с лихвой компенсировался поразительной работоспособностью, организаторским талантом, кипучей энергией, стремлением вникнуть во все стороны порученного дела и во всем навести порядок. Вместе с тем Бубнов был и верным «борцом за выполнение директив». Каждое партийное постановление являлось для него истиной в последней инстанции, он резко и бесповоротно расставался с той позицией, которую страстно отстаивал до этого и устремлял свою энергию на выполнение очередных партийных решений.

Особенно это было показательно в 1930-31 гг., когда наркому, решительно пропагандировавшему школы-предприятия, школы-колхозы, политехнизм в соответствии с партийными постановлениями о школе пришлось совершить кардинальный поворот и заняться воссозданием до этого беспощадно критикуемой «школы учебы».

И надо отдать должное Бубнову, он и в этом преуспел. При его активном участии было осуществлено создание обязательной начальной школы и начато осуществление семилетнего всеобуча; проведена реформа содержания учебно-воспитательной работы школы; разработаны учебные планы и программы. Не был забыт и учитель. Бубнов стремился увеличивать зарплату педагогам, были введены почетные звания, заслуженные учителя награждались государственными наградами.

Большая организаторская работа Бубнова сочеталась с его стремлением лично вникать во многие практические вопросы, постоянно советоваться с педагогами, руководить «предметно и конкретно». Часто выезжая во многие регионы страны, он оказывал действенную помощь органам народного образования и школам на местах.

А. С. Бубнов поражал всех близко знавших его людей большой эрудицией. Он сам готовил свои доклады, речи, статьи. Единственное, что он позволял себе в этих случаях, — это поручение помощникам подобрать литературу, документы.

В общении нарком был чуток и отзывчив, но вместе с тем прям и резок.

Конечно, руководя наркоматом во второй половине 30-х гг., он не мог быть непричастен и к репрессивным мерам того времени, в частности погрому педологов. Но позитивный вклад А.С. Бубнова в развитие образования намного весомее.

Все это, однако, не спасло его от ареста. В 1937 г. готовилось крупное «дело Наркомпроса», в которое было втянуто 2,5 тыс. ученых, педагогов, преподавателей вузов. Были арестованы и все руководители наркомата. Из них выбивали показания о вредительской деятельности наркома. После мучительных пыток Андрей Сергеевич Бубнов был расстрелян 1 августа 1938 г.

Коммуна им. Дзержинского

Лебединой песней Антона Семеновича Макаренко стала созданная им в пригороде Харькова коммуна им. Ф.Э. Дзержинского. Это учреждение продолжило традиции Колонии им. М. Горького. Но в значительной степени это было новое воспитательное учреждение, созданное ГПУ для борьбы с детской беспризорностью на отчисления от зарплаты чекистов Украины.

Главной особенностью стало развертывание производственных цехов, выросших потом в завод электроинструментов, а затем в завод фотоаппаратов ФЭД. Жизнь коммуны определяли те же принципы самоуправления, самообслуживания. Организовывалась разнообразная клубная деятельность.В коммуне действовал школьный комбинат, который включал в себя среднюю школу-десятилетку и рабфак.

К сожалению для Макаренко, его последовательно оттесняли от руководства коммуной, и в 1935 г. он был вынужден уйти.

1931

«Главной опасностью на педагогическом фронте является правооппортунистический уклон, отражающий влияние буржуазной педагогики. Опасность правого уклона состоит в отрыве педагогики от политики, сопротивлении политехнизации школы; в области методики — правый уклон за возврат старой словесной школы».

И. Фомичев

М. Я. Басов

Замечательный психолог Михаил Яковлевич Басов (1892-1931) был настоящим русским самородком. Выходец из многодетной крестьянской семьи, с большим трудом смог получить гимназическое образование. Следующий же шаг оказался воистину судьбоносным. В 1911 г. он поступает в единственное в мире и самое прогрессивное по тому времени высшее учебное заведение — Психоневрологический институт, организованный в Петербурге В. М. Бехтеревым. Очень быстро оформился и его профессиональный интерес — он учится на педологическом отделении, одновременно работая у профессора А. Ф. Лазурского в лаборатории экспериментальной психологии. Здесь началось его быстрое и неуклонное восхождение в науке.

Очень рано М. Я. Басов проявил себя как зрелый работник — наблюдательный, мыслящий, видящий новое. Здесь же в лаборатории он изучает и проблему психической активности, ставшую впоследствии делом всей его жизни.

Время с 1917 по 1920 гг. явилось для него наиболее драматичным. Он отходит от научной деятельности и, тяжело пережив смерть жены, отправляется пешком по России. Это обогатило его новым жизненным опытом и позволило залечить душевные раны.

С 1921 г. начинается новый период: Басов поступает лаборантом в организованный Бехтеревым Институт по изучению мозга и психической деятельности и наконец-то завершает получение высшего образования.

Последующее время стало наиболее плодотворным для учено-

го. Складывается его научная школа, программную ориентацию которой определяло изучение методом объективного наблюдения целостной развивающейся личности. В одном из детских садов Басовым был организован кружок психологического изучения ребенка, в котором принимали участие и воспитательницы.

Наряду с изучением целостной личности ребенка и попытками создания детской характерологии его сотрудники были вовлечены в исследование по развитию восприятия, мышления, игры ребенка. Результаты были обобщены Басовым в его капитальных работах «Методика психологического наблюдения над детьми» и «Общие основы педологии».

Значителен вклад Басова и в педагогическую «психотехнику». Во второй половине 20-х гг. Михаил Яковлевич по праву занимает ведущее место в отечественной психологии. Он профессор ЛГПИ им. Герцена, Института научной педагогики, ряда других исследовательских учреждений. Появляется и его стойкий интерес к развиваемому Выготским культурно-историческому подходу.

Крупная личность Басова, как это нередко бывает, не отличалась покладистым характером. Тяжелая жизнь сформировала его волевой, требовательный, порой суровый нрав. Он был всегда очень самостоятельным и решительным человеком.

На рубеже 1920-30-х гг. работы Басова, особенно «Общие основы педологии», начинают подвергаться опасным обвинениям в антимарксизме. Стремясь преодолеть критику, Михаил Яковлевич делает нестандартный, но характерный для него шаг. Он оставляет науку и поступает на завод учеником слесаря. Здесь во время работы им была получена небольшая травма, вследствие которой произошло заражение крови, и после нескольких месяцев мучений он 6 ноября 1931 г. скончался.

М. Я. Басов ушел из жизни одним из первых в своем поколении. Психологи были потрясены его символичной и бессмысленной смертью.

Высший коммунистический институт педагогики

Деятели советского просвещения стремились перестроить на новых началах все сферы педагогики. В 1931 г. на правах института красной профессуры при Академии коммунистического воспитания был открыт Высший коммунистический институт педагогики. По своей сути это была большая аспирантура. Во ВКИП принимались по направлениям партийных органов коммунисты со стажем не ме-

нее 8 лет, обладавшие высшим образованием и опытом преподавательской, комсомольской, партийной работы. Основной формой обучения была подготовка слушателями самостоятельных научных докладов. С середины второго курса начиналась работа над диссертацией.

К работе во ВКИПе были привлечены все крупные советские педагоги, которые вели научную работу на базе кабинетов педагогики, методики, истории педагогики и др.

Сделав 4 выпуска, в 1938 г. ВКИП был ликвидирован.

1932

«Педагогический ихтиозавр» задает ученикам на дом ежедневно переписывать по две страницы грамматики, потом этой же грамматикой душит учащихся и в школе. Ученики задыхаются от этой схоластической плесени и буйно протестуют, а сей «педагог» недовольно ворчит: «Окончательно испортилась молодежь. Надо бы ввести в школе какие-нибудь наказаньица».

Т. Чугуев

М. Н. Покровский

Цельная натура Михаила Николаевича Покровского (1868—1932) трудно поддается оценке, как не парадоксально, именно благодаря этой цельности.

После окончания историко-филологического факультета Московского университета он совмещает научную работу с активным участием в большевистской партии. Долгое время находился в эмиграции и вернулся в Россию только в августе 1917 г. Еще в дореволюционный период М. Н. Покровский публикует ряд исторических исследований, которые вызывают у сообщества ученых противоречивые оценки.

Дело в том, что он радикальнее всех рассматривал исторический процесс с сугубо марксистской, материалистической точки зрения. Это, с одной стороны, порождало критику его взглядов как односторонних и тенденциозных, а с другой — вызывало поощрение за то, что удавалось с новых подходов взглянуть на традиционные исторические сюжеты. В целом же отношение к Покровскому в научное среде было достаточно негативным, прежде всего из-за его амбициозности, презрения ко всем историкам-немарксистам.

В мае 1918 г. М.Н. Покровский, являясь заместителем наркома просвещения, становится лидером образовательной политики, парадигмы единой трудовой школы. По своему положению он занимал самое заметное место в сфере руководства наукой и высшим образованием. М. Н. Покровский занимал посты руководителя Государственного ученого совета, Коммунистической академии, Института истории, Общества историков-марксистов, Института красной профессуры, Центрархива и ряда других организаций в сфере идеологии. Удивительно, как он ухитрялся все это совмещать! Причем в 20-е гг. им был опубликован ряд крупных исторических трудов «Русская история в самом сжатом очерке», «Внешняя политика России XX столетия» и др.

Как руководитель науки и высшей школы М. Н. Покровский проводил крайне жесткую политику по идеологическому пресечению всякого инакомыслия. Проходили чистки «старой профессуры», была ликвидирована автономия университетов. В исторической науке насаждалась «школа Покровского», для которой были характерны сугубо материалистический подход к истории, классовый характер и растворение исторических событий в современных проблемах. Неудивительно, что с подачи Покровского был ликвидирован и школьный курс истории, который был заменен обществоведением.

Хотя умер Покровский в 1932 г. вполне уважаемым и почитаемым человеком, по достаточно причудливой логике в конце 30-х гг. была развернута уничтожающая критика его взглядов. Особенно отличились бывшие любимые ученики М. Н. Покровского, сделавшие на этом свою научную карьеру. Было признано, что «школа Покровского являлась базой вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи его вредных антиленинских исторических концепций».

Радищевская школа

Тысяча девятьсот тридцать второй год очень символичен. По нему прошел водораздел, отделявший героев уходящего времени от тех, кого будут прославлять в 30-е гг. Закатывалась звезда плеяды блистательных школ-коммун, опытно-показательных учреждений Наркомпроса. Тех образовательных учреждений, которые с наибольшей полнотой воплотили в себе черты единой трудовой школы, стали творческой лабораторией безудержного экспериментирования и педагогического поиска.

Среди этих школ заметное и достойное место занимала школа-коммуна им. А. Н. Радищева. Созданная на базе Елисаветинского института благородных девиц, школа в 20-е гг., пожалуй, в наибольшей степени воплотила в себе связь обучения с жизнью, с трудом, но главное — передовым производством. Располагавшаяся в Москве на улице Радио, рядом с самым современным тогда предприятием ЦАГИ, занимавшимся вопросами авто- и авиастроения «Радищевка» сумела организовать образовательный процесс на базе новейших лабораторий и производств. По сути, здесь уже на самом излете отпущенного ей исторического времени была поймана «синяя птица» советской школы — политехническое образование. Если в большинстве случаев все сводилось к профанации этой идеи, то в «Радищевке» политехническое образование удалось воплотить в жизнь.

Разумеется, в рамках наступавшей «школы учебы» этому образовательному учреждению уже не находилось места и оно было обречено превратиться в заурядную школу.

1933

«Комплексно-проектная система, враждебная нам политически, методологически и педагогически, разрушала школу, вела к понижению грамотности детей».

Т. Д. Корнейчик

Н. М. Головин

Николаю Михайловичу Головину (1889-1954) как будто специально самой судьбой было уготовано явить образ подлинного подвижника просвещения, настоящего народного учителя.

Выходцу из бедной крестьянской семьи, ему удалось с большим трудом окончить пятилетнюю школу, а затем благодаря напряженному самообразованию выдержать экстерном экзамен на звание учителя начальной школы. Сначала он работает в церковно-приходской школе, а после службы в армии в 1917 г. начинает преподавать в Чебаковской начальной школе, в которой он проработал до 1951 г., то есть 34 года.

Интересно, что на всех поворотах истории и образовательной политики Николаю Михайловичу удавалось не просто органично воплощать дух времени, но и делать это при всех порою взаимоисключающих обстоятельствах лучше многих.

До революции Н. М. Головин был замечательным земским учителем, в 20-е гг. прекрасно прорабатывал сельский вариант программ ГУСа, много занимался общественной деятельностью, его школа по-настоящему была связана с жизнью. Но самое удивительное, что в 1933 г., когда критерий определения лучших школ кардинально изменился и главенствующими стали такие показатели, как систематическое изложение материала, прочные крепкие знания, организация урока, Чебаковская школа стала победительницей Первого Республиканского конкурса образцовых школ. Тогда это было событием огромного значения, которому

был придан большой политический смысл. Сам Н. М. Головин был награжден орденом Ленина и премирован 1 тыс. рублей, а его имя стало известно всей стране, как, разумеется, и Чебаковская школа.

Не умаляя заслуг Николая Михайловича, подчеркнем, что во многом этот успех явился результатом деятельности его жены Ю.Ф. Головиной, которая работала с ним вместе в Чебаковской школе. Классическая сельская учительница, она крайне скептически относилась ко всем новациям 20-х гг., но зато очень много времени уделяла обучению детей грамоте и счету.

Кстати, супруги проявили себя и как незаурядные методисты, создав «Букварь», очень популярный в 30-40-е гг. Он был построен на прогрессивном для того времени аналитико-синтетическом методе.

Чебаковская школа

С 1933 г. достаточно символичное понятие «Школа года» впервые приобретает конкретное наполнение. В этом году такой школой официально была признана Чебаковская начальная. Может показаться, что это признание как раз негативно свидетельствует о школе, характеризует ее как верную исполнительницу партийных директив, но по отношению к Чебаковской школе это совершенно не так. Своим истоком она, несомненно, имела яснополянскую школу Толстого, а продолжением Павлышскую школу Сухомлинского.

В Чебаковской школе ребенок действительно находился в центре внимания, процесс обучения был индивидуализирован. А главное место во всем укладе школы занимало творчество, которое имело самые различные формы. Уроки строились так, чтобы максимально пробудить стремление детей мыслить, использовать полученные знания в практической деятельности. Дети постоянно занимались сочинением стихов, рассказов, ставили спектакли, рисовали, пели, музицировали. И все это в обычной сельской школе. Здесь создавался настоящий теплый мир детства. Много внимания уделялось экскурсиям, действовал прекрасный краеведческий музей.

Неудивительно, что на базе Чебаковской школы было создано в 1937 г. педагогическое училище. А школа была удостоена кроме Первой Республиканской премии Наркомпроса Красного знамени в 1935 г., персональной премии в 1937 г. Не были обойдены наградами и супруги Головины. Николай Михайлович был награжден двумя орденами Ленина, удостоен звания члена-корреспондента АПН РСФСР, его жена также получила высокие награды.

Но главной наградой этим настоящим народным учителям стала созданная ими школа!

1934

«Теоретические споры и дискуссии в области педагогики велись абстрактно, в отрыве от опыта массовых школ. Все эти авторы (Пинкевич, Калашников, Блонский, Шульгин, Крупенина) под флагом марксизма-ленинизма протаскивали свои антимарксистские взгляды, являвшиеся в конечном счете выражением идеологии враждебных нам классовых прослоек».

Ф.И. Бондарев

М. М. Пистрак

Моисей Михайлович Пистрак (1888-1937) вполне может служить типичным представителем когорты советских педагогов, резко выдвинувшихся на авангардные позиции в послереволюционный период.

Выходец из бедной семьи польских евреев, он рано начал преподавательскую деятельность в частных школах Варшавы. Накануне Первой мировой войны успел окончить физико-математический факультет Варшавского университета. Затем в общем потоке беженцев Пистрак оказывается в центре России. И, как оказалось, очень вовремя. Хорошо разбирающегося в методике преподавания математики и физики, Моисея Михайловича вводят в штаб реформы школы — Наркомпрос. В это время здесь оказалось много новых и достаточно случайных людей, которые призывали к полному разрушению традиционной школы и замены ее коммунами. Достаточно осторожный Пистрак не впадал в радикализм и благодаря этому при очередном повороте образовательной политики оказался на самом верху, вошел в состав Научно-педагогической секции ГУСа. На протяжении 20-х гг. он неизменно находился на педагогическом олимпе. В первой половине 20-х гг. Пистрак руководил опытно-показательной школой-коммуной им. П. Н. Лепешинского — пожалуй, лучшего тогда образовательного учреждения.

В 1925 г. возглавил такие важные органы, как программно-методическая подсекция и комиссия по школе II ступени. По сути, в его руках оказалась разработка всего комплекса содержания образования. Было бы преувеличением считать Пистрака крупным теоретиком, да и теоретиком вообще. Но он являлся, несомненно, талантливым организатором, писал много и достаточно ясно, даже незатейливо.

В конце 20-х гг. Моисей Михайлович стал наиболее видным специалистом по политехническому образованию. Причем, в это понятие он включал не только производственно-технические знания, умения, навыки, но и качества личности, соответствующие потребностям индустриального производства.

Звезда Пистрака закатилась, как и у всех выразителей идей трудовой школы, в начале 30-х гг. Для него наступил период сложного, зачастую вынужденного переосмысления взглядов. В 1931-36 гг. он работал профессором, затем ректором Северо-Кавказского пединститута. В 1934 г. Пистрак создает первый и на долгие годы лучший учебник «Педагогика». В нем он особое внимание уделил истории педагогики, разработал проблему стимуляции в обучении.

В 1936 г. его переводят в Москву, и он становится директором Центрального НИИ педагогики. А в сентябре 1937 г. Пистрака арестуют и через три месяца вместе с группой других известных педагогов расстреляют. Родным, как водится, позднее выдадут фальшивую справку о его смерти в 1940 г.

Образцовая школа № 13

В середине 30-х годов на педагогическом небосклоне происходит полное изменение как понятия «лучшая школа», так и обоймы этих школ. Окончательно закатывается звезда опытно-показательных школ-коммун, гремевших в 20-е годы, и на авансцену выходят другие образовательные учреждения, до этого мало кому известные, а чаще и совсем неведомые. Причем меняется и характер выдвижения таких школ. Если раньше они получали признание как бы снизу, от педагогической общественности, то теперь образцовые школы определяются сверху в результате конкурса. Причем это не значит, что школы-победительницы были плохими. Нет, это были вполне достойные школы.

К их числу относится и удостоенная в 1934 г. второй премии образцовая школа № 13 г. Ростова-на-Дону. Характерно, что в это время одним из важнейших показателей успешности еще являлась организация трудового обучения школьников и их политехнического образования. Такая деятельность строилась в школе через теснейшую связь с заводом «Красный Аксай». Разумеется, на хорошем уровне была и организация учебно-воспитательного процесса.

Кстати, система работы школ типа характеризуемой станет примером для осуществления реформы конца 50-х — начала 60-х годов, когда все эти идеи без какой-то их творческой интерпретации будут положены в основу осуществления нового витка политехнизации и трудового обучения школьников.

1935

«Прекраснейший человеческий материал — активнейший советский ребенок, выпал из поля зрения многих и многих «педагогов», превратившись в своеобразный объект для учебы, в серую обезличенную массу».

С. Гамалов

А.П. Пинкевич

Среди теоретиков советской школы 20-х — первой половины 30-х гг. Альберт Петрович Пинкевич (1884-1937) занимал, пожалуй, самое видное место.

Сыну ссыльного поляка и немки, ему удалось закончить естественное отделение Казанского университета. Следует подчеркнуть, что Пинкевич был, несомненно, талантливым и увлеченным биологом. Он начинает преподавать естествознание сначала в Саратовской губернии, а затем его приглашают в одно из лучших образовательных учреждений дореволюционной России — Тенишевское училище. Здесь он не только приобретает известность в научных и общественно-педагогических кругах, но и активно занимается литературной деятельностью, становится ближайшим помощником Максима Горького. Это позднее создаст ему прочную репутацию в среде интеллигенции, которая, может быть, с известным идеализмом видела в Пинкевиче своего заступника перед большевистской властью.

В 1920-1924 гг. Альберт Петрович работал ректором сначала Уральского университета, а затем Петроградского педагогического института. С 1924 г. он являлся ректором 2-го Московского государственного университета. В это время Пинкевич вступает в партию. Будучи специалистом в сфере естествознания, он искренне разделял идеи марксизма, связанные с материализмом и диалектикой, и стремился воплотить их в жизнь прежде всего в программах по естествоведческому циклу. Он создает ряд трудов по методике преподавания естествознания.

Но главная сфера деятельности А. П. Пинкевича в 20-е гг. все же разработка теоретических проблем педагогики. Его труды не потеряли своей глубины и актуальности. Однако в то время они подвергались критике П. Блонского и просто беспощадному погрому со стороны В.Н. Шульгина, который вел с А. П. Пинкевичем, тогда директором Института научной педагогики, борьбу на уничтожение. Ему предъявлялись обвинения в антимарксизме, вешались другие опасные идеологические ярлыки.

В первой половине 30-х гг. Пинкевич в основном занимается изучением зарубежной педагогики, много ездит заграницу. Не удивительно, что он оказался удобной фигурой для организаторов готовящегося большого процесса над деятелями образования. Были арестованы сотни педагогов. При обыске у Альберта Петровича нашли старую саблю и флажок иностранного государства. В воспаленном сознании следователей возникла террористическая группа ученых-педагогов, которые собирались угнать посольскую машину, ворваться в Кремль и там саблей порубать вождей: Сталина, Кагановича, Молотова. Злодеяние сорвалось лишь потому, что заговорщикам якобы не удалось угнать машину.

Все это было бы, наверное, смешно, если бы не закончилось так грустно. 25 декабря 1937 г. Пинкевич, Пистрак и ряд других видных педагогов были расстреляны.

25-я образцовая

В 1935 году лучшей школой СССР на конкурсе была признана 25-я города Москвы. Судьба этой школы очень примечательна. Созданная на базе известной частной гимназии Креймана она в трудах современных западных советологов подается как образец « тоталитарной педагогики», эталон «сталинской гимназии». И если взглянуть чисто внешне, то для этого есть определенные основания. Действительно, как в публикациях самих педагогов этой школы, так и в статьях о ней наиболее часто повторяющиеся слова это: организация, дисциплина, режим, порядок.

Но на самом деле все обстояло не так просто. В школе, где директор имела «знаковую» фамилию Гроза, детям жилось легко и интересно. Работало много педагогов еще с дореволюционным опытом, немало было и талантливой учительской молодежи. Вообще жизнь в 25-й школе кипела. Здесь действовали органы ученического самоуправления, работала пионербаза, очень интересно строилась внешкольная работа. Много внимания уделялось

развитию творчества учащихся. Пока еще существовали школьные мастерские, осуществлялось политехническое образование. Неудивительно, что в эту образцовую школу только за 1934/35 уч. г. приехало за передовым опытом более 5 тыс. учителей.

Если оценивать в целом деятельность этой школы, то она, несомненно, являлась образцовой, но не в том узком плане, как это трактовалось в 30-е гг. По сути модель такой школы стала базовой для советских образовательных учреждений не только 40-х — 50-х, но и последующих лет. Более того, только очень немногие, самые лучшие школы смогли подняться на уровень, на котором действовала 25-я.

1936

«Не надо быть Шульгиным, чтобы обязательно слыть сторонником глупой антиленинской теории «отмирания школы». Достаточно не обращать внимания на грамотность учащихся, не развивать у них культуру речи, не заботиться о безукоризненном порядке в школе. Мы имеем в жизни нашей школы чрезвычайное обилие таких фактов, которые нельзя признать терпимыми».

Б.М. Волин

А.Б. Залкинд

Среди известных педагогов и психологов 20-30-х гг., пожалуй, самая противоречивая и отчасти скандальная репутация у Арона Борисовича Залкинда (1888-1936). Даже сейчас различные газеты с удовольствием приводят отрывки из его работ, прежде всего тех, которые посвящены психосексуальному развитию и половому воспитанию. И это неслучайно. Работы Залкинда «про это» потрясают своей оголенной прямотой, страстным стремлением соединить марксизм, фрейдизм и коммунистическое воспитание. По замыслу Арона Борисовича, сексуальное влечение как проявление одного из низших пластов личности, не должно отвлекать представителя нового общества от выполнения важнейшей социально-исторической миссии. Поэтому воспитание должно было быть направлено на переключение половой энергии в русло социальной активности. Методике такого переключения Залкинд посвятил ряд интересных и увлекательных работ, забавных настолько, что некоторые до сих пор находятся в спецхране.

Однако совершенно неправомерно было бы сводить всю научную деятельность Залкинда — дипломированного врача, в 1917-20-м гг. директора Петроградского психотерапевтического института только к разработке проблем полового воспитания. Прежде всего он был крупным и незаурядным педологом, более того, по сути возглавлял разработки в этой сфере. В первой пол. 30-х гг. Залкинд являлся главным редактором журнала «Педология», директором Института психологии, педагогики и психотехники. Амбициозный Арон Борисович претендовал в то время на роль главного идеолога и теоретика всей совокупности наук о человеке. При этом он существенно абсолютизировал влияние среды, расценивая последнюю

как фактор, остающийся стабильным и оказывающий неизменное механическое воздействие на протяжении всей жизни.

Закономерно, что именно Залкинд в отсутствие «вовремя умерших» Басова и Выготского оказался главной мишенью беспощадной критики после публикации постановления ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Впрочем, Арон Борисович не дал возможности долго радоваться своим гонителям. После первого же погромного собрания в июле 1936 г. он, едва выйдя за порог здания, скончался на улице от обширного инфаркта.

Больше-Мурашкинская школа

Вторая половина 30-х гг. — действительно время, которое трудно оценивать какой-то одной меркой. Складывалась ситуация, как в песне: «У нас героем становится любой». И фактически, даже самая маленькая школа, имеющая бедную материальную базу, благодаря достигнутым результатам, могла оказаться победителем конкурса и стать известной всей стране.

Другое дело, что менялись и критерии победителей конкурса на образцовую школу. Если в 1934-35 гг. в качестве ведущих выступали такие, как постановка политехнического образования и коммунистического воспитания, то в 1936 г. главным и единственным критерием становятся чисто учебные результаты. Более того, всего лишь по одному предмету — русскому языку. Как к этому отнестись? Наверное, тоже неоднозначно, ведь по сути школе возвращалось ее главное назначение — обучать детей. Плохо другое, что оно становилось единственным.

Вот и Больше-Мурашкинская начальная школа Горьковской области никогда бы раньше не сумела прославиться. Это была обычная сельская школа со скромной материальной базой, но в которой сложился не просто коллектив педагогов-энтузиастов, а очень крепких предметников. В это сейчас трудно поверить, но по уровню грамотности ученики этой школы показывали результаты в 110 раз лучше (!), чем ученики других школ области. В самых сложных диктантах они или вообще не делали ошибок, или совершали незначительные описки. Такие же показатели были и по другим предметам начальной школы.

И достигалось это благодаря построению уроков, внеурочной деятельности на прочной базе методики работы русской дореволюционной школы, которая в 1936 г. в стране победившего социализма вдруг оказалась не только самой продуктивной, но и самой образцовой.

1937

«Оппортунисты и буржуазные реставраторы в педагогике или отрицали частные методики, или сводили их к технике обучения. Вредители, подвизавшиеся на педагогическом фронте, приложили свою руку к этому участку работы, держа курс на ликвидацию частных методик».

И.Т. Огородников

Г. Г. Шпет

Под роковым 1937 г. можно было бы поставить имя не одного десятка отечественных деятелей культуры, чья жизнь оборвалась в подвалах Лубянки, на этапе или же в лагере. И это было бы правомерно! Но все же, как никто, заслуживает быть занесенным в данный скорбный мартиролог Густав Густавович Шпет.

Его гибель 16 ноября 1937 г. символизирует обрыв традиций культуры Серебряного века, да и, пожалуй, во многом русской классической философии. И эта потеря оказалась так и невосполнима.

Поляк по происхождению, Шпет окончил Киевский университет, где был любимым учеником Челпанова. По его рекомендации Густав Густавович оказывается в Москве: преподает философию и психологию на Высших женских курсах, в университете Шанявского. Он проходит длительные стажировки, читает лекции в лучших университетах Европы.

После октября 1917 г. Шпет становится профессором Московского университета, ведет курсы по педагогике и психологии в Театральной академии высшего актерского мастерства. Он входит в комиссию по реформе средней и высшей школы, является членом художественного совета МХАТа.

Г.Г. Шпет был основателем и первым директором Института научной философии, организатором Вольной философской ассоциации. Вполне понятно, что Густав Густавович попал в список тех 200 лучших российских интеллектуалов, которые подлежали высылке из СССР на печально знаменитом «философском паро-

ходе» в 1922 г. Однако Шпет очень не хотел покидать Россию. За него ходатайствовали многие видные деятели, хлопотал даже Луначарский. И для него — единственного — было сделано исключение. Шпет, образно говоря, сдал билет на пароход , приобретя взамен в будущем путевку в Архипелаг ГУЛаг.

В 20-е гг. Шпету еще удавалось творить. Он обладал по истине фантастической эрудицией и работоспособностью, мог переводить с 17 современных европейских языков и оставил труды по философии, эстетике, семиотике, литературоведению, психологии и педагогике. Впечатляют даже названия его трудов: «Очерк развития русской философии», «Введение в этническую психологию», «Внутренняя форма слова». Он стоял у истоков таких новых областей знаний, как семиотика и этнопсихология, являлся автором термина «социальная психология» и разработал научное содержание этой области знаний. Шпет внес существенный вклад в исследование психологических проблем эстетического воспитания. Такая многогранная деятельность требовала соответствующей творческой лаборатории, которой являлся его кабинет, где библиотека насчитывала свыше 5 тыс. томов.

Начало 30-х гг. оказалось роковым для Шпета. Его изгоняют с работы в Государственной академии художественных наук, где он являлся вице-президентом, и на жизнь удается зарабатывать только литературными переводами. Затем, следует ссылка сначала в Енисейск, потом в Томск, повторный арест и расстрел в 1937 г.

Школа Ивана Кузьмича

По «гамбургскому счету» в истории российского образования XX века знаменитыми являются не так много школ, причем всегда называемых по имени директора: «Школа Караковского», «Школа Ямбурга» и т.д.

В 30-40-е гг., когда все школы получили безликие номера, сам факт названия школы по имени директора вызвал бы идеологические репрессии. И действительно, во второй половине 30-х гг. можно назвать лишь одну по-настоящему авторскую школу — «Школу Новикова». Иван Кузьмич Новиков был директором 110-й школы около 30 лет, что само по себе уже вызывает уважение. За свой труд он был удостоен многих правительственных наград, а за многочисленные публикации, в том числе монографию «Организация учебно-воспитательной работы в школе», был удостоен звания члена-корреспондента АПН РСФСР.

Действительно, 110-я школа всегда выделялась самым высо-

ким уровнем обучения, здесь работала плеяда талантливых педагогов.

Но все же мы вспоминаем о 110-й и ее директоре не столько в связи с этими результатами...

В 1937 г. родители многих учащихся этой школы были арестованы как враги народа и расстреляны. Что неудивительно, ведь в этой лучшей тогда московской школе учились дети партийно-хозяйственной элиты, отпрыски кремлевских вождей, в том числе дети Сталина.

Можно себе представить ту атмосферу, которая сложилась в школе, когда половина детей «оказались» членами семей изменников родины, а другая должна была за это искренне их ненавидеть и презирать. И здесь надо отдать должное как директору, так и учителям, которые сумели сохранить в это страшное время в школе обстановку взаимной поддержки, доброты, сострадания. Тех школьников, у которых были арестованы родители, не только не травили, но, наоборот, всячески оберегали. Об этом трогательно рассказывается в публицистическом фильме «Дети Ивана Кузьмича».

1938

«На практике зачастую вместо того, чтобы поощрять творчество и инициативу педагога, оказывая ему систематическую помощь, руководители заранее проявляют недоверие к его работе и его творчеству».

Л.И. Красногорская

Н. К. Гончаров

В конце 30-х гг. на педагогическом олимпе произошла полная смена караула. Творцы трудовой школы 20-х гг., да и руководители образования первой половины 30-х, те, кто не успел умереть, были расстреляны (Бубнов, Гайсинович, Пинкевич, Пистрак, Шохин и др.), находились в заключении или же были полностью устранены от педагогической деятельности.

Им на смену шла новая волна руководителей и ученых-педагогов «сталинской школы», которым предстояло строить образование «на прочном фундаменте великого учения Ленина — Сталина». Среди выдвиженцев, пожалуй, самой характерной, «знаковой» фигурой явился Николай Кириллович Гончаров (1902-1978). Выходец из семьи бедных крестьян (идеальная для того времени биография), он получает образование в высших учебных заведениях уже советского образца. В 1937-м, через год после окончания аспирантуры, становится фактически главным редактором журнала «Советская педагогика» и инструктором ЦК ВКП(б), т. е. по сути основным проводником партийных директив в области образования.

И надо отдать должное — Гончаров прекрасно исполнил эту роль. Десятилетиями находясь на руководящих постах в педагогической науке (1955-63 — вице-президент АПН РСФСР, главный редактор журнала «Советская педагогика»), именно он во многом сформировал и олицетворял этот феномен — «советская педагогика». Высший пик влияния Гончарова приходится на 40-е — первую половину 60-х гг., когда выходят его главные труды «Основы педагогики», «Вопросы педагогики». Уже сами их названия имеют директивный характер. По книге «Основы педагогики» была организована широкая дискуссия, а на состоявшуюся в 1948 г. защиту докторской диссертации пришло столько педагогов, что они не вместились в зале, коридорах и даже на лестницах, а стояли под окнами на улице, надеясь услышать «золотое» слово.

Каковы же характерные черты той педагогической науки, которую создавал Гончаров вместе с единомышленниками (прежде всего Н.И. Болдыревым)? Они известны. Это превращение науки в средство комментирования и реализации партийных постановлений, подмена исследовательских методик обобщением передового опыта учителей, уничижительная критика буржуазной педагогики. Но главная особенность советской педагогической науки по Гончарову это то, что она всегда занималась не сущим, а должным, т.е. описывала, каким должен быть идеальный учитель, образцовый ребенок, а не исследовала реально существующие трудности и противоречия образовательного процесса.

При этом Н.К. Гончаров являлся личностью неординарной, достаточно образованной, хорошо знающей современную зарубежную школу тех стран, куда он часто выезжал, неизменно возглавляя различные делегации. Но все это было намертво схвачено догматизмом, возводимым самим Гончаровым в разряд высшей добродетели. Николай Кириллович оставался убежденным сталинистом и в 50-е, и в 60-е, и в 70-е гг. Менялось время, менялись взгляды окружающих его людей, не менялся только Гончаров.

Форпост на Беговой

Во второй половине 30-х гг. в жизни пионерской организации происходили очень характерные процессы. Она оказалась загнана в стены школы из внешкольных учреждений, где до этого базировалась, а вся ее деятельность направлялась на обеспечение учебно-воспитательного процесса. По-прежнему в качестве приоритета выступало коммунистическое воспитание школьников.

Поэтому такое важное место в жизни тогдашних детей и подростков начинают занимать создаваемые в разных городах форпосты по месту жительства. Конечно, они были разными. Но вот, например, форпост на Беговой, возглавляемый вожатой Л. Теплицкой, являлся одним из лучших. Здесь сохранялось пространство детства, где царили игра, творчество, романтика. Все строилось на основе самоуправления. Дети играли в футбол, волейбол, ходили в походы, ставили спектакли, выпускали журналы. Действовали различные кружки, работала библиотека. И все это на базе скромного «красного уголка», где многое делалось руками детей и их родителей.

Причем форпосты действовали не только летом, а круглогодично. Пока руководство пионерской организации не увидело в них конкурентов и существование «пространства детства» закончилось. Форпосты начали возрождаться в различных формах только с середины 50-х гг.

1939

«Школу и практический революционный опыт масс товарищ Сталин диалектически сочетает, сохраняя за каждым из них присущее им великое значение. Как заботливый садовник, наблюдает товарищ Сталин за формированием и ростом новых людей в ходе социалистического строительства».

Н.Н. Бобровников

В.В. Зеньковский

В конце XX века в отечественной философии, психологии, педагогике происходили настоящие «страсти по Зеньковскому»: неоднократно переиздавались основополагающие труды, выходили десятки книг и статей, посвященные его творчеству, косяком защищались диссертации.

Разумеется, так было невсегда. Долгие десятилетия на имя Василия Васильевича Зеньковского (1881-1962) было наложено идеологическое табу. Его нельзя было даже упоминать, не то, что анализировать работы, которые были надежно запрятаны в спецхран. Сейчас, когда совершенно ясно, что Зеньковский — выдающийся русский психолог и педагог, входящий в первую пятерку отечественных мыслителей в сфере образования и воспитания, становится особенно печально за десятилетия вынужденной разлуки российской школы и педагогики Зеньковского.

Конечно, это явилось результатом как личной судьбы Василия Васильевича, так и проблематики его исследований.

После окончания в 1909 г. Киевского университета он преподавал в нем философию и психологию, затем являлся директором Фребелевского института дошкольного воспитания. В 1919 г. Зеньковский, побыв несколько месяцев министром культуры и вероисповеданий в правительстве гетмана Скоропадского, эмигрирует в Югославию. Начинается новый и главный этап в его деятельности.

Уже в начале 20-х годов Зеньковский выдвигается в качестве одного (наряду с Гессеном) из крупнейших психологов и педагогов русской эмиграции. Он является председателем Педагогичес-

кого бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, организует Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского в Праге, где заведует кафедрой экспериментальной и детской психологии, возглавляет Русское христианское студенческое движение. В середине 20-х годов в центре его внимания находятся психологические проблемы, что нашло свое воплощение в таких капитальных трудах, как «Психология детства», «Курс общей психологии».

В 1927 году судьба Зеньковского делает новый и окончательный поворот — он переезжает в Париж, где становится профессором Православного богословского института. В 1942-м Зеньковский принимает сан священника — становится отцом Василием.

С этого времени и до конца дней в центре его внимания находятся религиозно-педагогические проблемы. С наибольшей полнотой они раскрыты Зеньковским в таких работах, как «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» и «Педагогика». Главной их идеей является «оцерковление личности»,- глубокое духовное приобщение детей к ценностям христианства, особенно воплощенным в искусстве, философии, литературе. К этой же идее примыкала его концепция педагогики «духовного делания». Цель школы определялась как помощь детям в их духовном росте.

Жизнь В. В. Зеньковского в эмиграции была далеко не безоблачной. В 1939 году начало Второй мировой войны по сути перевернуло последнюю страницу школ Русского Зарубежья. Начались годы тяжелых испытаний. Да и многие религиозные ортодоксы относились к экуменической деятельности отца Василия с явным подозрением и даже называли его масоном в 235-й степени.

Православный богословский институт

Судьбы большинства образовательных учреждений первой волны эмиграции были пресечены Второй мировой войной. Выстояло и сохранилось — и это глубоко символично — лишь одно из них: Православный богословский институт им. Преподобного Сергия Радонежского, созданный в 1925 г. в Париже. Более того, институт существует и сейчас, являясь в течение десятилетий важнейшим духовным центром русской эмиграции.

Важно, что институт всегда вел очень большую педагогическую деятельность. При нем был создан религиозно-педагогический кабинет, а в 1949-м открыты Высшие женские богословские

курсы. В институте возникло Русское студенческое христианское движение (современное название: «Русское христианское движение»), ставшее центром объединения православной молодежи. Издавались «Бюллетень религиозно-педагогического кабинета» и журнал студенческого христианского движения.

Вся эта многогранная и продуктивная деятельность была обусловлена тем, что в институте собралась плеяда талантливых ученых-богословов и подвижников религиозно-педагогического образования: В. Зеньковский, Л. Зандер, С. и А. Четвериковы, И. Лаговский и др.

Подготовленные в Богословском институте труды стали той основой, на которой строится религиозно-педагогическое образование современной России.

1940-1949

Контекст

Это десятилетие сама история развела на два четких, хотя и взаимосвязанных периода — Великая Отечественная война и послевоенное время. Конечно, был небольшой временной этап в самом начале 40-х годов — предшествующий войне, но он во многом был уже насыщен грядущей грозовой атмосферой.

Стремительно и трагично разворачивавшаяся Великая Отечественная война потребовала кардинального перехода всей жизни страны, как говорили тогда, «на военные рельсы». Наступление фашистов, породившее массовую эвакуацию, сотни тысяч беженцев, приведшее к оккупации огромных территорий, поставило задачу соответствующей реакции на это со стороны партийного и советского руководства. Понятно, что, когда решался вопрос о судьбе страны, особенно в обстановке лета—осени 1941 года, да и на протяжении 1942 года, не образование являлось важным и приоритетным делом. Но уже с 1943 года, когда наметился перелом в ходе войны, дело начинает меняться в лучшую сторону. Выпускникам средней школы дают возможность поступать в вузы, сохраняется бронь студентам, несколько укрепляется материальная база учебно-воспитательного процесса. Где это было возможно, старались не призывать в армию учителей.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне, конечно, в полной мере была использована сталинским руководством для укрепления тоталитарного государства, обожествления личности генералиссимуса. Соответственно утверждались и закреплялись авторитарные черты и в школе. Здесь насаждалась атмосфера жестокой дисциплины, зубрежки. Все это оправдывалось необходимостью обеспечения высокого уровня знаний, борьбы с второгодничеством и установления твердой дисциплины.

Образовательная политика

Казалось бы, в годы войны государству было не до образовательной политики. А вышло наоборот. Именно в это время осуществляется достаточно решительная реформа в организации учебно-воспитательного процесса, в системе образования в целом. Причем все изменения продолжали, закрепляли и в известной мере логично завершали ту смену парадигм, которая произошла в середине 30-х годов. Подчеркнем, что основные контуры и направления тех изменений, которые произошли в 40-е годы, уже были

сформулированы в материалах намечавшейся, но не состоявшейся реформы школы 1939-40-го годов.

Динамика образовательной политики выглядела следующим образом: введение начальной военной подготовки — разделение школ в крупных городах на мужские и женские — установление школьной формы, ученического билета — введение жестких дисциплинарных мер, предусматривавших наказание учащихся, — включение в учебный план в конце 40-х годов логики и психологии. Внешне все это выглядит как разрозненные, не связанные между собой меры. Но на самом деле это была четкая образовательная политика, завершившая к началу 50-х годов окончательное формирование такого единого типа средней школы, как «сталинская гимназия».

Идеи

Внешне, если судить с позиций современности, это время — самое скудное на новые продуктивные идеи. Да и, собственно, откуда им взяться. В годы войны было не до научно-педагогических идей; затем все было поглощено задачами восстановления системы образования, борьбой с главными проблемами школы — второгодничеством и неуспеваемостью. Книги по педагогике, выходившие тогда, также в основном цитировали и комментировали партийную линию в образовании. Однако и в русле парадигмы «школа учебы» в конце 40-х годов был создан ряд актуальных для нашего времени работ, посвященных развитию познавательной активности и самостоятельности школьников, формированию убежденности и патриотизма.

Если судить в целом об идейной основе тогдашней системы образования, то она представляла собой причудливый симбиоз дореволюционной педагогической мысли консервативного толка и марксистско-ленинско-сталинских установок.

Судьбы

В силу понятных причин это десятилетие небогато и яркими судьбами педагогов. Окончательно ушло в небытие то поколение, которое определяло пути развития советской школы в 20-е годы. Им на смену сформировалась новая генерация. Наиболее яркими представителями ее в то время были Гончаров, Каиров, Огородников, Данилов, Есипов, Скаткин. Люди разные, с различной степенью идеологической индоктринации, педагогического таланта. Как теоретик выделялся Данилов. Как знатоки школьной жизни — Огородников, Есипов и Скаткин. В годы войны (1943) были созданы Академия педагогических наук и первые научно-исследовательские институты, что, ставило под строгий контроль развитие педагогической науки, но вместе с тем создавало возможность для формирования нового поколения ученых-педагогов.

Символично, что на рубеже 40-х и 50-х годов окончили свой жизненный путь два таких ярких педагогических мыслителя-гуманиста, как Вентцель и Гессен. Их время заканчивалось бесповоротно и, как тогда казалось, навсегда.

Школы

Война выдвинула на первый план такой тип воспитательного заведения, как детские дома. Именно они, собирая, обогревая и спасая своих питомцев, сыграли без преувеличения великую роль в судьбах поколения детей, родившихся в конце 30-х — начале 40-х годов.

Окончание войны и первые послевоенные годы знаменовались новыми явлениями в жизни школы. С одной стороны, лучшими, по-прежнему признавались учебные заведения, добивавшиеся наибольших успехов в обучении и воспитании. Но вместе с тем, особенно в сельских школах, поощрялось участие детей в разнообразном сельскохозяйственном труде, древонасаждениях, опытнической, юннатской деятельности. Это было подспудное возвращение трудового обучения. Наряду с этим, как ни странно, начинают прорастать и первые авторские школы, как, например, школа Ф. Брюховецкого в Краснодаре.

Наследие

40-е годы прежде всего и главным образом останутся в нашей памяти героизмом миллионов советских людей — учеников и выпускников школы 20-х — 30-х годов, начала 40-х. При всей неоднозначности оценки советской школы этого времени несомненно, что она, опираясь на отечественную педагогическую традицию, сумела обеспечить победный результат.

В арсенале отечественной педагогики остаются формы и методы обучения и воспитания, прежде всего патриотического.

Уроки

Это десятилетие дало нам два главных урока, и оба связаны с войной. Первый — это урок настоящего подвижничества сотен тысяч учителей, воспитателей, всех работников системы образования, которые в тяжелейших условиях выстояли и, по сути, спасли молодое поколение — будущее страны.

Но не менее очевиден и другой урок, особенно актуальный сейчас. Победа в войне использовалась и тогда и потом как сокрушающий довод, главный козырь, доказывающий неоспоримое преимущество всей советской системы образования, отсутствие в ней противоречий. То есть полностью ограждала ее от упреков в авторитаризме.

1940

«Как это важно и заманчиво для каждого из педагогов научить детей четкости движений и быстрому умению готовиться к работе!
Раз — и левой рукой кладем ненужную книгу в стол.
Два — правой берем нужную тетрадь и кладем ее на стол.
Три — достаем нужную книгу».

А.Е. Андрианова

В.П. Потемкин

Владимиру Петровичу Потемкину (1874-1946), казалось бы, самой судьбой уготовано остаться в истории выразителем тоталитарной сталинской педагогики. Ведь он стал народным комиссаром просвещения в марте 1940 г., а в октябре 1943 был утвержден Президентом Академии педагогических наук РСФСР. Но такой вывод не только поверхностен, он неправомерен.

Владимир Петрович прожил как бы четыре жизни. В одной — дореволюционной, он получил классическое образование на историко-филологическом факультете Московского университета, зарекомендовал себя как талантливый историк, блестяще освоил французский язык. В это же время он успешно преподает в частных учебных заведениях Москвы.

После революции принимает участие в подготовке программных документов о единой трудовой школе, даже в июле 1918 г. председательствует на Первом всероссийском съезде учителей. Вообще организация съездов было тогда его главным занятием. Сейчас это трудно себе даже представить, но в 1918-19 гг. в атмосфере гражданской войны под его руководством было проведено более 180 съездов и совещаний учителей и работников народного образования, сыгравших важную роль в строительстве новой школы.

В начале 20-х гг. Потемкин заведовал Одесским губотделом народного образования и сумел сплотить вокруг себя очень способную еврейскую молодежь (Ривес, Шульман, Лозинский и др.),

которая затем внесла существенный вклад в развитие отечественного образования.

Далее судьба Потемкина делает крутой поворот, и с 1922 г. он находится на дипломатической работе, занимая ряд ответственных постов. В частности он являлся послом в Греции, в Италии, во Франции. А в апреле 1937 г. был назначен замнаркома иностранных дел.

Сейчас трудно судить, почему именно Потемкин чуть ли не единственный уцелел из практически полностью расстрелянного дипломатического корпуса, как и установить, в силу каких обстоятельств он оказался на посту руководителя Наркомпроса.

Но, несомненно, это был удачный выбор. Время нахождения Владимира Петровича на этом посту было крайне тяжелым. И все-таки удалось не только сохранить школу, но и провести ряд важных, пусть и неоднозначно оцененных преобразований.

Вместе с тем, когда перечитываешь статьи и речи Потемкина этого периода, создается впечатление, что ему по-человечески было очень скучно заниматься организационно-педагогической деятельностью. Свою отдушину он нашел в создании Академии педагогических наук. В ее состав были включены как крупные ученые с мировым именем, так педагоги и психологи, получившие, как правило, образование еще в дореволюционных университетах. Все это и обусловило высокий уровень культуры членов новой Академии, фундаментальность ее деятельности. Вторая половина 40-х гг. явилась «золотым веком» Академии, той интеллектуальной и нравственной планкой, к покорению которой она в последующие годы так и не приблизилась.

Школа им. С.Т. Шацкого

Всегда интересно проследить судьбу авторских школ, после того как заканчивается земная жизнь их создателя. В 1940 г. выходит коллективная монография «Школы им. С.Т. Шацкого», в которой дается характеристика деятельности учителей этой школы за период, прошедший после смерти Станислава Теофиловича. Публикация этой книги в то время выглядит странной, ведь имя Шацкого уже во многом предано забвению, более того — его деятельность была раскритикована. Понимая это, авторы книги в предисловии подчеркнуто много пишут о серьезных недостатках, недочетах, ошибках, которые якобы имели место в их деятельности в 20-е гг. И все же, отдав должное ритуалу, они стараются максимально показать тот

позитивный потенциал, который был ими сохранен и насколько это возможно развит.

Дело в том, что в 1934 г. знаменитая школа-комплекс была преобразована в среднюю школу десятилетку с интернатом, и, конечно же, все те идеи «педагогики среды», которые отстаивал и обогащал Шацкий, становилось реализовывать крайне затруднительно. И все же, даже суженные до размеров чисто учебной деятельности, педагоги школы им. Шацкого все равно стремились максимально связывать обучение с жизнью, проводить большую и интересную внеклассную работу. В школе по-прежнему сохранялась атмосфера гуманности, добра, творческого поиска, что, наверное, и дает основание считать по праву эту школу одной из лучших, а может, даже уникальной для предвоенного времени.

1941

«Фашистская педагогика помогла Гитлеру вымуштровать сотни тысяч оглупленных и растленных кретинов, кровавых убийц и насильников. Поднявшийся в бой советский народ смоет с нашей прекрасной планеты грязную коричневую накипь. И тогда фашистская педагогика, эта педагогика рабовладельцев XX века, педагогика исступленных убийц и людоедов, навеки исчезнет с лица земли».

Я.Б. Резник

Аркадий Гайдар

Казалось бы, писателя Аркадия Петровича Голикова известного под псевдонимом Гайдар (1904-1941) формально нет оснований причислять к педагогическому сообществу. Но это на чисто внешний, поверхностный взгляд. На самом деле он являлся именно педагогом, только выражавшим свои идеи не в виде монографий, а в художественных произведениях. Выходец из семьи учителя, даже не окончивший реального училища, он в 14 лет вступает в Красную армию, а в 16 уже командует полком (правда запасным и меньше месяца). Когда перечитываешь произведения Гайдара, то возникает острое ощущение, что вся его романтика от того, что он недоиграл в детстве и как бы наверстывал в книгах то, что должен был реально прожить в подростковые и юношеские годы.

Тонкий психолог, Аркадий Гайдар хорошо знал мир детства, поэтому его произведения очень эмоциональны, в них за каждым, казалось бы, маленьким делом, стоит большая светлая перспектива, за которую и должны бороться дети.

Учитывая жажду подростков к приключениям, их страсть к играм, богатое воображение, Гайдар наполнил свои произведения неповторимой, чарующей романтикой. Все это вместе и сделало его книги по-настоящему любимыми.

Опираясь на стремление детей к подражанию, Гайдар совершенно осознанно создал пленительный образ Тимура и его команды. В этом весь Гайдар, который считал педагогическую направленность главным в своем творчестве. По этому поводу он выразился вполне определенно: «Пусть когда-нибудь подумают, что вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детс-

кими писателями. На самом же деле они готовили краснозвездную крепкую гвардию».

Возможно, кого-то сейчас шокирует прямота такой позиции, но в те предвоенные годы произведения Гайдара играли важную гуманную роль, вспомним хотя бы, как в «Судьбе барабанщика» рельефно проводился спасительный тогда тезис, что «сын за отца не отвечает».

Созданное же под обаянием книги и основанное на скаутских традициях тимуровское движение сыграло огромную роль во время войны, да и в последующие годы стало настоящим социально-педагогическим феноменом.

Характерно, что в 50-80-е гг. с самых высоких трибун неоднократно раздавались призывы к созданию нового —подобного же движения вроде тимуровского. Однако так ничего и не получилось. Пожалуй, можно привести только одну историческую параллель — это коммунарское движение.

Школа Великой Отечественной

Наверно, правила для того и вырабатываются, чтобы в них было хотя бы одно исключение. 1941 г. историческим роком рассечен на две, по сути, равные половины: в одной завершился последний мирный учебный год, в другой — начался первый военный. Поэтому и речь следует повести не о каком-то одном образовательном учреждении данного страшного года, а о школе, как феномене в условиях войны в целом.

В военное лихолетье школа стала для ребят, наверное, даже в меньшей степени местом, где они получали знания. Школа кормила, одевала, согревали и спасала детей. Нередко заменяла им дом и семью. Поэтому-то и педагоги, и их питомцы вспоминают то время как крайне трудное, но счастливое, когда вместе бились их сердца, была одна общая цель, общие радости и несчастья.

Жизнь еще раз доказала неистребимость школы, ее глубокую укорененность. Детей учили в Керченских каменоломнях и партизанских отрядах, в гетто и лагерях для членов семей изменников родины, в поездах во время эвакуации и в блокадном Ленинграде.

Конечно, в годы войны изменилась структура сети образования, существенно увеличилось число детских домов, интернатов, была проведена реформа с разделением школ на мужские и женские. В целом же в системе образования оказались воспроизведены образцы дореволюционной школы и педагогики, к сожалению, далеко не самые лучшие

1942

«Велика ответственность органов народного образования перед страной, перед трудящимися. Хорошая работа школы, бодрое настроение школьников придают больше уверенности, энергии, силы бойцам на фронте, содействуют успешной работе их матерей на предприятиях, способствуя тем самым приближению победы над врагом».

Н. Сергеенко

И.Ф. Свадковский

В годы тяжелых испытаний, войн, социальных потрясений на авансцену педагогической деятельности решительно выходят мужчины, взваливая на свои плечи сложнейшие проблемы, защищая, спасая как детей, так и педагогов-женщин.

Имя Ивана Фомича Свадковского (1895-1977) не относится к числу тех, которые сейчас привычно упоминаются среди признанных педагогов-гуманистов. Во многом это отягощено негативным отношением к большинству советских педагогов 40-50-х гг., входивших тогда в число официально признанных ученых. Однако у всех, кто когда-нибудь учился у Свадковского, работал вместе с ним, упоминание его имени вызывает прилив самых добрых чувств.

Начало жизненного пути Ивана Фомича было непростым. Бедная крестьянская семья, с большим трудом пробиваемая дорога к образованию. В 19 лет после окончания учительской семинарии, он становится заведующим приходской школой. Уже тогда молодой учитель стремился воплотить идеи Толстого и Руссо о развитии у школьников познавательных интересов и творческих способностей, осуществлял гуманный подход к детям, связывал обучение с трудом в условиях сельской жизни. Подчеркнем, что в дальнейшем эти базовые ценности оставались у Свадковского неизменными вне зависимости от политической или педагогической конъюктуры. Более того, в трудные времена они особенно актуализировались.

В 20-е гг., после окончания Академии коммунистического воспитания, Свадковский занимается прежде всего историко-педагогическими исследованиями. Он самостоятельно изучает английский, немецкий и французский языки, проходит годичную стажировку в США. В конце 20-х гг. занимает ведущие посты в Институте научной педагогики, а затем работает в МГПИ. В 30-е гг. он создает ряд работ по ключевым для него проблемам: нравственное формирование детей, их трудовое воспитание, развитие школьного самоуправления.

В 1942 г. по собственной просьбе известный ученый-теоретик, заведующий кафедрой педагогики становится директором трех детских домов в селе Екатерининском, расположенном в глухой тайге, более чем в трехстах километрах к северу от Омска. Причем, это были детские дома, находившиеся в крайне плачевном состоянии. Нельзя не удивиться и вместе с тем не испытать уважения перед таким, прямо скажем, неординарным поступком. Однако, самое интересное, что Свадковский все военные годы не только заведовал этими детскими домами, но и вел экспериментальную деятельность. Поучительный опыт был затем им представлен в интересной книге «Записки воспитателя», которую очень полезно почитать начинающим педагогам.

В послевоенное время Свадковский продолжал многогранную деятельность — стал первым директором НИИ теории и истории педагогики, был избран действительным членом АПН СССР. Но в историю российского просвещения он вошел прежде всего двумя своими главными делами — как редактор букваря, который пользовался признанием широкой педагогической общественности, и организатор подготовки учителей начальной школы с высшим образованием.

Согласно завещанию, на его могильной плите была высечена короткая, но полная достоинства надпись: «Учитель И. Ф. Свадковский».

Екатерининский детский дом

Руководимые И. Ф. Свадковским в годы войны детские дома в селе Екатерининском были перестроены им по единому образцу и могут рассматриваться как одно учреждение. Представляется, что это был один из лучших, а может быть и самый лучший по организации жизни детский дом в то время. Придя туда вместе с небольшой группой своих сподвижников, Свадковский застал характерные для большинства детских домов черты: безнадзорность детей при большом количестве

воспитателей, запущенную материальную базу, общее безразличие и детей, и взрослых ко всему происходящему.

Свадковский не стал применять какие-то педагогические чудеса, но использовал ряд приемов, которые осуждались стерильной советской педагогикой: он ввел разнообразные материальные поощрения и воспитанников, и педагогов за хороший труд, объединил их интересы вокруг производства продуктов питания, что способствовало общему выживанию в тех трудных условиях. Благодаря всему этому труд, который в среде детдомовцев трактовался как нечто недостойное, использовался в качестве наказания, стал добровольным и уважаемым делом. По сути Екатерининский детский дом представлял собой школу-общину, построенную на близких к семейным отношениях взрослых и детей.

1943

«Мужество, героизм, изумительные подвиги советских воинов на фронтах Отечественной войны, бесспорно, являются, в известной мере, результатом работы советской школы».

Н. И. Болдырев

Ф.Ф. Брюховецкий

Вряд ли в российском образовании найдется педагог, который оставил столь заметный след в повседневной практической деятельности школы, как Федор Федорович Брюховецкий. Считается, что высшей наградой для поэта, композитора является то, что созданные ими произведения становятся народными. Их исполняют, даже не задумываясь о том, что у них был конкретный автор.

Так иногда бывает и в педагогике. День знаний 1 сентября, Праздник прощания с букварем, фестиваль «За честь школы», щемящая душу атмосфера Последнего звонка — все это было впервые придумано и использовано в своей школе Ф. Брюховецким. А ведь без этого совершенно невозможно представить жизнь современной школы.

Начало своего директорского пути Федор Федорович позднее опишет в возвышенно-эпических тонах: «В феврале 1943 года под звуки сирен и разрывы фашистских бомб мы начинали работу школы». Так Брюховецкий становится в 27 лет директором средней школы № 58 города Краснодара, носившей затем по праву имя А. С. Макаренко. На этом посту он бессменно оставался на протяжении 42 лет. Если в емкой форме выразить педагогическое кредо Федора Федоровича, то его можно свести к двум ключевым словам: традиции и праздники.

В тяжелые годы войны он сумел сплотить коллектив педагогов и учеников на основе совместной творческой деятельности и «перспективы завтрашней радости». В центре работы находился опыт

трудовой коллективной деятельности учителей, учащихся и родителей, шефов, который выступал источником накопления совместных радостных переживаний. Так постепенно создавались и утверждались педагогические традиции. Это был непрерывный поиск, эксперимент. На протяжении всей деятельности школы Брюховецкий выступал организационным и эмоциональным лидером коллектива, генератором идей, привлекал в школу самобытных, творческих, высокопрофессиональных наставников. И неудивительно, что педагогический коллектив, школа в целом стала культурным центром города.

Впрочем, значение и роль Брюховецкого в российской педагогике выходит далеко за рамки его конкретной школьной деятельности. Незаурядный публицист, ярко выраженный педагог-гуманист он пользовался большим авторитетом в педагогических кругах, а высказанные им идеи и подходы затем были развиты В.А. Сухомлинским.

Школа традиций и праздника

Трудно начиналась в 1943 г. история школы Брюховецкого, ставшей позднее столь знаменитой. Педагоги собрали голодных, полураздетых и морально травмированных детей и привели их в классы одного из немногих уцелевших зданий бывшего реального училища. Материальной базы не было совсем. Зима была холодная, а топить нечем. Отсутствовали чернила, стулья, часто занятия прерывались сигналами воздушной тревоги.

Чем мог педагогический коллектив старался компенсировать детям голодное детство, оказалось, что, лучше всего, — интересной коллективной жизнью. Все началось с совместного труда ради элементарного выживания, а в 50-60-е гг. школа уже гремела на всю страну своей уникальной для советской педагогики того времени работой органов самоуправления. Достаточно сказать, что в школе существовало два учкома. Кстати, именно здесь родилась традиция «дежурных классов», которые потом стали обыденным явлением. А вот у Брюховецкого в то время они являлись проявлением демократии, реализацией высокой идеи сотрудничества педагогов и воспитанников.

Конечно, и Брюховецкому, и педагогическому коллективу школы было непросто в отстаивании этих идей, ведь они во многом опередили свое время.

1944

«Мы верим в силу нашего народного учителя, который скромно, порой незримо, без шума и треска, кропотливо выполняет величайшее дело истории. В трудных условиях военного времени советские учителя, пламенные патриоты своей Родины, не жалея сил, без устали трудятся над воспитанием нашего подрастающего поколения».

И. С. Арцис

С. Л. Рубинштейн

При всем трагизме обстановки Великая Отечественная война для многих людей явилась временем наивысшего подъема их деятельности, а также общественного признания. Все это в полной мере относится к одному из самых выдающихся отечественных психологов Сергею Леонидовичу Рубинштейну (1889-1960). В годы войны его главный труд «Основы общей психологии» удостаивается высшей тогда награды — Сталинской премии. Рубинштейна назначают директором Института психологии. Он организует и возглавляет кафедру психологии в МГУ. Его избирают членом-корреспондентом АН СССР и академиком АПН РСФСР. И это было правомерное признание заслуг Сергея Леонидовича.

Путь к этому признанию был непрост. Выходец из семьи богатого одесского адвоката, по болезни получивший домашнее образование, Рубинштейн проходит фундаментальную подготовку в Марбургском университете, где защищает докторскую диссертацию по философии.

В 1914 г. он возвращается в Одессу, преподает в гимназии, а в 1921 г. избирается профессором кафедры психологии Университета. В это время Рубинштейн в основном занимается философскими проблемами. Однако уже в 1922 г. он, понимая, что время свободного философствования закончилось, покидает Университет и находит себе убежище на посту директора Научной библиотеки, где получает возможность прочитать всю имеющуюся литературу по психологии. Именно в этой своеобразной ссылке Ру-

бинштейн закладывает фундамент поражавшей потом всех эрудиции в сфере современной психологической науки. Что неудивительно — Сергей Леонидович свободно владел пятью языками.

В 1930 г. его затворничество заканчивается. По приглашению М.Я. Басова он становится заведующим кафедрой психологии ЛГПИ им. Герцена. Именно в 30-е гг. им закладывается субъектно-деятельностная теория развития. Смысл ее в проекции на педагогику состоял в том, что личность в деятельности не только обнаруживается и проявляется, но созидается и определяется. А главным фактором развития становится самосозидание субъекта.

С самого начала эта концепция Рубинштейна вступила в оппозицию с культурно-исторической теорией Л. Выготского, что в последующем принесло Сергею Леонидовичу немало неприятностей при жизни и определенную неприязнь к представителям его научной школы после смерти. Однако книги Рубинштейна «Основы психологии», «Основы общей психологии» составили для нескольких поколений психологов и педагогов базовый фундамент. Они стали своеобразной Библией, книгой номер один советской психологии.

В годы войны Рубинштейн проявил незаурядное мужество и большие человеческие качества. Блокадной зимой 1942 г. он, сам очень слабый, ходил через весь город в окраинный госпиталь, чтобы поделиться пайком с умирающим от голода аспирантом. Вообще, внешне очень сдержанный, даже суховатый Рубинштейн всегда удивительно заботился о своих учениках, а студентам давал по их просьбе деньги без отдачи. Может быть, отчасти это было вызвано тем, что своих детей у Сергея Леонидовича не было.

После войны, особенно с 1947 г., для ученого наступили тяжелые времена. По нему пришелся удар как по «главному космополиту психологии». Началась травля, в которую были втянуты студенты (потом известные психологи), вывешивавшие перед аудиторией плакат: «Космополита Рубинштейна — вон из университета». Шли бесконечные проработки его книги «Основы общей психологии», где Сергею Леонидовичу навешивались опасные идеологические ярлыки. Публиковались уничтожающие статьи с выражениями типа «блудливый язык Рубинштейна». В итоге, его вынудили оставить все посты, которые он занимал. Был рассыпан набор новой книги «Философские корни психологии». Самому же Рубинштейну реально угрожала высылка в Казахстан.

Однако Сергей Леонидович не сломался и с середины 50-х гг., когда обстановка изменилась, он вновь возвращается в науку. Издает несколько фундаментальных монографий. В конце 50-х гг. Рубинштейн приступает к подготовке своего главного философско-психологического труда «Человек и мир». Но закончить он его не смог, не выдержало с детства больное сердце.

Суворовские училища

Характерной приметой военных лет стало открытие суворовских училищ. В начале было создано одиннадцать, а в 1944 году открыли еще шесть. Их значение в то время трудно переоценить. Большинство первых суворовцев это дети погибших воинов, «сыны полков», имевшие награды.

В училища принимались дети с десяти лет и обучались по программе средней школы с расширенным изучением точных наук. Большое внимание уделялось физической и военной подготовке.

Суворовские училища подчеркнуто строились по принципу прежних кадетских корпусов. В них даже преподавали бывшие кадеты. Это стало проявлением общего поворота, происшедшего в годы войны, к традициям дореволюционной России, что рельефно проявилось и в сфере образования.

Нельзя не заметить, что суворовские училища были своеобразным крайним противопоставлением всей направленности школы 20-х годов. Это были закрытые учреждения казарменного типа, где дети были одеты в форму, ими руководили офицеры-воспитатели. Поддерживалась достаточно строгая дисциплина, существовал и карцер.

1945

«Никто не посмеет утверждать, что наша школа не выполнила своей основной воспитательной задачи. Все мы с гордостью сознаем, что доблестными защитниками Родины, победителями немецкого фашизма явились и питомцы советской школы. Советская школа победила фашистскую школу; советский учитель победил учителя-фашиста».

В. П. Потемкин

Т. Е. Конникова

В 1945 году началась самая значительная и яркая полоса в жизни талантливого педагога, оставившего глубокий и свое образный след в истории отечественной педагогики, Татьяны Ефимовны Конниковой (1909-1975). Она становится директором 210-й школы Ленинграда, ставшей позднее известной по всей стране.

Ее трудовой путь начался очень рано и был тесно связан с воспитанием. Уже в 16 лет она работала в детской библиотеке рассказчицей: сообщала детям разных возрастов, о событиях окружающей жизни и о содержании детских книг. Затем во второй половине 20-х — 30-е годы Конникова работает воспитательницей детского дома, учительницей начальных классов, заведующей городской школой пионерских вожатых, методистом и директором школы, заведующей РОНО. Перечисление этих разнообразных должностей важно не само по себе. Дело в том, что все эти роли, накопленный жизненный опыт составили грани личности и профессионального мастерства Татьяны Ефимовны и слились в ней в один целостный образ.

В годы войны Конникова была командирована в Ярославскую, а затем в Кировскую область для работы, уполномоченной по эвакуированным детским учреждениям.

Став 1 сентября 1945 года директором вновь открывшейся школы, Татьяна Ефимовна развернулась во всю мощь своего необычного педагогического таланта. Дело в том, что в начале 30-х годов ей посчастливилось быть аспиранткой самого Выготского. Она не только получила фундаментальную психологическую подготовку, но и научилась с позиции интересов детской личности строить образовательный процесс. В ее школе в 40-е — первую половину 50-х годов

самым действенным образом вопреки социально-политическим реалиям кипела жизнь ученического самоуправления, организовывались увлекательные игры. Все было подчинено главной для Татьяны Ефимовны цели — формированию социальной активности школьников. В то время, да и позднее это играло очень важную роль.

Неслучайно именно в школе Конниковой зародилось коммунарское движение. Здесь работали учителями и вожатыми все его главные создатели. И без творческого влияния, доброй поддержки Татьяны Ефимовны у них вряд ли что-нибудь получилось бы.

Вообще «самый психологический директор» Т.Е. Конникова как никто умела вдохнуть живое человеческое начало в любое официальное дело. Будь то пионерская работа или нравственное воспитание школьников.

Школы игры и социальной активности

Вряд ли в истории педагогики найдется аналог 210-й школе г. Ленинграда. Дело в том, что когда она открылась, то 1 сентября 1945 г. за парты сели 750 ребят, учившихся ранее в 526 школах Советского Союза. Основная часть их вернулась в Ленинград из эвакуации, другие же пережили здесь блокаду. Это были школьники с разным уровнем знаний, перенесшие потерю близких, тяжелые испытания военного времени. К этому добавлялась бытовая неустроенность школы, да и состав педагогов формировался уже в процессе учебного года.

А через пару лет все, кто приходил в школу, поражались удивительной сплоченности детского коллектива, его заряженности на добрые дела, кипучей активности. Свершилось обычное педагогическое чудо — детям были доверены большие и реальные права в организации школьной жизни. Действовала разветвленная система школьного самоуправления, причем не формально, а увлекательно. Этому способствовали различные игры типа «Тайна белого пакета». Ученики в захватывающей обстановке романтики, игры получали шифрованные донесения и, двигаясь по маршруту, выполняли задание, которое всегда имело большое краеведческое, познавательное и общественно-полезное значение.

В целом можно сказать, что за время работы 210-й школы под руководством Татьяны Ефимовны Конниковой в 40-е — 60-е гг. была реализована школьная модель «социализма с человеческим лицом». Здесь воспитывались гордые, честные, социально-активные советские граждане.

Школа жила ярко, романтично, жизнеутверждающе. И совершенно закономерно, что именно она стала колыбелью коммунарского движения.

1946

«Большевистская идейность — основа всего воспитания, образования и обучения. Только руководствуясь принципами большевистской партийности, наши кадры педагогов — теоретиков и практиков — могут успешно решить задачи коммунистического воспитания, приобретающего с каждым днем все большее значение».

А.К. Бушля

И.А. Каиров

В мае 1946 года (после смерти В.П. Потемкина) Иван Андреевич Каиров (1893 — 1978) был избран президентом Академии педагогических наук РСФСР и оставался на этом посту в течение 20 лет. Его можно считать образцовым лидером академической науки в ее официальном варианте. Достаточно образованный и интеллигентный, он рельефно выделялся на общем уровне сталинских выдвиженцев. Таким он и запомнился современникам.

Каиров был одним из последних в том поколении ученых-педагогов, которые успели получить высшее образование в дореволюционный период, — этого задела им хватило на всю оставшуюся жизнь, чтобы заметно превосходить, и интеллектуально, и культурно, тех, кто заканчивал советские вузы.

Иван Андреевич вырос в семье чиновника государственного банка, закончил гимназию, обучался на отделении естественных наук физико-математического факультета Московского университета. Увлеченный юноша был захвачен идеей обучения и детей и взрослых современным сельскохозяйственным знаниям. И эта направленность красной нитью прошла через всю его жизнь.

В двадцатые годы Каиров занимается созданием сети высших и средних сельскохозяйственных учебных заведений. Пишет ряд пособий по вопросам агропедагогики и методики распространения сельскохозяйственного знания. В тридцатые годы — уже доктор педагогических наук — он занимает ряд ответственных должностей в аппарате ЦК ВКП(б). Кроме того, занимается проблемами создания учебника по педагогике, который вышел в 1938 году.

И в то же время, что совершенно неординарно для чиновника тако-

го ранга и положения, Каиров на общественных началах работает сначала классным руководителем, а затем и директором одной из школ.

Размышляя над основными направлениями и итогами деятельности И.А. Каирова на посту президента АПН РСФСР, можно выделить два приоритета: это развертывание широкой сети экспериментальных школ и издание наследия классиков русской и советской педагогики.

Конечно, было бы сильным преувеличением считать Каирова педагогом-теоретиком. Впрочем, он никогда и не претендовал на этот статус. Зато сейчас, когда в сложном положении оказалась сельская школа, работы Каирова двадцатых годов приобретают особую актуальность. Ведь в них, по сути, была представлена модель создания современной агрошколы, дающей необходимые профессиональные знания, благодаря которым выпускники могли бы не только выживать, но и преобразовывать жизнь окружающего их сельского социума.

Женские школы

Послевоенную историю образования невозможно представить без особого аромата женских школ, которые были созданы в крупных городах еще во время войны. Это было одно из проявлений в целом взятого тогда курса на обращение к дореволюционным русским традициям. Особенно рельефно это проявилось в армии, но в большой степени сказалось и на развитии школ.

По отношению к раздельному обучению не выработано какого-то единого мнения. И в то время, и сейчас существуют как его горячие сторонники, так и не менее убежденные противники.

Однако в первые послевоенные годы женские школы, несомненно, сыграли очень важную роль. В лучших из них была создана атмосфера уюта, каких-то особо доверительных отношений между учителями-женщинами и их воспитанницами. Возникала дружба, которая проносилась затем через всю жизнь.

Большое место уделялось творчеству. Действовали школьные театры, издавались литературные журналы. Да и качество обучения было очень высоким — в каждом выпуске было несколько золотых и серебряных медалей.

Правда, сказывались и такие черты, присущие женскому сообществу, как сплетничество, соперничество, излишний инфантилизм. Зато необыкновенно волнующими были совместные танцевальные вечера с учащимися мужских школ, суворовских училищ. Для некоторых тогдашних школьниц это осталось самым ярким воспоминанием жизни...

1947

«Сознательность — важнейший принцип обучения в нашей школе. Требования сознательности в обучении вытекают из стоящей перед нами великой цели воспитания всесторонне развитого поколения, способного окончательно установить коммунизм».

С.В. Иванов

А.Н. Леонтьев

Тысяча девятьсот сорок седьмой год оказывается переломным для развития советской психологии. Связано это не только с развернувшейся борьбой с генетиками, что непосредственно сказалось на психологии, но и борьбой с космополитами. Как известно, главной жертвой этой кампании в психологии стал С.Л. Рубинштейн, который подвергся жесточайшей критике и был снят со всех занимаемых им постов. Место официального лидера советской психологии стало вакантным и в итоге его занял на последующие тридцать лет Алексей Николаевич Леонтьев (1903 — 1979). Его заслуги перед отечественной психологической наукой велики и разносторонни. В Московском университете он создал сначала отделение психологии на философском факультете, а затем и психологический факультет, которым руководил в течение многих лет. Почти все университетские психологи среднего и старшего поколения — прямые его ученики и сотрудники. Кроме того, Алексей Николаевич в течение многих лет был вице-президентом Академии педагогических наук.

Благополучна и его научная судьба. Имя Леонтьева обязательно упоминается наряду с Выготским, Рубинштейном и Лурией среди самых выдающихся психологов двадцатого века. Он являлся автором нескольких книг, каждая из которых была переведена на десятки иностранных языков. А одна из них — «Проблемы развития психики» — была удостоена Ленинской премии, в то время высшей награды страны, которой больше никто из психологов не удостоился.

Однако за всем этим внешним официальным и неформальным благополучием А.Н. Леонтьева как руководителя и ученого его личность предстает, если и не трагичной, то, по крайней мере, полностью не самореализовавшейся.

Выпускник факультета общественных наук Московского университета, он в 1924 году встречается с только что принятым на работу в Психологический институт Л.С. Выготским. Эта встреча стала для Алексея Николаевича воистину судьбоносной. Он начинает работать, особенно во второй половине двадцатых годов, в культурно-исторической парадигме Выготского. Несмотря на все социальные и политические перипетии, Леонтьев, как и другие «выготчане», пронес через всю жизнь любовь и уважение к учителю. А с учениками и последователями Выготского, особенно с А.Р. Лурией, его связывала крепкая дружба.

В истории науки Леонтьев прежде всего остался автором структуры анализа психологии: Деятельность. Сознание. Личность. В полной мере эта триада относится и к нему. По свидетельству знавших Леонтьева, он был выдающейся личностью: мыслитель, умело сочетавший высокий творческий потенциал и достаточно успешную судьбу администратора науки, что само по себе крайне редкое явление. Интеллигентный и элегантный, свободно владеющий французским, он производил глубокое впечатление на людей, создавал вокруг себя особую атмосферу. Недаром в годы его деканства за факультетом психологии прочно укрепилась репутация самого интеллигентного факультета МГУ.

Конечно, жившему в трудное идеологическое время А.Н. Леонтьеву неизбежно приходилось отдавать дань ритуальной политической фразеологии, что сейчас нередко служит основанием для его критики, в том числе и от учеников, для которых он в свое время так много сделал.

Чоботовская сельская школа

Утром 18 февраля 1947 года небольшая школа в поселке Чоботы, который находится недалеко от подмосковной платформы Переделкино, проснулась знаменитой. В этот день было опубликовано обращение коллектива ко всем школьникам страны, которое вызвало массовое юннатское движение «Украсим Родину садами». Сейчас принято видеть в этом непростом времени в основном тоталитарные и авторитарные черты. Однако это далеко не полностью характеризует происходящие тогда явления.

В первые послевоенные годы, когда страна только заживляла

раны, возникла острая необходимость действительно украсить садами выжженную и разоренную землю. В Чоботовской школе силами педагогов и учащихся был создан сад на полутора гектарах земли, в юннатское движение оказались вовлечены все школьники, кроме того, большая работа оказывалась и соседнему лесничеству. Ученики овладевали техникой, приучались любить землю, а главное — творчески относиться к нелегкому сельскохозяйственному труду. Ведь садоводство — это самая близкая сельским детям сфера опытничества. Неудивительно, что в Чоботовскую школу стали приходить тысячи писем от школьников и педагогов со всей страны, которые также стали закладывать приусадебные сады, а в итоге — творить добро.

1948

«Обучение не только просветляет сознание, но прививает стойкие навыки поведения, формирует волю и дееспособность подрастающего человека, укрепляет черты его характера. Советская школа проявляет требовательность и в этом направлении. Знания должны способствовать выработке большевистских черт характера».

Р.Г. Лемберг

Б.П. Есипов

Если бы наряду со званием «народный учитель» существовало звание «народный ученый», то его наверняка удостоился бы доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент АПН РСФСР Борис Петрович Есипов (1894-1967).

Судьба подарила Борису Петровичу редкую удачу: 26-летнего сотрудника Глазовского уездного отдела народного образования неожиданно пригласили в Москву, в отдел единой школы Наркомпроса РСФСР. Сейчас трудно сказать, что сыграло решающую роль в этом приглашении: то ли крестьянское происхождение, то ли тот факт, что он успел получить хорошее образование (учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета), а может, заметили его статьи по проблемам народного образования, опубликованные в газете «Правда».

Но так или иначе Есипов достаточно быстро выдвинулся на руководящие посты — в научно-педагогической секции ГУСа он занимался разработкой учебных планов, программ, подготовкой съездов и конференций. Очень положительно отозвалась о нем Н.К. Крупская. Конечно, по большому счету, в то время «социально подходящих» педагогов — таких, как Есипов, — специально поддерживали в качестве силы, противостоящей ученым дореволюционной закалки. Правда, в травле старых специалистов Есипов в отличие от других (Руднева, Шохина) не усердствовал.

Однако пик признания Бориса Петровича Есипова как ученого пришелся именно на послевоенные годы. Впрочем, это и неудивительно. Счастливо избежавший репрессий, уже немолодой кандидат

наук вновь удачно попал в струю. Дело в том, что отличительной чертой Есипова как ученого была не формальная, надуманная, а искренняя и постоянная связь с учительством. Он действительно хорошо знал школу, умел видеть перспективы ее развития. Для него школьная практика была постоянным источником творческого поиска. Понятно, почему имя Есипова было популярным в учительской среде.

Основная сфера научной деятельности Есипова — организационные формы учебного процесса, самостоятельная работа школьников на уроках. Это, равно как и его внимание к передовому опыту, очень пришлось ко двору в конце 40-х годов, когда именно достижения в практике, подробная регламентация проведения уроков считались приоритетными направлениями развития педагогической науки.

Впрочем, и в дальнейшем Б.П. Есипов всегда входил в обойму официально признанных ученых-педагогов, вел большую организационную и общественную работу. На пенсию Борис Петрович так и не ушел. Под конец жизни он был завален работой в Академии, в различных организациях, советах, обществах, редакциях. При его обязательности и ответственном отношении к делу для Есипова это было тяжело и, скорее всего, подорвало здоровье.

Школа села Анненкова

В конце 40-х годов лучшие школы, как правило, определялись не в городах, а в сельской местности. В результате войны деревня оказалась в крайне тяжелом положении, и именно в школе тогда видели один из факторов стабилизации социальной обстановки. Но даже при всей конъюнктурности обращения к проблемам сельской школы те, которые выделялись среди них, несомненно, были достойны признания.

Школа в селе Анненково, что в 20 километрах от города Кузнецка Пензенской области, была замечательна хотя бы тем, что в достаточно тяжелых условиях ее педагогический коллектив добивался хороших результатов, давал деревенским детям среднее образование. Директор школы А.П. Чекалина проработала в ней 32 года и умерла в возрасте чуть за 60, наверное не выдержав тяжелого труда, постоянной большой ответственности.

В школе было много хороших традиций, большое внимание уделялось воспитанию любви к труду. Когда делаешь попытку раскрыть секрет достижений школы, то ничего сверхнеобычного назвать нельзя. Но, может быть, в простых истинах — органичной связи школы с жизнью, умении осуществлять преподавание с учетом интересов ребят, их индивидуальных особенностей — и заключается тайна выживания сельской школы — корневой системы отечественного образования.

1949

«Большевистская партия и Советское государство ставят перед нашей школой в данное время новые, более сложные и ответственные задачи. Необходимо обеспечить коренное улучшение всей работы школы и прежде всего повышение идейно-теоретического уровня учебно-воспитательной работы».

И.А. Каиров

М.А. Данилов

К значительному числу ученых-педагогов советского периода, не получивших возможности в полной мере реализовать свои способности, творческий потенциал, относится и Михаил Александрович Данилов (1899-1973).

Он родился в семье крестьянина-интеллигента на Псковщине. Образование получил на математическом факультете Петроградского педагогического института. Но подлинной школой для него стала Академия коммунистического воспитания, где он сначала обучался как студент, а затем — в качестве аспиранта — прошел подготовку у крупнейших педагогов того времени. Среди студентов, в числе которых было много будущих академиков и профессоров, Данилов выделялся широкой образованностью, основательностью профессиональной подготовки, зрелостью мысли, «размахом» в изложении вопросов, оригинальностью и новаторством в их постановке, подлинной интеллигентностью. Отметим, что эти качества выделяли Михаила Александровича и в дальнейшем.

В 1933 г. его направили заведующим кафедрой педагогики в Смоленский педагогический институт. По сути это была мягкая ссылка в наказание за то, что он работал ученым секретарем ГУСа, председателем которого в начале 30-х гг. являлся будущий «враг народа» Г.Е. Зиновьев. Этот факт и в последующем доставил Данилову много неприятностей. И, несмотря на то что официальные репрессии его миновали, он всю последующую жизнь находился в опале.

В послевоенные годы М.А. Данилов полностью переключился на разработку широкого спектра дидактических проблем, способствуя оформлении дидактики как самостоятельной научной дисциплины. Наибольший интерес представляет его докторская диссертация

«Процесс обучения в советской школе»,которая поражает своей капитальностью и масштабностью. Новым был и подход ученого к дидактическим проблемам с точки зрения внутренних источников, движущих сил — противоречий, возникающих в ходе обучения. Впервые им исследовалась логика обучения. Вообще именно подход к учебному процессу с точки зрения его логики был принципиальным для ученого. Неслучайно на его памятнике высечены слова: «Огромное значение для успеха обучения имеет логика учебного процесса».

Эти идеи получили дальнейшее развитие в ряде крупных работ Данилова, которые, к сожалению, доходили к читателю в виде отдельных статей и глав в коллективных монографиях.

Но главной заслугой М.А Данилова стала предпринятая им реабилитация проблем методологии педагогики как специальной области науки. Дело в том, что еще с 30-х гг. существовало табу на рассмотрение в педагогике проблем философско-методологического уровня. Михаил Александрович не только сам выступил с соответствующими статьями, многое сделал для организации на рубеже 60-70-х гг. Всесоюзного методологического семинара, любимого детища ученого. На его ежегодных сессиях рассматривались преимущественно междисциплинарные проблемы взаимоотношения педагогики с философией, социологией, психологией. Более чем 20-летняя деятельность семинара оказала без преувеличения судьбоносное воздействие на советскую педагогическую науку, существенно трансформировав и модернизировав ее. Здесь собиралось все «живое и честное», что было тогда в педагогике.

Нельзя не отметить, что Данилов воспитал два поколения ученых-дидактов. Для них, педагогическая Москва начиналась с Михаила Александровича Данилова.

Школьные интернаты

Среди образовательных учреждений, которые в результате войны вышли на первый план и стали весьма многочисленными, наряду с детскими домами были школьные интернаты. Их значение в деле поддержки многих детей, оказавшихся в тяжелом семейном положении, воистину велико. Конечно, главным фактором успеха в работе становилась способность педагогов к подвижничеству. Ведь если в детском доме воспитатели работали по часам и с выходными днями, то педагог в интернате должен был находиться все время с детьми, не только жить с ними, но и проводить совместно дни отдыха. Неудивительно, что именно в интернатах получили в первое послевоенное время распространение идеи Макаренко: организовалось самоуправление, осуществлялся общественно-полезный труд.

1950-1959

Контекст

Это время в истории советского общества тоже достаточно четко разграничивается на два пятилетия. И хотя смерть Сталина (март 1953 г.) сама по себе знаменовала неизбежное начало новой эпохи, все же реальные перемены в обществе стали происходить после XX съезда. В 50-х годах тоже заключено много противоречивого, но эта противоречивость не имеет такого непримиримого характера, как в 30-е годы. Начало 50-х годов — время вообще достаточно целостное. Все более разгорающаяся «холодная война», насаждение сталинской модели социализма в восточноевропейских государствах и странах Азии. Атомная и водородная бомбы, становящиеся реальным доминатором отношений между странами и системами. Миллионы заключенных в советских лагерях. Борьба с «низкопоклонством перед Западом», с «безродными космополитами», завершившаяся антисемитской истерией. «Дело врачей-убийц», которое должно было закончиться тем, что в апреле—мае 1953 года группу арестованных и «разоблаченных» академиков и профессоров преклонного возраста собирались публично повесить в белых халатах на Красной площади напротив Мавзолея. Но не успели.

Влияло ли все это на развитие образования? Несомненно, как и те перемены в обществе, называемые «хрущевской оттепелью», которые в основном приходятся на 1956-58 годы. Разоблачение преступлений Сталина тяжело и масштабно отразилось в стране. Был распущен ГУЛаг, и миллионы политзаключенных вернулись домой. Россия, доносившая и сажавшая, встретилась лицом к лицу с Россией сидевшей. Начался процесс реабилитации. Все это раскололо многие семьи, вызвало непримиримую борьбу «отцов и детей». Породило неприятие и критику учениками части педагогов. Да и им, «верным сталинцам», пришлось поначалу непросто. Но, конечно, в итоге все перестроились.

Образовательная политика

Начало 50-х годов знаменовалось окончательным оформлением сталинской образовательной политики. Уже в проект не вносилось ничего кардинально нового — так, в отдельных местах занимались внутренней отделкой, подновляли фасад.

А вот с 1954-55 гг. наметился новый образовательный курс, который нашел свое воплощение в «Законе о связи школы с жизнью» 1958 г., а также во всей неоднозначной, как и сам тогдашний лидер страны, хрущевской реформе образования.

По сути, это была попытка вновь произвести смену парадигм и вернуть в качестве доминирующей «трудовую школу» 20-х годов. Вся хрущевская романтика «комиссаров в пыльных шлемах» была духовно близка и созвучна ментальности того послереволюционного времени. Главными доминантами образовательной политики вновь провозглашались связь школы с жизнью, участие школьников в общественно-полезном производительном труде. В силу этого в учебный план были не просто возвращены, но и значительно усилены предметы трудового политехнического цикла. Школа стала 11-летней, в ней вводилось производственное обучение. Каждая школа прикреплялась к какому-то предприятию, в соответствии с профилем которого это обучение и осуществлялось.

Вместе с тем для всей «хрущевской реформы» была характерна и установка на определенный примитивизм. Известно, что первоначально Хрущев вообще планировал оставить только дневную семилетнюю школу. В дальнейшем все должны были днем работать, а вечером учиться. Однако нашлись умные и влиятельные люди, которые все же направили реформу в более спокойное русло.

Идеи

Главный идейный фонд второй половины 50-х годов непосредственно, даже механически воспроизводился из опыта 20-х годов. Само по себе это было неплохо. И действительно, в этот период в советскую систему образования вернулся дух творческого поиска, установка на активный самостоятельный характер познавательной деятельности учащихся. Возобновилось школьное самоуправление, гуманизировалась деятельность пионерской организации и школьного комсомола. Развернулось коммунарское движение. Значительно более объективно и конструктивно стал оцениваться и использоваться зарубежный опыт.

Но, к сожалению, из всего наследия школы и педагогики 20-х годов оказались в наибольшей степени востребованы ее наименее плодотворные годы — с 1929-го по 1931-й — с их идеями втягивания школьников в непрерывный общественно-производительный труд. Это во многом и обусловило неприятие всей хрущевской реформы образования со стороны педагогической общественности, учащихся.

Судьбы

50-е годы — переломное время для судеб отечественных ученых-педагогов. Завершили свой жизненный путь «последние из могикан», кто успел получить до революции образование в классических гимназиях, а то и на историко-филологических факультетах университетов (например, Константинов, Медынский). Кстати, в начале 50-х годов еще работали и последние «дореволюционные» учителя. Эта старая гвардия разительно выделялась своей интеллигентностью, образованностью, внутренней культурой. К ним тянулись не только дети, но и педагоги. И общение с ними для этих счастливцев зачастую оказывалось действительно судьбоносным, определяло дальнейшую жизнь, нравственные и духовные ориентиры.

У руля официальной педагогики оказалось поколение педагогов, чье мировоззрение сформировалось в 20-30-е годы — первые советские интеллигенты. Им удалось поучиться у старой профессуры, пообщаться с Крупской. Все они были примерно одного возраста — в основном ровесники века. Давно знали друг друга, заняли все руководящие места в Академии педагогических наук (Гончаров, Королев, Есипов и др.) и не пускали туда никого.

Но хрущевская оттепель породила и феномен педагогического движения. Из «толщи народных масс» выдвинулись и впервые ярко о себе заявили те, кто в дальнейшем будет представлять своего рода гуманистическую оппозицию официальной педагогике.

Школы

Одержимый идеей скорейшего построения Коммунистического общества, Хрущев ратовал за всемерное развитие школ-интернатов. В этих инкубаторах, которые предполагалось создавать в массовом порядке, дети, оторванные из семей, от вполне здравствующих и дееспособных родителей, должны были получать коммунистическое воспитание. Как и всегда, лучшие из интернатов, невзирая на идеологическую установку, смогли создать действительно благотворное пространство детства. Но это были скорее исключения.

Другой характерной чертой этого времени стали школы-маяки, первые официально (хотя и условно) объявляемые «школы года». На них предлагалось равняться всем остальным педагогическим коллективам. А их опыт — заимствовать неукоснительно и безусловно. Однако другой стороной этого процесса стало появление первых учителей-новаторов.

Наследие

50-е годы оставили богатый и до конца еще не освоенный потенциал идей демократизации образования, конечно на социалистической основе, но «с человеческим лицом». То же относится и к богатому арсеналу гуманистических технологий преимущественно в сфере воспитания.

Но главным «наследством» стали те педагоги, журналисты, философы, литераторы, психологи, которые, увлекшись идеалами преобразования школы на основе приоритета личности ребенка, следовали этой миссии до конца.

Уроки

Хрущевская реформа в итоге оказалась так и незавершенной, но преподала урок педагогам, что необходимо быть очень осторожными при трактовке и применении образовательной политики партийного руководства. Ведь за многими внешне гуманными экспериментами и новациями скрывалась их антигуманная сущность. Тогда многие увлекались формой, самим поиском, дорожили атмосферой творчества, не задумываясь по большому счету, чем чреваты подобные эксперименты с детьми, например, создание интернатов, забывая, что при всех обстоятельствах школа должна оставаться территорией любви.

1950

«Конечно, советская педагогика, являясь высшим, качественно отличным этапом развития педагогической науки, совершенно противоположна буржуазной педагогике и не может без тщательного классового, партийного анализа пользоваться положениями буржуазной педагогики».

С. И. Аккерман

П.Н. Груздев

В 1950 г. имя Павла Никодимовича Груздева (1889-1953) стало широко известно всем, кто был связан с педагогической наукой. В журнале «Советская педагогика» было опубликовано обширное обсуждение его книги «Вопросы воспитания и обучения», вышедшей незадолго до этого. Все выступающие, скороговоркой отметив, что в книге подняты важные вопросы, подвергли содержание работы уничтожающей критике. Самыми мягкими выглядели обвинения в «антиисторическом, метафизическом подходе к исследованию вопроса о воспитании и образовании». И хотя П.Н. Груздев в заключительном слове попытался парировать огульные обвинения, это уже не играло никакой роли. Публикация работы была признана «большой ошибкой со стороны президиума Академии».

Разумеется, подобное псевдонаучное обсуждение, а по сути идеологическая травля, сказались на судьбе Груздева — он был вынужден оставить заведование кафедрой в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. Да и его смерть через три года тоже, скорее всего, явилась следствием этой «научной дискуссии».

Имя Груздева вскоре было забыто. И напрасно. Судя по всему это был незаурядный, серьезный и самобытный теоретик, правда, действовавший в строго ограниченном, жестком русле «сталинской педагогики».

А ведь начало жизни Павла Никодимовича предрекало ему несколько иную судьбу. Сын мелкого чиновника, он заканчивает в Костроме классическую гимназию. А после окончания Московско-

го университета преподает русский и латинский языки, литературу. Груздев был типичным народным интеллигентом, большим общественником, увлеченным идеей самообразования широких масс.

В конце 20-х гг. его переводят в Москву, где он возглавляет отдел педагогического образования Наркомпроса, становится членом Государственного ученого совета. Такие специалисты, как Павел Никодимович, занимали промежуточное положение между маститыми учеными с дореволюционным стажем и комсомольскими выдвиженцами типа Руднева и Шохина. Фундаментальное классическое образование, самобытный глубокий ум выдвигают Груздева в число ведущих теоретиков. Он заведует кафедрой педагогики в Академии коммунистического воспитания, создает вместе с группой ученых учебное пособие по педагогике.

Груздев публиковал свои работы достаточно редко, например, за 40-е гг. всего пять. Это свидетельствовало о высокой требовательности к педагогической теории. Неслучайно его работы всегда оказывались в центре дискуссии.

Груздев удерживал достаточно высокую планку уровня педагогических исследований, вступая в бескомпромиссную борьбу с теми, кто занимался профанацией науки.

Школа высокой успеваемости

Начало 50-х гг. — это время, когда в центре внимания находились проблемы успеваемости и дисциплины учащихся. Школы просто захлестнула волна второгодничества, неуспеваемости, хронических нарушений дисциплины, преступности несовершеннолетних, отсева из учебных заведений.

Поэтому неудивительно, что те школы, где удавалось решить достаточно успешно эти проблемы, становились предметом изучения и обобщения опыта. О них издавали книги.

В 1951 г. таким своеобразным флагманом стала Киялинская средняя школа Северо-Казахстанской области. Результаты здесь действительно поражали. По сравнению с другими школами Северного Казахстана успеваемость оказалась выше в 10 раз. Это была единственная в республике школа с полной успеваемостью учащихся.

Конечно, в школе не делалось ничего особенно выдающегося. В ней просто хорошо работали, а слагаемыми успеха выступали характерные для того времени факторы: требовательная администрация, стабильный коллектив учителей, добротная материальная база. А главное — уверенность, что неуспеваемость — это брак в педагогической работе и его можно изжить.

1951

«Внедрение физиологического учения И.П. Павлова в педагогику должно оказать мощное влияние на разработку таких вопросов, как сущность и принципы обучения, основные положения построения программ и учебников. Нужно развернуть исследования, в которых по-новому, в свете учения Павлова, изучался бы учебно-воспитательный процесс».

Л.В. Занков

А. М. Арсеньев

Есть ученые, которые еще при жизни становятся легендой. О них рассказывают удивительные истории, причем выглядящие все более удивительными, по мере того как все дальше уходит их время. Такой культовой фигурой для теперешних шестидесяти- и семидесятилетних ученых-педагогов, несомненно, является Александр Михайлович Арсеньев.

Начав свою профессиональную деятельность учителем сельской школы в Подмосковье, он после окончания Академии коммунистического воспитания работает директором педтехникума, а затем заведует учебной частью АКВ.

С 1939 по 1949 гг. Арсеньев служит в армии, а потом достаточно неожиданно с должности преподавателя военно-педагогического учебного заведения, его сразу назначают заместителем министра просвещения РСФСР. Здесь он на протяжении 9 лет руководит подготовкой педагогических кадров. Может быть, при этом учли, что в свое время он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Учительские семинарии в России в середине XIX века».

50-е — первая половина 70-х гг. время наибольшей активности Арсеньева. Когда говорят: «крупный организатор науки», это в полной мере относится к А. М. Арсеньеву. Он становится действительным членом АПН СССР, руководит НИИ общей педагогики, занимает руководящие посты в президиуме Академии.

Но любимой сферой его деятельности являлся Центральный совет педагогического общества РСФСР, которым он руководил на протяжении 15 лет. Это был звездный период Педобщества.

Энергия Арсеньева, его целеустремленность, горячая преданность науке обеспечили консолидацию вокруг Общества широкой педагогической общественности.

Работам Арсеньева был присущ философский уровень, футурологическая направленность. Он серьезно разрабатывал проблемы школы и научно-технической революции, широкий круг методологических вопросов.

Но в памяти современников Александр Михайлович остался прежде всего человеком, который очень многих выручил, а кое-кого и спас от серьезных идеологических обвинений и даже репрессий.

Кумухская средняя школа

Среди школ, которые стали известны в это время всей стране, была и школа в дагестанском селе Кумух. В 1951 году все ее выпускники поступили в ведущие университеты и институты страны и республики. При всех несомненных скидках это был прекрасный результат для скромной сельской школы.

Он был достигнут не только благодаря серьезной учебной деятельности, но и разнообразной воспитательной работе. В школе действовали полтора десятка кружков, ставились спектакли.

Разумеется, как и в каждой сельской школе, много внимания уделялось труду. У школы имелись свои участки, сады.

Благодаря всему этому в школе была создана атмосфера, которой очень дорожили и педагоги, и учащиеся. А родители чем могли помогали школе.

1952

«Работники в области народного просвещения и деятели педагогической науки отдадут все свои силы на осуществление политехнического обучения в общеобразовательной школе».

С.Г.Шаповаленко

М.Н. Скаткин

Жизнь этого удивительного человека охватила более чем девять десятилетий (1900-1991). Из них 73 года Михаил Николаевич Скаткин трудился на педагогической ниве. И всегда он поражал научно-педагогическое сообщество внутренней интеллигентностью, удивительной скромностью, доступностью.

Наверняка корни его личности таятся в детстве — он вырос в многодетной семье (10 своих и два приемных ребенка) земского врача в «блоковских» местах — Клинском уезде Московской губернии.

Перебравшись с семьей в Москву, М.Н.Скаткин окончил гимназию им. Г. Шелапутина, которая славилась отменной постановкой преподавания естественных дисциплин.

Поворотной в судьбе Михаила Николаевича стала его встреча с С.Т. Шацким — он вошел в число сотрудников Первой опытной станции и в течение 10 лет трудился в этом необыкновенном коллективе. Затем работал в Программно-методическом институте.

Такое начало педагогической жизни и предопределило главные доминанты профессиональной научной деятельности М.Н. Скаткина. Это разработка курса преподавания естествознания в младших классах (по его учебнику и методическому пособию 40 лет учились и работали школьники и педагоги страны); исследование комплекса дидактических проблем.

Особое место занимает деятельность Михаила Николаевича в области политехнического образования школьников. Сейчас, ког-

да перечитываешь его работы, становится ясно, что «политехническое обучение» выступало для него скорее как символ более важного понятия — «связь школы с жизнью, с природой, с землей». И эту связь, идущую от Л. Толстого и С. Шацкого, он постоянно подчеркивал в своих трудах и педагогической деятельности.

После Михаила Николаевича Скаткина остались труды по дидактике, методологии, написанные удивительно ясным языком. Читая их, испытываешь ощущение, будто пьешь ключевую воду. Его тексты даже фольклорны, истинно народны. И вместе с тем они остаются настольными для многих поколений педагогов.

Однако роль М.Н. Скаткина в отечественной педагогике XX века выходит далеко за рамки чисто научной деятельности. На протяжении десятилетий он являл своим обликом камертон порядочности и нравственности. Рядом с ним нельзя было фальшивить. Впрочем, его скромностью, отзывчивостью многие пользовались в своих интересах. Достаточно сказать, что он без малого 40 лет являлся членкором АПН, уступая место академика другим, почему-то более в этом нуждающимся, но несравненно менее достойным.

Школа года — Троекуровская передовая

В начале 50-х гг. самой острой проблемой отечественной педагогики была проблема второгодничества. И те школы, которые в борьбе с ней добивались наилучших показателей, правомерно оказывались в центре внимания. Вот и Троекуровская средняя школа Рязанской области прославилась на всю страну тем, что, выражаясь языком того времени, «ликвидировала второгодничество». Но это было достигнуто в результате напряженной работы всего педагогического коллектива. Поражает та тщательность, с которой учителя готовились к урокам, а руководители учили их педагогическому мастерству.

Другой составной успеха выступала не формальная, а искренняя забота учителей о своих питомцах. В условиях сельской школы всегда большой проблемой была даже сама дорога учащихся из отдаленных деревень к образовательным учреждениям. Здесь же старшеклассники помогали младшим дойти до школы, иногда даже несли их на руках. Поэтому в Троекуровской школе не было опоздавших, а такое понятие, как отсев, отсутствовало вообще. Школа превратилась в своеобразную общину.

Осуществлялось и политехническое обучение, прежде всего связанное с изучением предметов. Но не только: школьники учились управлять сельскохозяйственной техникой, активно работало общество юннатов.

1953

«Предъявляя большие требования к руководителям школ и учителям, мы в то же время должны предъявлять строгие требования к родителям, обязанным воспитывать и отвечать за воспитание своих детей».

И.А.Каиров

Ф.Ф. Королев

Федор Филиппович Королев (1899-1971) относится к числу советских ученых-педагогов, без которых невозможно представить развитие отечественного образования в 50-60-е гг.

Упорный в достижении поставленной цели, нестандартно мыслящий, смело берущий на себя ответственность за принятые решения, взрывной и самолюбивый, он, пожалуй, даже внешне выражал так называемый «хрущевский тип», характерный для руководителей того бурного времени.

Сын крестьянина, Ф.Ф. Королев окончил сельскую учительскую семинарию в Белоруссии, преподавал в Новозыбковском политехникуме. Но стремительный взлет его начался, после того как Королев окончил Высшие научно-педагогические курсы при II Московском университете. Он преподавал в Академии коммунистического воспитания, в начале 30-х гг. опубликовал цикл незаурядных работ, посвященных деткомдвижению (так называли пионерскую организацию).

Однако после разгрома «антиленинской теории отмирания школы» он более чем на 10 лет был вынужден оставить педагогику и вернулся в нее только в 1947 г., причем рядовым научным сотрудником. Работа над кандидатской диссертацией была прервана арестом. Хотя он провел в подвалах Лубянки всего несколько месяцев, но вышел оттуда в 1953 г. уже непоправимо искалеченным физически, однако закаленным духовно. В последующие годы Королев не боялся никого и ничего.

Занимая с конца 50-х гг. ответственные посты в АПН СССР, являясь главным редактором журнала «Советская педагогика»,

проводя научные исследования, Федор Филиппович сделал много полезного для отечественной педагогики — того, что сделать мог только он. Благодаря опубликованному им циклу статей были педагогически реабилитированы и возвращены из забытья расстрелянные в 30-е гг. Пинкевич и Пистрак, замалчивавшиеся Блонский и Вентцель. Королев был единственным, кто открыто выступил в 1968 г. в защиту гонимого тогда В.А. Сухомлинского. Да и его книги по истории школы и педагогики 20-х гг. очистили от необоснованных обвинений этот интереснейший период.

Ф.Ф. Королев много сделал и для того, чтобы вдохнуть свежее дыхание в деятельность пионерской организации. И это ему отчасти удалось.

Ученому, мыслящему и действовавшему в жесткой системе марксистско-ленинской методологии, Ф.Ф. Королеву вместе с тем был присущ явно выраженный философский, междисциплинарный подход, устремленный в будущее. Он всегда шел в ногу со временем, более того — нередко опережал его.

Фурсянская семилетняя школа

В это время узнать о лучших школах страны можно было в основном из монографических сборников, в которых местными учеными на основе многолетнего изучения целостно описывалась деятельность школы, полученные ею замечательные результаты.

У школы тогда отсутствовали возможности как-то заявить о себе, не существовало и общественного рейтинга. Не было образовательных учреждений, которые гремели на всю страну и в которые стекались бы тысячи педагогических паломников.

Более того, в монографиях о передовых школах постоянно, даже назойливо подчеркивалось, что в их успехах нет никаких секретов. Расчет делался на то, чтобы вдохновить другие педагогические коллективы последовать примеру школ-маяков.

Вот и Фурсянская школа на первый взгляд не представляла собой ничего сверхординарного. Однако здесь были доведены, по сути, до идеала все те требования, которые тогда предъявлялись к школам. И в этом плане такая школа может считаться образцом и даже лучшей. Здесь было все, что выдвигалось тогдашней педагогикой в качестве условия правильной организации школьного учебно-воспитательного процесса.

Впрочем, было сделано и скромное открытие, которое и по сей день используется большинством педагогических коллективов страны. Именно в Фурсянской школе в 1953 г. придумали предварительный звонок, звучащий за 5 минут до основного и настраивающий детей и педагогов на готовность к уроку.

1954

«Советская школа наряду с успехами все еще имеет и крупные недостатки, к которым прежде всего следует отнести значительный процент второгодников, все еще недостаточно прочные знания учащихся и наличие перегрузки их домашними заданиями».

Г. Баланюк

Л.В. Занков

Середина 50-х гг. — это время начала выдвижения Леонида Владимировича Занкова (1901-1977) на ведущие позиции в сфере педагогической психологии. Конечно, годы признания были еще впереди, но и в это время в полной мере проявились такие качества Леонида Владимировича, как его беспредельная преданность науке, вера в правильность избранного творческого пути и бескомпромиссное следование ему. Научный путь Занкова своеобразен. Своими исследованиями он внес большой вклад и в психологию, и в дефектологию, и в педагогику. Он всегда работал на грани между психологией и педагогикой, выступая как непсихолог среди психологов и непедагог среди педагогов. Но именно эта специфичная позиция и привела его к большим научным и практическим успехам.

Л. В. Занков успел до революции получить хорошее гимназическое образование и семейное воспитание. Он вырос в Варшаве в семье русского офицера. С детства свободно владел французским и немецким.

После Октябрьских событий Занков учительствует в сельскохозяйственных колониях. А в 1922 г. поступает в МГУ на факультет общественных наук. Здесь и происходит его судьбоносная встреча с Л.С. Выготским, которая как это было не только для Занкова, оказалась решающей. Лев Владимирович уже как аспирант Института психологии начинает исследования психики и особенностей обучения аномальных детей. Позднее он становится зам-

директора Экспериментального дефектологического института, где опять же сотрудничает с Выготским.

С 1951 года Занков переходит от исследования проблем дефектологии (он уже являлся директором Института) к изучению вопросов обучения в обычных школах. Он возглавляет лабораторию экспериментальной дидактики, впоследствии переименованную в лаборатории обучения и развития. Так начинается главное дело его жизни.

Придя в педагогику из дефектологии, Л. В. Занков был потрясен отсутствием серьезной научной базы, ее «бездетностью». Для него, привыкшего всегда ставить в центр внимания ребенка, делать акцент на получение фактических данных о его развитии, в официальной педагогической науке того времени оказалось мало привлекательного.

В 1957 г. Лев Владимирович приступает к экспериментальным исследованиям проблем обучения и развития, создает лабораторию в московской школе № 172. Начинается длительный творческий поиск, результатом которого явилось создание системы обучения способствующей развитию личности ребенка. В результате обычные дети осваивали четырехлетнюю программу за три года. Позднее это послужило обоснованием для перевода на трехлетнее обучение всей начальной школы страны. Дальнейшее развитие событий показало неправомерность этого решения

В 60-70-е гг. вокруг Занкова окончательно складывается научная школа, состоящая из творческих, бесконечно преданных, даже влюбленных в него учеников и последователей. Все это способствовало подготовке комплекса учебников и материалов для преподавания «по-занковски». Сам же Лев Владимирович в это время создает свои замечательные книги «Дидактика и жизнь», «Беседы с учителями».

Конечно, всю творческую жизнь Занкова сопровождала борьба, критика, закулисные интриги. Хотя он и был удостоен всех высоких научных званий, непонимание и неприятие сопровождало, да и сейчас сопровождает его педагогическую систему. Да и сама личность Льва Владимировича — аристократичная, элегантная, воспитанная, культурная рельефно дисгармонировала с общим уровнем научного окружения.

Несмотря на все препятствия и проблемы, сейчас «занковская методика» получила широкое распространение, по ней работает примерно каждый четвертый учитель начальной школы в стране.

Ивановские летние слеты

В конце 40-х — начале 50-х годов пионерская и комсомольская организация оказались прочно закупорены в стенах школы и должны были заниматься исключительно помощью педагогам в организации учебного процесса. Это было время, когда проводились пионерские сборы по теме «Не и ни с причастиями», а директор школы персонально отвечал за работу комитета комсомола.

И вдруг возникает и сейчас трудно объяснимый феномен. В Ивановской области летом 1954 года проводится слет членов домов пионеров, различных кружков и объединений. Главным организатором выступал Г. Гаспаров, большой энтузиаст внешкольной работы с подростками. Ему удалось в рамках туристических и технических слетов возродить, по сути, скаутские формы работы. Во время многодневных слетов проходили соревнования по различным специальностям- разрядам: юные радиолюбители, техники, моряки и др. Все это необычайно захватывало подростков, отвечало их возрастным особенностям. Более того, в течение года в своих объединениях они потом напряженно готовились к новому летнему слету, ставшему главным событием в жизни.

Кстати, затем опыт Г. Гаспарова был использован при подготовке новой программы работы пионерской организации.

1955

«Советская школа как орудие коммунистического воспитания подрастающих поколений не может стоять по отношению к религии ни на какой иной позиции, кроме позиции ее непримиримой борьбы с нею».

Е. Перовский

А.В. Запорожец

Отечественное дошкольное воспитание невозможно представить без замечательного психолога-гуманиста Александра Владимировича Запорожца (1905-1981). Принадлежавший к числу самых близких учеников Л.С. Выготского, после его смерти являвшийся своеобразной Совестью круга «выготчан», в который входил весь цвет психологической науки, Запорожец был исключительно скромным человеком.

Его детские и юношеские годы прошли в Киеве, где он в начале 20-х гг. увлекается театром и участвует в студии тогда известного реформатора театрального искусства Леся Курбаса. Именно в это время формируется интерес Запорожца к психологии, к научному познанию внутреннего мира человека, к исследованию возникновения его мыслей и эмоциональных переживаний, процесс становления личностных качеств. Все это и побудило его в конце концов уйти из театра, поступить во 2-й Московский университет и заняться изучением психологии под руководством Л.С. Выготского. Впрочем, особый артистизм был присущ Александру Владимировичу на протяжении всей жизни. Неслучайно наиболее фундаментальные его работы посвящены формированию эстетического восприятия дошкольников.

В конце 50-х гг. он становится директором Института дошкольного воспитания и посвящает себя изучению психологии детского развития. Он впервые разработал такие важнейшие проблемы как аффективные действия ребенка, внутренняя форма движения,

в содержание которой входит образ ситуации. Он вподспудно выступал против теории деятельности, заменяя ее психологией действия, которая опредмечивается во внутреннем мире ребенка, его духовности. На основе этих сложных, но принципиальных положений им были обоснованы специфичные возрастные периоды развития психики ребенка, подчеркнута их непреходящая ценность.

Ко всему этому стоит добавить, что все психологические концепции строились у А. В. Запорожца на его безграничной любви к детям, а сам он создал научную школу психологов, среди которых В. Зинченко, Н. Поддьяков, Л. Венгер.

Максатихинская средняя школа

1955 г. — по сути рубежный. Еще продолжаются прежние авторитарные тенденции, когда сам педагогический коллектив не мог заявить о себе, — требовалось специальное научное изучение его передового опыта. Но в то же время уже ощущались новые, свежие идеи или скорее надежды на них. Правда, во многом связанные с главной модой того времени — политехническим образованием.

Вот и Максатихинская средняя школа Калининской области была образцовой прежде всего тем, что в ней наряду с достаточно добротной учебной деятельностью (без второгодничества) организовывалась многообразная работа по политехническому обучению.

Совершенно неслучайно школы, подобные данной, оказывались в то время в центре внимания. Ведь сельское хозяйство находилось в глубоком кризисе. И на труд школьников — бесплатный, построенный на энтузиазме, возлагалась большая надежда. В Максатихинской школе учащиеся под флагом политехнизма работали на колхозных полях, на местных предприятиях. Впрочем, здесь была на самом деле реализована достаточно стройная система политехнического обучения, охватывающая школьников с 1-го по 10-й класс и способствующая их включению в производительный труд после окончания школы.

1956

«Вместо того чтобы вскрывать недостатки в практике воспитания, смело ставить и научно решать наболевшие вопросы, многие педагоги-теоретики не замечали или не хотели замечать трудности и противоречия действительности, лакировали ее, приукрашивая наши успехи в области воспитания молодого поколения. На почве культа личности Сталина в педагогической науке заглушалась и сковывалась живая мысль, выросла чуждая большевизму боязнь творчески решать наболевшие задачи».

Ф.Ф. Королев

А.Р. Лурия

Если Л. Выготского принято называть «Моцартом в психологии», то Александра Романовича Лурию (1902-1977) величают «Бетховеном в психологии». Он очень рано заявил о себе. Уже в 22 года Александр Романович стал ученым секретарем Института психологии, и именно по его инициативе Выготского пригласили туда на работу. Далее два этих великих имени стоят уже нераздельно вместе, сначала в жизни, а затем в истории психологии.

В течение полувека интенсивных научных исследований ему удалось подготовить и опубликовать более 30 книг, общее же количество работ зашкаливает за 500.

И вместе с тем ему неоднократно пришлось подвергаться гонениям, жесткой критике, идеологическим обвинениям, преследованиям. Это происходило по разным причинам: в связи с принадлежностью к школе Л.С. Выготского; из-за исследований генетических основ психики. Весной 1952 г., в разгар борьбы с космополитизмом, Лурия был вынужден как нежелательный (по национальной принадлежности) элемент уйти из Института нейрохирургии.

В середине 50-х гг. в Институте дефектологии, где Лурия работал заместителем директора, он вместе с сотрудниками провел новаторские исследования памяти ребенка, роли наследственных и средовых факторов в развитии психических процессов у детей; роли речи в психическом развитии ребенка. Отметим, что значе-

ние этих работ, опубликованных в 1956 г., выходит далеко за рамки детской психологии.

Специальное направление исследований, проводившихся под руководством А.Л. Лурии, было посвящено исследованию физиологических механизмов нарушения психических функций у детей с разными формами умственной недостаточности. Итогом этих исследований явилась публикация монографии «Принципы отбора детей в вспомогательные школы» (1956), ставшей настольной книгой всех дефектологов.

Но роль А.Р. Лурии в отечественной психологии выходит далеко за чисто научные рамки. Он был настоящим эрудитом, полиглотом — даже сам путался в том, сколько же языков он знает (около 30-35). Неудивительно, что ученый был всегда в курсе новейших достижений мировой психологии. Его труды переводились на многие языки мира, а сам он являлся действительным членом нескольких десятков международных академий и зарубежных университетов.

Конечно, такие достижения требовали и определенного ритма жизни. Лурия уже с 6 часов утра принимался за работу. Удивительно подвижный — даже в преклонные годы он поднимался по лестницам, перепрыгивая через три ступеньки, — Александр Романович успевал за день очень много сделать. Первую половину дня он работал в клинике. Затем читал лекции, занимался со своими учениками (количество защищенных ими диссертаций переваливает за 50). Вечером работал дома над статьями. А книги писал летом, на даче. По одной за сезон.

Александр Романович был гармоничным, мажорным человеком. Излучал энергию, бодрость, ясность духа, умел сохранять душевное равновесие, любил шутить. В принципе, он был доволен своей жизнью, так как занимался любимым делом. Подобные качества редки, как редок талант.

Григорополисская средняя школа

В 1956 г. опыт этой скромной средней школы Ставропольского края стал известен всей стране. У нее появились десятки последователей в различных регионах, а в школу началось настоящее паломничество педагогов, желающих приобщиться к их достижениям. И это неслучайно, ведь в школе была создана первая комплексная ученическая бригада, которая стала одной из бригад колхоза. Конечно, этот опыт пришелся в то время ко двору. Ведь это отвечало столь модной тогда политехнизации, а главное, обеспечивало желанную связь школы с жизнью. Из учащихся была сформирована постоянно действу-

ющая бригада, в которой школьники работали с 7 до 9 утра и с 17 до 19 часов. Все остальное время отводилось на учебные занятия и подготовку уроков. Для размещения бригады был построен специальный жилой дом, кухня, столовая. А выделено им было для обработки 22 гектара.

То, что сельские ребята в этом своеобразном трудовом лагере с удовольствием занимались привычным им трудом, а в свободное время вместе играли, отдыхали, способствовало и повышению их учебных результатов. Все члены бригады, даже те, кто до этого отставал в учебе, стали учиться только на «4» и «5». Летом во время каникул бригада работала на постоянной основе в течение всего дня. У ребят формировался дружный коллектив — ведь звенья строились на основе классов. Неудивительно, что в итоге большинство учеников школы оставались работать в колхозе.

1957

«Школа-интернат — дело новое, и естественно, что перед педагогом-воспитателем постоянно встают сложные задачи, требующие быстрого решения. Связь с семьей составляет одну из важнейших сторон жизни школы-интерната».

М.Н. Колмакова

Б.Г. Ананьев

Борис Григорьевич Ананьев (1907-1972) был, несомненно, выдающимся отечественным психологом. Он воспитал не одно поколение психологов и определил перспективы развития ленинградской психологической науки. Личное влияние и авторитет его были так велики, что спустя годы многие из тех, кто имел счастье с ним работать, все еще сверяют свои научные замыслы и общественные поступки с его предполагаемыми оценками.

Борис Григорьевич рано обратился к проблемам психологии. В 30-е гг. он стал научным сотрудником Института по изучению мозга им. В. М. Бехтерева. С этим учреждением связано становление Ананьева как психолога. Именно здесь в результате исследований, проведенных в экспериментальной лаборатории на базе одной ленинградской школы, у ученого сложилась основа его концепции личности. Очень рано — в 32 года — Ананьев защитил докторскую диссертацию.

В годы войны Б.Г. Ананьев занимался диагностикой и восстановлением нарушенных речевых функций у раненых в госпиталях.

Однако пик его научной деятельности пришелся на 1950-е годы, когда Ананьев стал директором Ленинградского научно-исследовательского института педагогики АПН РСФСР. Если судить по количеству публикаций, это было самое продуктивное время его жизни. Одновременно Ананьев преподавал в ЛГУ.

Он организовал комплексное исследование проблем обучения, воспитания и развития. В результате были установлены взаимосвязи различных сторон развития школьников в процессе обуче-

ния и разработаны научные основы организации такого учебного процесса.

Во второй половине 60-х гг. начался последний этап научной деятельности Б.Г. Ананьева. Он стал деканом ЛГУ, где мечтал о создании Центра по изучению и развитию личности на этапе зрелости, своего рода Института человека. Плодотворная попытка создания общей картины психического развития человека получила воплощение в его фундаментальной работе «Человек как предмет познания», представлявшей собой итог всего творческого пути ученого.

Хотя судьба Ананьева и выглядит счастливой: он избежал репрессий, преследований, но все же ему не удалось в полной мере завершить ни одну из своих исследовательских программ. Всегда, когда он выходил на итоговый этап обобщения материала, на него обрушивалась тяжелая болезнь, которая однажды и привела к его преждевременной смерти.

Школы-интернаты

Тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год неразрывно связан с появлением учебно-воспитательных заведений нового типа — школ-интернатов. Созданные по решению XX съезда КПСС, они воплотили в себе все противоречивые стороны «хрущевского десятилетия». Захваченный перспективами строительства коммунистического общества Хрущев решил вернуться к идеям первых революционных лет — вырвать детей из «мещанских» семей, поместить их в образцовые учреждения закрытого типа и воспитывать настоящих коммунистов. Сама по себе эта идея была негуманной, так как отрывала детей от родителей, создавала отчуждение в семьях. Но это в целом. В конкретных же условиях конца 50-х гг. создание интернатов имело большое позитивное значение. Десятки тысяч детей, прежде всего из тех семей, где родители не могли обеспечить нормальный бытовой уровень, получали заботу и внимание, обретали человеческие условия жизни. Конечно, школы-интернаты были разные, но в первых из них, например, в гремевшем в 1957 г. школе-интернате № 12 г. Москвы действовало ученическое самоуправление, строившееся по системе Макаренко. Большое внимание уделялось разнообразному эстетическому, трудовому и физическому воспитанию детей.

1958

«В этом мощном движении и борьбе за коммунизм советская общеобразовательная школа как органическая часть советского общества, как его творение и любимое детище народа должна сыграть существенную роль. Она призвана воспитывать всесторонне развитых членов коммунистического общества — людей с широким общественно-политическим кругозором и марксистско-ленинским мировоззрением, хорошо владеющих основами наук, искусств и современной индустрии, умеющих производительно трудиться, создавать материальные ценности, применять теоретические знания на практике, физически сильных, здоровых, бодрых и выносливых, морально стойких и беззаветно преданных делу коммунизма».

Н. К. Гончаров

Э. Г. Костяшкин

В конце 50-х гг. открывается некоторый простор для педагогического творчества и возникают как его очаги (липецкий, белгородский методы), так и появляются фигуры, как правило, директоров школ, наиболее органично отражающих в себе социальную направленность времени.

Эдуард Георгиевич Костяшкин, в то время директор 544-й школы г. Москвы, в наибольшей степени воплотил в себе социально-педагогическую сущность образовательного процесса. В дальнейшем с этим же были связаны и его труды как ученого. Сам по себе Эдуард Георгиевич производил неизгладимое впечатление как на педагогов, так и на детей. Рост под метр девяносто, огромный кулак, сиплый голос. Он любил петь, писал стихи, рисовал, путешествовал. И в сотрудники школы подбирал таких же нестандартных педагогов.

В середине 50-х гг. Костяшкина как выпускника юридического факультета поставили во главе специальной школы для трудных детей, которых он сумел перевоспитать. А в 1958 г. с помощью заведующего РОНО Г. Гасилова он создает первую в стране школу полного дня.

В 70-е гг. руководя лабораторией «Прогнозирования школы будущего», Костяшкин вместе с коллективом единомышленников разработал перспективную и научно обоснованную модель школы будущего. Ее отрабатывали в Москве, Киеве, сельской школе. Главным достоинством являлась забота о детях, особенно с трудной судьбой.

Эдуард Георгиевич был одним из последних могикан, соединявших педагогическую науку и практику. Всю жизнь ему приходилось яростно отстаивать выстраданные им идеи. Дважды пришлось защищать докторскую диссертацию. Он ушел — резко, как и жил, в расцвете сил, на гребне. Мало людей сейчас умеют так работать, как Костяшкин. Во всю силу. Полный день...

Школа полного дня

Любимым детищем Э.Г. Костяшкина стала школа полного дня, созданная впервые на базе школы № 544 г. Москвы. Это было удивительное образовательное учреждение, открытое с утра до позднего вечера. Здесь действовали десятки кружков, творческих объединений, клубов. Школьные мастерские производили продукцию, которая охотно раскупалась. На вырученные деньги закупалось оборудование для школы, организовывались лагеря, осуществлялись походы.

Школа действовала на основе полного самообслуживания и самоуправления. Особенно интересно организовывалась работа в летнем лагере, располагавшемся на берегу водохранилища. Здесь в распоряжении школьников была целая флотилия яхт.

Неудивительно, что ученики жили полной, интересной и многообразной жизнью, так мало напоминавшей утвердившиеся потом группы продленного дня, которые школьники называли характерным словом «продлюга».

1959

«Успех перестройки школы будет в значительной степени зависеть от того, насколько быстро сумеют перестроиться в своей работе учителя. Соединение обучения с производительным трудом ставит новые требования перед учителями, особенно теми, кто преподает политехнические дисциплины. Они обязаны знать производство, уметь связать свой предмет с производственной практикой своих питомцев, научить их применять полученные знания в жизни».

Ф. Ф. Королев

И.П. Иванов

В конце 50-х гг. детским объединениям становится тесно в пусть и расширившихся, но все же достаточно жестких рамках пионерской организации. Появление Игоря Петровича Иванова (1923-1992) в данной связи выглядит глубоко закономерным. Созданная им в 1959 г. Коммуна юных фрунзенцев воплотила в себе лучшие черты настоящих детских объединений, построенных на основе самоуправления и реальной деятельности, проявляемой в заботе о людях.

К созданию Коммуны Игорь Петрович исподволь начал готовиться уже давно. Перед войной, увлеченный идеями Макаренко и Гайдара, он становится пионерским вожатым. Затем заканчивает философский факультет Ленинградского университета, где увлекается педагогикой и психологией. Особенно его вдохновляют в то время подходы известного психолога Б. Г. Ананьева. После некоторого периода работы в ЦК ВЛКСМ Иванов защищает диссертацию по теме «Воспитательная работа комсомольцев с пионерами в средней школе». Но уже в середине 50-х гг., столкнувшись с формализмом в работе с детьми, Игорь Петрович выступает активным защитником права детей на участие в самоорганизации собственной жизни. Он создает свою первую организацию — Совет энтузиастов, где вместе с учителями и вожатыми ведет поиск включения детей в планирование и организацию жизни пионерского коллектива. Здесь начинает разрабатываться методика коллективной организаторской деятельности, которая подхватывается многими вожатыми пионерских отрядов и загород-

ных лагерей отдыха. В дальнейшем все, что создается Ивановым вместе со своими единомышленниками, тут же получает распространение по всей стране.

В частности это относится к Коммуне им. Макаренко — общественно-педагогическому объединению студентов, преподавателей, педагогов-практиков, созданному в 1963 г. при ЛГПИ им. Герцена. Именно здесь отрабатывалась методика коллективных творческих дел, а впоследствии вышла книга «Коллективные творческие дела КИМа». В дальнейшем на базе Коммуны возникло Коммунарское макаренковское содружество, представляющее собой совокупность добровольных педагогических отрядов.

Все, чем занимался И. П. Иванов, несло в себе большой социальный оптимизм, по сути он был ярким выразителем идей «социализма с человеческим лицом». Когда эти идеи в период «хрущевского либерализма» могли отчасти реализовываться, Иванову удавалось сделать удивительно много. В 70-е же гг. в его деятельности появляется много препятствий. Парадокс заключался в том, что Иванов как, пожалуй, никто продуктивно действовал в русле коммунистического воспитания, но не ортодоксального, а творческого. Поэтому официальной поддержки его идеи не получали. Зато имели самое широкое распространение среди тех, кто работал с детьми, особенно в загородных лагерях.

В 1984 г. потрясенный бессмысленностью провозглашенной тогда реформы школы Иванов переживает очередной инфаркт. У него отнимается речь, он оказывается прикованным к постели. Но именно на 80-е гг., особенно на их конец, приходится время наибольшей известности и популярности Иванова. Этому во многом способствовали книги С. Соловейчика «Жизнь Иванова» и «Воспитание от Иванова». Массовым тиражом издаются и переиздаются его труды. Огромным напряжением сил Игорь Петрович создает ряд своих новых работ «Звено в бесконечной цепи», «Педагогика общей заботы», «Педагогика коллективной творческой жизни», которые выйдут в свет уже только после его смерти. Но и сейчас в Санкт-Петербурге действует содружество его учеников и последователей из объединения «Педагогика социального творчества».

Коммуна юных фрунзенцев

Вряд ли в отечественной педагогике XX века имеется воспитательная система, причем созданная снизу, которая оказала столь большое влияние на современную педагогику, как деятельность на первый взгляд скромного объединения вожатых и пионерского актива, сложившегося на базе Дома пионеров Фрунзенского района Ленинграда. Во главе

Коммуны юных фрунзенцев (КЮФ), как она называлась, стояли наряду с И. П. Ивановым такие незаурядные педагоги, как Л.Г. Борисова и Ф.Я. Шапиро, которая выделялась ярким самобытным талантом.

По структуре Коммуна являлась сводной комсомольско-пионерской дружиной, которая включала в себя 30 звеньев (по числу школ), состоявших из 10-15 активистов. В основу деятельности была положена методика коллективной организаторской деятельности. Девизом КЮФа стал призыв М. В. Фрунзе: «Смело и бодро вперед, победа во что бы то ни стало!». Результаты деятельности Коммуны трудно переоценить, именно здесь была разработана знаменитая коммунарская методика, которая затем получила широкое распространение. Она включала в себя трудовые десанты, вечера горящих сердец, разнобои и многое другое.

В начале 60-х гг. руководителем коммуны стало ясно, что уровень социального развития ее членов достиг такого накала, что следующим логическим шагом оставался только выход на Сенатскую площадь. Не желая своим воспитанникам участи декабристов, Иванов и Шапиро пошли на крайне тяжелый для них шаг — распустили Коммуну. Но коммунарская методика продуктивно существует и в наши дни, причем в общеобразовательных школах.

1960-1969

Контекст

Это десятилетие как в истории страны, так и в образовании вместило в себя три достаточно различных этапа, которые разделяли действительно значимые события. Самое начало 60-х годов прошло под знаком «второй волны» хрущевской оттепели. Вновь после XXII съезда партии были включены механизмы политической реабилитации. Тайно, ночью из Мавзолея вынесли тело Сталина. Так же в одночасье исчезли с площадей и зданий многочисленные статуи и бюсты вождя. Пронеслась волна переименований. Самым громким стало переименование Сталинграда в Волгоград. В «Новом мире» опубликовали «Один день Ивана Денисовича». Все это зародило надежды на то, что будут продолжены демократические процессы.

Но Хрущев мыслил совсем другими категориями. Было объявлено о грядущем построении коммунистического общества. Опубликован вдохновивший многие романтические души «Моральный кодекс строителей коммунизма», представлявший собой своего рода римейк Нагорной проповеди Христа. Однако в трактовке партийного руководства все это означало прежде всего борьбу за победу коммунизма во всем мире. Резко обострилась международная обстановка. Соответственно усилилась и борьба с инакомыслящими, было строго указано творческой интеллигенции.

Дворцовый переворот, приведший к устранению Хрущева, придал импульс многим позитивным процессам в социально-экономической жизни страны, тому, что объемлется понятием «косыгинские реформы». Вновь возродились и либеральные иллюзии. Но все было окончательно похоронено в августе 1968 года. Ввод войск в Чехословакию и последовавший за ним «пражский синдром» развернули партийное руководство в сторону, противоположную реформам в экономике, а тем более демократизации общественной жизни.

Образовательная политика

С 1960 по 1964 год, естественно, продолжался прежний курс, направленный на усиление трудового обучения школьников, производственной практики старшеклассников и увеличение доли политехнических знаний в содержании образования. Однако за-

метно, как год от года он встречал все нарастающее сопротивление деятелей науки, которые были всерьез обеспокоены грядущей интеллектуальной деградацией страны.

Поэтому отставка Хрущева тут же привела к достаточно решительному повороту от прежней образовательной политики. В результате намечавшаяся смена парадигм так и не произошла. Трудовая школа не утвердилась как доминирующая в советской педагогике, а уступила место модернизированному варианту «школы учебы».

В 1965-1966 годах началась очень солидно подготовленная реформа содержания образования. В состав комиссии по ее разработке были включены крупнейшие ученые. В результате содержание школьного образования было существенно обновлено, модернизировано, в нем усилились научные основы. Все это тогда реализовывалось в русле общего курса на ускорение научно-технического прогресса. В школе появились факультативы, а трудовые дисциплины в свою очередь были существенно потеснены.

Однако полезные новации реализовывались строго в рамках классно-урочной системы и единой школы. После 1968 года в школе, и особенно в педагогической науке, стало резко усиливаться идейно-политическое воспитание и его научно-методическое обоснование. Развернулась критика «буржуазной педагогики и психологии». Главным обвинением западных ученых было то, что они не хотят готовить из подрастающего поколения «могильщиков капитализма». Внутри советской педагогики начало подавляться и так не очень сильное свободомыслие.

Идеи

Главный корпус новых идей был связан с разворачивающейся в мире научно-технической революцией. Осознание того, что СССР начинает качественно отставать и в гонке вооружений, и в борьбе технологий, подстегнуло партийное и советское руководство к попытке перестроить если не все образование, то, по крайней мере, профильные школы и элитные технические вузы, перевести их на современные основы.

В моду вошли технократические идеи, достаточно, даже подчеркнуто далекие от идеологии. Ярким выражением этого направления стала деятельность Московского методологического кружка и вообще всех «методологов», объединенных вокруг Г.П. Щедровицкого. В системномыследеятельности искали тогда и находили путь к внутреннему реформированию образования, построенного не на идеологических постулатах, а на строгих логических определениях и схемах.

Судьбы

Разумеется, поворот от «хрущевской реформы» означал необходимость существенного изменения тактики действий со стороны руководителей педагогического олимпа. Впрочем, большинство из них удержались на своих постах, а некоторые даже сделали карьеру.

Вместе с тем благодаря как определенной либерализации второй половины 50-х — начала 60-х годов, так и технократическим идеям, проникшим в образование (например, программированное обучение), стало возможным появление в педагогической науке новой генерации тогда еще относительно молодых, но ярко заявивших о себе ученых, чья плодотворная деятельность будет разворачиваться и на протяжении последующих десятилетий (Никандров, Загвязинский, Беспалько, Мудрик, Рувинский),

Однако в 60-е годы произошли и серьезные идеологические «процессы», целью которых было подавить гуманистические тенденции в образовании. Тогда их жертвами стали Олег Семенович Газман, разлученный со своим детищем «Орленком», и Василий Александрович Сухомлинский, обвинение которого в «проповеди абстрактного гуманизма» привело к преждевременной смерти замечательного педагога.

Школы

В начале десятилетия берется продолженный потом курс на создание специализированных школ и интернатов, прежде всего физико-математического и естественнонаучного профиля. Несомненно, это были очень яркие образовательные учреждения, где тщательно отобранных талантливых ребят ученые и вузовские преподаватели готовили к будущей исследовательской деятельности. Обратим внимание на то, что подобные специализированные школы (кроме языковых) не создавались по гуманитарным наукам.

Среди новых явлений в школьной жизни выделим также попытки переноса коммунарской методики в образовательные учреждения (Караковский).

Но в целом на передний план, особенно во второй половине 60-х годов, вновь начинают выходить школы, которые давали крепкие и прочные знания, развивали познавательную активность учащихся, успешно готовили их к поступлению в вуз.

Наследие

Десятилетие оказалось богатым на различные творческие поиски как в учебной, так и в воспитательной деятельности. Более того, создается ощущение, что те находки, которые были сделаны тогда в индивидуализации и дифференциации учебного процесса, стимулировании познавательной активности школьников, организации их коллективно-творческой деятельности, в последующие десятилетия только осваивались без внесения чего-нибудь существенно нового.

Подобный же вывод можно сделать и о нашумевшей в середине 60-х годов «системе Занкова», во многом подготовившей поспешный переход на трехлетнее начальное обучение. Основной корпус идей и методических разработок в рамках этой системы также был реализован в те годы.

Уроки

Главным уроком, к сожалению, так до конца и неусвоенным, является вывод о том, что профессиональное обучение и профессиональная подготовка не являются сферой, имманентно присущей школе. Развал «хрущевской реформы образования», произошедший, по сути, изнутри, как раз и был во многом вызван сопротивлением педагогов, убежденных в том, что их воспитанники должны учить логарифмы, а не осваивать кладку кирпичей.

Другим уроком, тоже неусвоенным, является то, что всякое стремление насильно навязать всем педагогам страны требование работать по одному, пусть даже эффективному методу (например, гремевшему тогда «липецкому») неизбежно ведет к его профанации, дискредитации, а в итоге — к появлению у массового учительства стойкой аллергии на все инновации вообще.

1960

«Главное в перестройке системы народного образования —это соединение обучения с общественно полезным и производительным трудом школьников и усиление воспитательной работы. Опыт многих тысяч школ свидетельствует о том, что этот путь единственно правильный и дает наиболее плодотворные результаты».

Ф. Ф. Королев

П.Я. Гальперин

Среди плеяды отечественных психологов Петр Яковлевич Гальперин (1902-1988) представляется фигурой не только великой, но во многом загадочной. Мировую известность ему принесла выдвинутая им теория планомерно-поэтапного формирования умственных действий, понятий и образов, в которой проанализировано становление основных компонентов психической деятельности. Идеи П.Я. Гальперина позволили на принципиально новом уровне решать проблемы интеллектуального развития ребенка и строить практику обучения. Его книги переведены на многие языки. Он стал основателем научной школы, последователи которой работают в различных странах мира.

Петр Яковлевич был необыкновенным человеком: его отличали благородные манеры, красивое лицо, удивительная деликатность, доброжелательность, чуткость и скромность, поразительное чувство юмора. И вместе с тем он был ученым мировой величины, выдающимся мыслителем в области теории и истории психологии, педагогики, детской психологии.

Детские годы Гальперина прошли в интеллигентной еврейской семье. Поскольку мать погибла, когда Петру было 15 лет, основное влияние на его формирование оказал отец — талантливый врач. Несомненно, под его влиянием Петр Яковлевич поступает в медицинский институт в Харькове. Судьбоносной для Петра Яковлевича оказалась встреча с А.Н. Леонтьевым, который с группой психологов приехал в Харьков и начал исследовательскую деятель-

ность в Психоневрологическом институте. Это были молодые люди, очарованные психологией и влюбленные в Л.С. Выготского. Но увлеченность Гальперина психологией даже в этом кругу была необычайной. Достаточно сказать, что он, чтобы не отвлекаться на лечение, вырвал зубы из обеих челюстей и вставил искусственные.

После постановления «О педологических извращениях в системе наркомпросов» для психологии наступили тяжелые времена. И только после войны стало возможно возвращение Гальперина к научной работе. В 1960 г. Петр Яковлевич впервые публикует в целостном виде свои подходы к теории поэтапного формирования умственной деятельности. Смысл ее заключался в том, что, задавая ориентировочную основу действия, педагог получает возможность формировать у школьников умственные действия с заранее заданными свойствами. К сожалению, по до конца не ясным причинам это исследование в целостном виде не было завершено. Зато были созданы такие фундаментальные труды, как «Введение в психологию» и «Актуальные проблемы возрастной психологии».

Петр Яковлевич был не только любимцем студентов и сотрудников кафедры психологии МГУ. Он пользовался непререкаемым авторитетов среди учеников Выготского, они называли его ласково «Гальпетя» и считали самым эрудированным и мудрым психологом. Он обладал строгим, рациональным, проницательным умом, четкой логикой. Был необыкновенно требователен и даже суров к себе. Всегда подолгу занимался шлифовкой своих рукописей. Кстати, расшифровать его записи и заметки нелегко — все они сделаны своеобразной скорописью, состоящей из одних согласных букв. Что неудивительно — хотя сам Петр Яковлевич, как и члены его семьи, не пострадали от репрессий, но в его душе навсегда поселились страх и осторожность.

Ростовская школа № 1

В хрущевское время наибольшей популярностью пользовались различного рода почины, которые задавали импульс началу массового движения последователей. В советской педагогике первой половины 60-х гг. огромный резонанс получил опыт липецких, казанских, новосибирских учителей. Но первым среди них стал опыт ростовчан. После выступления в 1960-м г. на Всероссийском учительском съезде педагога школы №1 г. Ростова-на-Дону с рассказом о полной победе над второгодничеством коллектив этой школы проснулся знаменитым.

Возник удивительный феномен — совершенно добровольное ознакомление учительства с передовым опытом, принявшим характер массового движения. Достаточно сказать, что только за первое полугодие 1960 г. к ростовчанам приехало более ста делегаций из различных уголков страны. Всех поражало удивительное противоречие между внешними условиями, в которых работали педагоги, и достигнутым результатом. Скромное двухэтажное здание, где в две смены учились более тысячи ребят, не имело даже раздевалки, и ученики оставляли верхнюю одежду в классах. Однако благодаря подвижничеству учителей, индивидуальному подходу к детям, стройной системе дополнительных занятий педагогам действительно удалось добиться высокого уровня знаний учащихся.

В духе того времени их опыт тут же стал тиражироваться. В Ростове проводились научно-практические конференции, сотни школ по всей стране работали по «ростовскому методу». Конечно, во всем этом было немало кампанейщины, но в целом находки ростовских педагогов, сформулированные в тезисе: «От хорошего учителя — к хорошему коллективу» способствовали гуманизации педагогического процесса.

1961

«Школа коммунистического общества не появится стихийно. Ее надо создавать на основе опыта нынешней школы, приближать повседневным, упорным творческим трудом учителей и ученых-педагогов, строго и объективно анализируя все, что мы делаем, направляя усилия на решение коренных проблем практики коммунистического строительства».

Н.К. Гончаров

Ш. И. Ганелин

На рубеже 50-60-х гг. в советской педагогике обнажились два основные направления: одно, связанное с разработкой широкого спектра дидактических проблем, а другое, разрабатывающее конъюнктурно-приоритетные вопросы связи школы с жизнью, с производительным трудом.

Именно в это время среди самых известных ученых-дидактов особо выделился Шолом Израилевич Ганелин (1894-1974). Вышедшая в 1961 г. его монография «Дидактический принцип сознательности» значительно продвинула решение дидактических проблем воспитывающего обучения, изучение возрастных психологических особенностей школьников, их мыслительной деятельности, преемственности обучения от класса к классу.

Шолом Израилевич принадлежал к тому поколению советских ученых-педагогов, которое успело получить образование до революции. Правда, Ганелину не удалось его завершить. В свое время, вырвавшись из местечкового быта, он оканчивает гимназию в Вильнюсе, поступает на юридический факультет Петроградского университета, где избирает своей специальностью психологию и педагогику. Вынужденный из-за тяжелейших материальных условий временно оставить учебу, Ганелин завершает образование уже в Петроградской педагогической академии, где заканчивает гуманитарный и внешкольный факультеты. С 1924 г. он начинает преподавать в ЛГПИ им. Герцена и отдает этому благородному делу полвека своей жизни.

Имя Ганелина становится известно в 1929 г., когда выходит написанная им в соавторстве книга «Основные вопросы советской дидактики», долгое время служившая основным пособием по педагогике. В ней была предложена оригинальная классификация методов

обучения. В 30-е гг. наряду с изучением проблем дидактики Ганелин все больше вынужден переключаться на историко-педагогические проблемы. Но и здесь ему удается тонко осуществлять связь истории с современностью. Этому отвечали его фундаментальные «Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века», где впервые была показана картина борьбы методических течений. Итогом осмысления истории педагогики стал вышедший под редакцией Ганелина труд «История педагогики и современность», новаторский не только для своего времени, но и для наших дней.

Как видно, внешне судьба Шолом Израилевича сложилась достаточно благополучно. Он избежал репрессий, долгое время руководил кафедрами педагогики в ЛГУ и пединституте, был избран членом-корреспондентом АПН. Однако, читая сейчас его труды, постоянно возникает чувство, что очень многое оказалось не договорено и не реализовано.

Липецкий метод

Самым известным феноменом школьной практики начала 60-х гг. несомненно является опыт учителей Липецкой области. В нем органично слились два процесса. С одной стороны искренний, неподдельный интерес учительства к эффективным методам преподавания. В 1961-62-м гг. тысячи педагогических паломников со всей страны стекались в Липецк, чтобы приобщиться к чудодейственному методу. Город был переполнен учителями. Делегации размещались на полу в спортивных залах школ. Учителя даже спали на верстаках в мастерских.

Вместе с тем это был первый почин, который стал предметом не только распространения и изучения, но и насильственного внедрения во все педагогические коллективы страны. Учителя обязаны были работать только по липецкому методу, иначе им грозили крупные неприятности. Все это, разумеется, привело к формальному восприятию идей и неизбежному краху метода, способного обеспечить успешную реализацию определенного круга идей, но превращенного в педагогическую панацею.

А на самом деле опыт липецких учителей был, несомненно, интересен. Да это, собственно, и не был учительский опыт. Его знаменитые составляющие — гибкая структура урока, комментированное письмо, поурочный балл — были вначале разработаны преподавателями Липецкого пединститута и лишь затем по инициативе завгороно в духе времени выданы за инициативу снизу. Правда, сами липецкие педагоги действительно хорошо освоили этот метод и добивались замечательных результатов, прежде всего в преподавании русского языка и литературы.

1962

«Партийные организации и впредь будут всемерно повышать авангардную роль педагогов-новаторов и развивать движение учительства за коммунистический труд».

В. А. Шурыгин

Д. Б. Эльконин

Даниил Борисович Эльконин (1904-1984) по праву входит в плеяду знаменитых отечественных психологов. Выдающийся ученый, разработавший ряд фундаментальных научных проблем, и тонкий экспериментатор, блестяще решавший прикладные психолого-педагогические задачи, он был ярким, самобытным, исключительно порядочным человеком.

Не сумев из-за тяжелого материального положения семьи завершить обучение в полтавской гимназии, Д. Б. Эльконин уже в 16 лет начал педагогическую деятельность, проработав два года воспитателем в колонии для малолетних нарушителей.

После окончания в 1927 г. педологического отделения ЛГПИ им. А. И. Герцена он работает практическим педологом и преподает в пединституте. Первая половина 30-х гг. — в целом благоприятный период жизни Эльконина. И, конечно же, судьбоносное событие — встреча с Л. С. Выготским, который приезжал в Ленинград для чтения лекций. Вместе они разрабатывают проблемы психологии игры, обучения и развития.

Как и для многих психологов-современников, роковую роль для Эльконина сыграло постановление ЦК «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (1936). Даниила Борисовича не только выгоняют с работы, но даже лишают диплома кандидата наук. С большим трудом ему удается устроиться учителем в начальную школу, а затем завершить новые исследования и получить ученую степень.

В годы войны жизнь Эльконина приобретает некоторую стабильность. Он служит офицером в штабе армии. Однако приходит и большое горе: фашистами были расстреляны его жена и две дочери.

Нелегкими оказались для подполковника Эльконина послевоенные годы. Успешная его деятельность в Московском областном военно-педагогическом институте была прервана кампанией против космополитов. Эльконина изгоняют с работы и собираются вновь лишить кандидатской степени. Лишь смерть Сталина спасает Даниила Борисовича от очень серьезных неприятностей.

В сентябре 1953 г. его приглашают в Институт психологии АПН РСФСР, где он и проработал до конца своей жизни. Ученый последовательно руководил лабораториями психологии младшего школьника, психологии подростка, диагностики и психического развития школьников, одновременно ведя преподавательскую работу на факультете психологии Московского университета.

На начало 60-х гг. приходится пик деятельности Д. Б. Эльконина как выдающегося детского психолога. Центральной для него всегда оставалась проблема культурно-исторической природы детства и глубинных законов детского развития. Ему удалось полно, четко и аргументированно построить теорию психического развития ребенка, охарактеризовать внешние условия, источники, формы и движущие силы его развития. Важнейшую роль в развитии психологической науки сыграла созданная Д. Б. Элькониным возрастная детская психология, неразрывно связанная с педагогической психологией и возрастной психодиагностикой. Особое место в творчестве Эльконина всегда занимало изучение игры дошкольников.

Однако вклад Даниила Борисовича в отечественную психологию этим не исчерпывается. Он воспитал немало современных ведущих психологов. Среди них его сын Б. Д. Эльконин. Личность Эльконина отличалась удивительной многогранностью: он был талантливым живописцем, резчиком по дереву. А близким и ученикам запомнился как неисправимый оптимист, умевший дружить и всегда сохраняющий верность научным принципам.

Казанская инициатива

Начало 60-х гг. это воистину время массовых педагогических починов. Личности еще не было дано право заявить о себе самостоятельно на всю страну, а вот педагогическим коллективам отдельных школ это не только разрешалось, но и приветствовалось. Более того, руководителям каждой области, республики наперегонки хотелось организовать у себя такой массовый педагогический почин и распропагандиро-

вать его на всю страну. В 1962 г. наряду с уже широко растиражированными ростовским и липецким опытом значительную известность приобретает и деятельность казанских педагогов. Импульс педагогического почина исходил из самой известной в городе школы № 1. Направлением же поиска было провозглашено повышение эффективности обучения. Главной изюминкой казанских педагогов стала разработка эффективных путей самостоятельной работы учащихся, что в целом было достаточно прогрессивным и перспективным. Большое внимание уделялось также активизации мышления учащихся в процессе изложения учителем новых знаний и индивидуализации обучения.

К сожалению, все эти перспективные поиски, отражавшие конъюнктуру времени, были в скором времени прерваны, хотя и получили дальнейшее развитие в практике проблемного обучения.

1963

«Совершенствование процесса обучения должно служить осуществлению ведущего начала коммунистического воспитания — соединению обучения основам наук с трудом».

Б. П. Есипов

М. М. Бахтин

В 1963 г. определенная часть советской интеллигенции пережила подлинный культурный шок. А вызван он был на первый взгляд рядовым событием: вторым изданием (после 1929 г.) вышла книга почти никому тогда неизвестного литературоведа Михаила Михайловича Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». В 1965 г. была опубликована его книга о Рабле, написанная также еще до войны.

С этого времени имя М. М. Бахтина (1895-1975) приобретает нарастающую известность и сейчас является не только для литературоведов, но и психологов, педагогов именем как знаковым, так и культовым. Ежегодно проходят бахтинские чтения, издаются статьи и книги, посвященные его творчеству. Все это свидетельствует, что с течением времени идеи, высказанные Бахтиным, только актуализируются.

А ведь внешние обстоятельства жизни Михаила Михайловича сложились крайне трудно. Хотя он и получил классическое образование, в послереволюционные годы очень бедствовал. Ему, страдая хроническим безденежьем, приходилось часто переезжать из одного провинциального города в другой. Бахтин часто болел, в молодости потерял ногу.

Только во второй половине 20-х гг. его жизнь обретает некоторую стабильность. Бахтин оказывается в центре небольшой, но сплоченной группы единомышленников. Он много печатается: создает труды по философии, психологии и, конечно же, литературоведению. Однако в середине 30-х гг. это благополучное время

заканчивается, распадается круг друзей, и он остается в полной культурной изоляции. На 30 лет прерывается и публикация трудов.

Тем удивительнее та слава, которая приходит к Бахтину еще при жизни, а главное — после смерти. Это удивление заключается в том, что круг проблем, волновавших Бахтина, его терминология, метод — все это сложилось в 1920-е гг. и оставалось почти неизменным в течение всей жизни. Об эволюции взглядов Бахтина всерьез говорить не приходится. Он всегда оставался самим собой — принимал славу и безвестность, трудности и почести без особых эмоций, взвешенно, спокойно и иронично. Внешние обстоятельства, какими они бы ни были, почти не затрагивали его главную, внутреннюю работу, которая действительно определяла его существование.

Особую тему Бахтина, с которой он вошел с современную психологию и педагогику, можно обозначить так: диалог, как единое основание культуры, социальной жизни и сознание человека. Эта концепция находится в отношениях явного и скрытого спора с научной психологией, причем с ее основными понятиями. Сущность противоречия заключается в том, что, по убеждению Бахтина, психологию в отличие от иных наук нельзя строить, следуя формальной логике, поскольку предмет психологической науки — человеческое сознание, представляющее собой диалог, что противоречит законам формальной логики.

Все это и позволяет благодаря идеям Бахтина принципиально по-новому взглянуть на многие педагогические проблемы, что и сделано в частности представителями современной «Школы диалога культур».

Новосибирский феномен

Так уж было угодно истории, что, пожалуй, самый интересный из массовых педагогических починов — новосибирский стал и последним во временной цепочке. По сути он носил уже в себе переходные черты. В нем сказывалось определяющее влияние научных руководителей — прежде всего Ю. В. Шарова. Однако сильна была и творческая деятельность учителей различных школ Новосибирска. Но главное заключалось в том, что впервые основным направлением творческого поиска стали не учебные, а воспитательные проблемы. В центре внимания находились вопросы всестороннего развития личности школьника в результате напряженной учебной и внеурочной деятельностью. К этому поиску привлекался творческий потенциал многих молодых тогда научных сил только что созданного Академгородка. Здесь в полной мере отразились и свет, и тени «хрущевской оттепели».

1964

«Научно-технический прогресс выдвигает новые требования к научной подготовке подрастающего поколения. Не менее значительны и задачи идейного и морального воспитания молодежи. Наша школа должна слить в единый поток процесс овладения научными знаниями и формирование высоких качеств личности нового человека».

Р. Г. Лемберг

Э. В. Ильенков

Жизнь выдающегося отечественного философа, талантливого психолога и педагога Эвальда Васильевича Ильенкова (1924-1979) внешне выглядит достаточно благополучной. Сын известного в свое время писателя, участник войны, он рано заявил о себе как о ярком незаурядном философе. Уже его первая большая книга «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса» вызвала большой интерес не только в научных кругах. Достаточно сказать, что тогдашний лидер итальянских коммунистов П. Тольятти, прилетев в Москву, сразу же с трапа самолета попросил отвезти его к Ильенкову, который так свежо и современно толкует марксизм.

Педагогическим кругам Эвальд Васильевич стал широко известен в 1964 году, когда в приложении к журналу «Народное образование» была опубликована его статья под программным заголовком «Школа должна учить мыслить». Она была, с одной стороны, достаточно смелой в философском осмыслении познавательной деятельности школьников. А с другой — попала в струю наметившегося общего поворота школы от хрущевской «упертости» в политехнизм и трудовое обучение школьников к развитию их творческих потенций для реализации задач научно-технического прогресса.

В дальнейшем, наряду с разработкой широкого спектра философских проблем вопросы воспитания и образования всегда оставались в центре творческого поиска ученого. Это объяснялось тем, что чем бы ни занимался Ильенков, все объединялось вокруг проблемы личности. Его научный подвиг состоит как раз в теоретическом обосновании идеи всестороннего и гармонического развития личности. Обосновании настолько всестороннем, что можно смело говорить о заложенном именно Ильенковым творчес-

ком фундаменте принципиально нового направления в педагогике и психологии, во многом ждущего дальнейшей разработки.

Им была создана теория универсальности человека как субъекта продуктивной деятельности, способного к созданию такого материального или духовного продукта, которого ранее не существовало. В связи с этим он как философ и психолог разработал концепцию идеального, создал теорию воображения, которое рассматривал в его в связи с искусством и сознанием.

Проблема превращения «каждого живого человека в личность» являлась подлинной доминантой всего научного творчества Э. В. Ильенкова. Этим и был обусловлен его живой интерес к обучению и воспитанию слепоглухонемых детей. В Загорском специальном детском доме он осуществил эксперимент по развитию творческого сознания этих детей, в результате которого четверо слепоглухонемых не только закончили психологический факультет МГУ, но и защитили диссертацию.

Судьба Эвальда Васильевича была насыщена многими событиями, он постоянно испытывал жесткий пресс партийных органов и ортодоксальных советских философов. Не выдержав этой борьбы, Ильенков 21 марта 1979 года покончил жизнь самоубийством.

315-я школа

Воистину у каждого времени свои герои. Для середины 60-х гг. такими становятся школы, где наиболее успешно занимались развитием творческих способностей учащихся. И в данной связи 315-я московская школа правомерно оказалась в центре внимания. Именно воспитание творческой активности ребят являлось здесь важнейшей образовательной задачей. Детей учили не только самостоятельно выполнять задания, но и проявлять инициативу, смекалку, творчество в самых разнообразных сферах.

Уроки по всем предметам от младшей школы до выпускных классов строились на основе трех базовых понятий: инициатива, самостоятельность, творческая активность. Педагоги стремились так организовать работу, чтобы учащиеся сами оперировали предложенным им материалом и приходили к собственным выводам. Широко применялись практические занятия, опыты.

Но главной изюминкой была внеурочная деятельность. Так случилось, что в школе собрались соратники и последователи Макаренко, которые широко использовали клубные методы работы: часто проводились различные игры, литературные вечера, экскурсии, походы.

Основным же событием в школьной жизни являлся «Конкурс смекалки», в котором с удовольствием принимали участие все школьники. Это доставляло им ощущения радости познания.

1965

«Сейчас ситуация такова, что нам нужно дать всему подрастающему поколению общее образование, развивающее способности детей строить разнообразные деятельности на основе минимума специализированных знаний, развивающее их способность учиться».

Г. П. Щедровицкий

А. И. Маркушевич

В середине 60-х гг. в центре внимания педагогической науки оказалась реформа содержания образования. В 1965 г. была создана представительная комиссия, куда вошли крупные ученые — специалисты в различных областях знаний. Перед ними была поставлена задача в короткий срок привести содержание школьного образования в соответствие с современным уровнем науки. Ведущую роль в успешной деятельности этой комиссии сыграл ее председатель, вице-президент АПН РСФСР Алексей Иванович Маркушевич (1908-1979).

Его математический талант проявился достаточно рано. Уже в 30 лет он защищает докторскую диссертацию. Затем преподает в различных вузах Москвы. Становится профессором МГУ. Много внимания уделяет изданию научно-популярной литературы по математике. По его инициативе был организован выпуск серии книг «Популярные лекции по математике». Работал Маркушевич и зам. министра просвещения РСФСР.

Но главным его делом стала реформа содержания образования в средней школе. Именно благодаря талантливому и высококультурному ученому, прекрасному организатору к этой работе были привлечены видные специалисты, искренне стремящиеся дать советским детям самое лучшее в мире образование. И это им во многом удалось. Они смогли придать содержанию школьного образования высокий теоретический уровень, что, впрочем, в дальнейшем породило вечную проблему перегрузки.

Сам Маркушевич очень много сделал для обогащения курса

математики. Стремился сделать ее не только учебной дисциплиной, но и интересной, воздействующей на чувства учащихся областью научного поиска.

Вместе с тем совсем не правильно было бы представлять Алексея Ивановича лишь узким специалистом. Он являлся видным библиофилом, хорошо знающим мировую историю книгопечатания, автором ряда работ по истории книги. Маркушевич собрал уникальную коллекцию редких книг и гравюр, которую незадолго до смерти безвозмездно передал в Библиотеку им. В. И. Ленина.

Физико-математическая школа-интернат

В середине 60-х годов был создан новый тип образовательных учреждений — специализированные школы-интернаты. С самого начала эти «питомники вундеркиндов» призваны были готовить кадры в области точных наук. Поскольку открытия в этой сфере делаются в молодые годы, то была поставлена задача уже к 20-летнему возрасту подготовить ученых — математиков и физиков.

Особенной известностью пользовалась школа-интернат при Московском университете. После тщательного отбора среди победителей физико-математических олимпиад в интернат было принято около 400 детей из десятков областей России и Белоруссии, которые обучались в 9-11 классах.

Все обучение строилось по вузовской модели, особенно по специальным предметам. Теоретические курсы читали видные ученые, а практические занятия проводили аспиранты и студенты старших курсов университета. Акцент делался на самостоятельное изучение школьниками научной литературы и решение достаточно сложных задач. Все это вызывало у «фэмэшат» огромный интерес, так как они занимались любимым делом.

Необычно строилось и руководство учебной деятельностью школ. Он осуществлялся советом попечителей, состав которого утверждался ректором университета. Вместе с администрацией школы этот совет вел прием учащихся в интернат, подбирал преподавателей, направлял и согласовывал их деятельность.

Неудивительно, что выпускники физматшколы без труда поступали в престижные технические вузы. Среди них в дальнейшем оказалось немало крупных ученых.

1966

«Основное направление нашей воспитательной работы в том и состоит, чтобы сформировать у людей коммунистические принципы и нормы поведения, не допустить раздвоения личности, сосуществования новых и старых идеалов».

О. П. Целикова

А. Н. Колмогоров

Только по прошествии определенного времени, когда забылась и отлетела шелуха конъюнктурной критики, становится особенно очевидным величие выдающегося ученого, просветителя, педагога Андрея Николаевича Колмогорова (1903-1987).

Вторая половина 60-х гг. стала временем, когда он смог в полной мере реализовать давно выстраданные замыслы по подготовке в нашей стране из одаренных ребят не просто перспективных ученых, а высококультурных, широко образованных, нравственных личностей. В полном смысле слова — элиты страны.

Истоки просветительских взглядов Андрея Николаевича идут от его семьи — настоящих российских интеллигентов, агрономов. Его мать умерла при родах и воспитанием мальчика занимались тетушки, независимые гордые женщины, обладавшие высокими общественными идеалами служения народу. Они привили эти идеалы племяннику, воспитав в нем чувство ответственности, самостоятельности, стремление понимать, а не только запоминать. Важную роль в становление будущего ученого сыграло его обучение в знаменитой в начале века гимназии Е. Репман. Здесь поощряли свободомыслие, интеллектуальную самостоятельность и стремление к познанию. Преподаватели умело проявляли одаренности учеников, старательно поддерживали и направляли их развитие.

Характерно, что во время учебы в МГУ Колмогоров, уже проявивший себя как одаренный математик, всерьез подумывал о том, чтобы профессионально заняться историей, и даже подготовил оригинальный труд. Тогда же возникли его постоянный интерес и глубокое понимание древнерусского искусства.

Важное значение в становлении Андрея Николаевича как учителя имело преподавание в начале 20-х гг. в опытно-показательном школе, где продолжилась выкристаллизация его педагогических взглядов.

В начале 60-х гг. А. Н. Колмогоров уже признанный ученый с мировым именем, директор Института математики, профессор МГУ. Но, находясь на вершине славы, он огромное внимание уделяет именно математическому образованию. Колмогоров явился одним из организаторов журнала для школьников «Квант». Он создает первый в стране физико-математический интернат при МГУ, организует летние математические школы для стимулирования развития способностей школьников. Велика заслуга Колмогорова и в реформе содержания математического образования в школе.

Однако Колмогорову пришлось испить и горькую чашу. Его учебники по алгебре и геометрии были подвергнуты резкой и необъективной критике. В результате перспективные идеи были загублены, а удовлетворительных учебников по математике нет и до сих пор.

Новосибирская физматшкола

Середина 60-х гг. — это то время, о котором поэт сказал «что-то лирики в загоне, что-то физики в почете». Олицетворением такой установки стала деятельность физико-математической школы при Новосибирском университете. С самого начала здесь осуществлялась нетрадиционная, «неэвклидова» педагогика. Ученики отбирались только по олимпиадной системе. Для сельских школьников давались задания на сообразительность. Школа работала пять дней в неделю. В четверг организовывался выходной, занятый походами, спортом, работой на пришкольном участке. Структура учебного года строилась наподобие университетской: семестры, сессии, каникулы по-студенчески. Преподавателями являлись лучшие ученые Академгородка. Важнейшую роль в обучении играли кружки, руководимые научными сотрудниками, аспирантами, студентами. В выпускном классе много времени отводилось специализации в одной из отраслей будущей профессии. А один день в неделю школьник уже полностью проводил в соответствующем НИИ. Он работал лаборантом и сдавал зачет по результатам экспериментальной деятельности сотрудникам.

В подготовке будущих ученых главный акцент делался на развитие самостоятельного мышления. Конечно, учиться в ФМШ было трудно. До 20% безжалостно отчисляли. Это могли быть и способные бездельники и не очень одаренные труженики.

Остро в школе стояла проблема гуманитарного образования, которой тоже уделялось много внимания. Приходилось преодолевать значительный скепсис «технократов». Для этого организовывались выставки, музыкальные вечера, читался специальный курс истории искусств.

1967

«Советская школа в течение своей славной полувековой истории служила великому делу преобразования общества на социалистических началах. С первых дней Октябрьской революции она осуществляла поставленную перед ней Коммунистической партией поистине великую историческую цель — воспитание всесторонне развитых членов нового общества».

Ф. Ф. Королев

В.А. Сухомлинский

Волею судьбы именно 1967 год стал для Василия Александровича Сухомлинского (1918-1970) временем, когда его имя оказалось в центре внимания педагогической общественности, но совсем не в том плане, как ему хотелось бы. Он выступил объектом образцово-показательной травли. Команда шла с самого верха, и на страницах «Учительской газеты» Сухомлинский был пригвожден к «всенародному позорному столбу», подвергнут оскорбительным и опасным идеологическим обвинениям в «абстрактном гуманизме».

А ведь речь шла не о каком-то безвестном вольнодумце. К этому времени директор Павлышской школы являлся членом-корреспондентом АПН РСФСР, заслуженным учителем и даже кавалером ордена Ленина.

Педагогический талант Василия Александровича проявился рано. Еще до войны с 17 лет он работает учителем, а затем, после окончания филологического факультета Полтавского пединститута, — завучем.

Тяжело раненный под Ржевом в 1942 г., он, до конца не излечившись, руководит школой в Удмуртии, затем заведует РОНО на родной Кировоградчине. А в 1948 г. оставляет административную работу, чтобы стать директором никому тогда еще не ведомой Павлышской школы.

В полной мере гуманистическая направленность творческого поиска Сухомлинского проявилась в 60-е гг., когда он создает ряд выдающихся произведений, наполненных такими святыми исти-

нами, как доверие и уважение к детской личности; превращение учебной деятельности школьников в захватывающий, насыщенный творческими открытиями процесс; ограничение сферы влияние коллектива на личность, воспитание без наказания; убежденность в том, что человека можно воспитывать только добром.

В педагогической системе Сухомлинского органично соединялась коммунистическая убежденность с традициями украинской народной педагогики. Ключевой же выступала идея свободы в воспитании.

В конце 60-х гг. В. А. Сухомлинский выходит на новый уровень творчества — создает свои главные произведения «Сердце отдаю детям», «Наша добрая семья», «Рождение гражданина». Понимая, что дни его во многом сочтены, он обращается к вечности и высказывает ряд идей, которым и сейчас еще не пришло время для воплощения в школьной практике.

Судьба оказалась к Василию Александровичу неумолима: он умер, чуть пережив полувековой рубеж. Его погубил тройной удар. Голод, порожденный сталинской коллективизацией, навсегда подорвал здоровье в юности; гитлеровская мина искалечила тело, и оставила в нем смертоносные осколки в молодости; облыжные обвинения губительно поразили сердце в зрелые годы.

Можно сказать, что он пал жертвой того самого социалистического общества, которое так беззаветно любил!

Павлышская школа

Редко кому из педагогов удалось в такой мере ощутить результаты своей деятельности, как В. А. Сухомлинскому — директору Павлышской школы. Когда Василий Александрович приехал в Павлыш осенью 1948 г., то застал полуразрушенное здание на краю поселка. К концу же его жизни Павлышская школа представляла собой целый городок из более десятка корпусов, мастерских, оранжерей, опытных участков, ферм и являла собой воплощенную мечту о «Городе солнца». Все это было добыто, как писал Сухомлинский, «своим горбом, с детьми в обеих руках». Три поколения жителей Павлыша воспитал при нем педагогический коллектив школы. Здесь были впервые применены столь известные по произведениям Сухомлинского «уроки под голубым небом», «Школа радости» для шестилетних детей, «комната сказок», культы Матери, Природы.

Коллектив Павлышской школы представлял собой своеобразную педагогическую общину, жизнь в которой была наполнена интересной познавательной деятельностью, трудом, искусством.

Павлышская школа выступала мощным воспитательным центром поселка. По сути, в созданной в Павлыше безрелигиозной зоне, школа выступала своеобразной церковью, а ее директор — проповедником, воспитывающим и взрослых, и детей. Отметим, что это вызывало далеко не однозначную реакцию в поселке.

Конечно, наивно было бы прямо соотносить устремленные в светлое будущее произведения Сухомдлинского и каждодневную реальную практику учебно-воспитательного процесса, но и отрывать эти две ипостаси тоже невозможно.

Сейчас в главном здании Павлышской школы действует мемориально-педагогический музей В. А. Сухомлинского, куда, к сожалению, не так часто, как раньше, приезжают учителя. Кстати и разработанный в 80-е гг. проект нового школьного комплекса так в итоге и остался на бумаге...

1968

«Советским подросткам обеспечивается совершенно небывалый общественный статус, и только социализм может создать для подростков и юношей такое исключительное положение. Перед каждым из них раскрыты самые широкие общественные перспективы, все они могут получать любое образование, добиться высокой квалификации в производстве, в технике, в науке и искусстве».

А.В. Веденов

Л.И. Божович

В 1968 году вышла в свет книга, которая сразу стала настольной у всех, кто так или иначе обращался к психологическим проблемам воспитания, обучения и развития. Такой она остается и сейчас, да и в будущем ей уготована долгая жизнь. Речь идет о книге Лидии Ильиничны Божович «Личность и ее формирование в детском возрасте».

Вклад Л. И. Божович (1908-1981) в развитие отечественной психологии — это не только написанные ею и ее сотрудниками труды, но и сам феномен ее личности, оказавшей глубокое влияние на всех, кому довелось с ней работать, общаться.

В молодые годы Лидии Ильиничне необыкновенно повезло. Студенткой второго курса МГУ она слушала лекции Выготского, затем работала в его семинаре, стала ученицей и соратницей. Сотрудничество с «Моцартом психологии» продолжалось недолго, но наложило отпечаток на всю ее последующую жизнь.

В 30-е — первую половину 40-х годов она пережила немало серьезных испытаний (за верность идеям учителя ее уволили из Института психологии, грозил арест). В 1946 г. возглавила лабораторию психологии личности в Институте психологии АПН РСФСР, которой бессменно руководила на протяжении 30 лет.

Лидия Ильинична создала собственную оригинальную концепцию личности, основу которой составляют представления об ее активности и свободе. Самое главное, по ее убеждению, свойство человека как личности — иметь свои идеалы и убеждения. Такие представления противоречили взглядам государства. Не будучи

диссидентом, Божович искренне стремилась содействовать улучшению, гуманизации социалистического общества.

На этой же основе ею была разработана психологическая теория детского коллектива. Коллективизм был для Лидии Ильиничны синонимом альтруизма, проявлением доброты, сочувствия, сопереживания. Идеи манипулирования ребенком, даже во имя самых благородных целей, были глубоко чужды Л.И. Божович.

Лидия Ильинична была по-настоящему страстным исследователем, но при этом оставалась не узким специалистом, а гуманитарно мыслящим, широко образованным человеком. Именно поэтому созданная ею концепция личности выходит за рамки сугубо научной, является общекультурным феноменом, близким как традициям дореволюционной русской психологии и философии, так и основным западным философским и психологическим течениям (таким, как гуманистическая психология, экзистенциализм).

Целостный подход Л.И. Божович к личности ребенка, понимание ее структуры как развивающейся, динамической, обращение к мотивации, в том числе и неосознанной, бессознательной, проработка всех этих идей не только на теоретическом, но и экспериментальном уровне стали для своего времени прорывом. Этот интеллектуальный прогностический потенциал актуален и в наши дни.

Экономическая школа при Плехановском институте

В конце 60-х гг. еще сохранялся импульс, заданный «косыгинскими» реформами. Потребность обновления содержания образования в соответствии с научно-технической революцией привела к созданию специализированных школ и интернатов физико-математической направленности.

Разумеется, и представители других точных наук захотели создать свои профильные школы, где можно было бы осуществлять целенаправленную предпрофессиональную подготовку, обеспечивать ранний отбор потенциальных абитуриентов. Одной из лучших школ такого типа была Экономическая школа при Плехановском институте. Обеспокоенные случайным подбором студентов, их явно недостаточной способностью к овладению экономическими знаниями преподаватели создали двухлетнюю школу для старшеклассников. Она пользовалась большой популярностью, ведь экономика тогда являлась модной наукой. На занятия из Москвы и Подмосковья два раза в неделю съезжалось более 500

старшеклассников. И это неудивительно, ведь среди преподавателей были крупные ученые: Л. Абалкин, В. Канторович.

Программа обучения строилась по вузовской схеме: лекции, семинары, зачетная сессия. Оказалось, что старшеклассники вполне могут усваивать сложные экономические категории. Правда, не все. Для экономической школы был характерен высокий отсев — 60-70% слушателей. Впрочем, это нисколько не смущало преподавателей, так как оставшиеся уже осознанно выбирали экономическую профессию и могли по рекомендации школы поступать в вуз.

Мечтой преподавателей, впрочем, так тогда и не осуществленной, было создание профильных экономических классов.

1969

«Враги коммунизма делают ставку на идейное разоружение молодежи. Они стараются посеять среди юношей и девушек неверие в коммунистические идеалы. Всеми силами стремятся они притупить классовое самосознание молодежи, отвлечь ее от политики, от активного участия в общественной жизни. Поэтому общественно-политическое воспитание в школе должно быть всемерно направлено на идейную, революционную и классовую закалку молодого поколения».

Н.И. Болдырев

Э.И. Моносзон

Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год — время резкого ожесточения идеологической атмосферы в стране, которое было вызвано «Пражским синдромом». Вновь в ход были пущены революционная и военная фразеология, термины и понятия классовой борьбы. Все это самым непосредственным образом сказалось и на школе, педагогической науке. Востребованными теперь уже оказывались не ученые-дидакты, а специалисты по идейно-политическому, коммунистическому воспитанию подрастающего поколения. Эта тема будет доминировать и в 70-е — первой половине 80-х гг.

Среди «педагогических комиссаров» ведущее место занимал Эле Исаевич Моносзон (1908-1987). Именно его труды, интересно и убедительно написанные, содержали установочный материал по формированию коммунистического мировоззрения школьников.

Характерно, что сам Моносзон как ученый и человек не умещался в прокрустово ложе коммунистической идеологии, хотя всегда мыслил и действовал ее категориями.

Э.И. Моносзон — выходец из рабочей семьи Костромской губернии, его юность совпала с революционными преобразованиями. Уже в 20 лет студентом общественно-экономического отделения Вятского педагогического института он издал свою первую книгу «Путь комсомола». Незаурядный талант Эле Исаевича, его способности к научной и организационно-педагогической деятельности содействовали быстрой карьере. В начале 30-х гг. Мо-

носзон возглавил работу по подготовке и повышению квалификации учителей Горьковского края. Молодой преподаватель читал курс лекций в пединституте.

В 1937 году волна признания привела Моносзона на должность первого заместителя начальника управления Наркомпроса РСФСР, где его непосредственным руководителем стала Н.К. Крупская. Однако из-за ареста брата его вскоре уволили, и он стал работать учителем истории в школе.

После войны, которую Эле Исаевич провел в действующей армии, он возвратился в педагогическую науку. И сразу же в центре его исследований оказалась проблема воспитания сознательной дисциплины школьников. В дальнейшем он перешел к разработке теории формирования мировоззрения учащихся. А с 1970 года и до конца своих дней возглавлял Научный совет по проблемам формирования коммунистического мировоззрения учащихся при Президиуме АПН СССР, координировавший исследования по этой теме в масштабах страны.

Оценивая с позиций современности многочисленные работы Моносзона по теоретическим основам коммунистического воспитания школьников, легче всего дать им негативную трактовку. Однако если продраться через вполне понятный набор цитат и заглянуть в сущность продуцируемых идей, то нельзя не увидеть их гуманистический характер. Все изнутри подсвечено заботой о детской личности, ее всестороннем развитии. Сейчас эти положения, очищенные от идеологической шелухи, вновь становятся актуальными.

Тбилисская школа №1

В 1969 году началась масштабная перестройка начального образования. Оно стало трехлетним.

Наряду с деятельностью лаборатории Л. В. Занкова наибольший интерес в это время привлекал творческий поиск коллектива грузинских учителей под руководством тогда еще молодого ученого Ш.А. Амонашвили. Специфика их деятельности состояла в том, что научная лаборатория размещалась непосредственно в школе № 1 Тбилиси. Впрочем, экспериментальным обучением были охвачены десятки классов в разных районах республики. Что же привлекло внимание педагогической общественности? Это идея безотметочного обучения в начальных классах. Эксперимент показал, что благодаря такому подходу возможно осуществить коренные изменения педагогических отношений. Среди учащихся школы значительно усилилась самостоятельность, повысилась эмоциональность обучения, вырос уро-

вень коллективности учебной работы. Изменилось и отношение педагогов. Их характеристики учащимся были пронизаны чувством уважения и любви к своим питомцам, верой в их силы.

Во время экзаменов учащиеся экспериментальных классов продемонстрировали более глубокие знания, умение анализировать факты. Было доказано, что изъятие отметок из процесса обучения не лишает школьников стимула к обучению, а, наоборот, существенно гуманизирует атмосферу в школе и порождает мотивацию для продуктивной деятельности.

1970-1979

Контекст

Время, несомненно, тоже внутренне противоречивое. С одной стороны, в общественно-политической жизни страны, руководимой геронтократами брежневского Политбюро, доминировал курс на стабилизацию развития, обеспечение пусть и минимального, но достойного уровня жизни. Граждане чувствовали себя социально защищенными, имевшими все права на бесплатное обучение, лечение, отдых, обеспеченную старость. Неслучайно сейчас вновь возникла тенденция идеализации этого времени. Считается, что «мы жили тогда при коммунизме, только нам это никто не объяснил». Уровень благополучия достигался не столько бурным экономическим развитием, сколько удачной конъюнктурой на нефтяном рынке и потоком «нефтедолларов».

Вместе с тем несомненно, что, несмотря на декларируемую разрядку международной напряженности, реальное противостояние политических систем сохранялось. Это не могло не сказываться на политической обстановке в стране. 70-е годы — это время разворачивания борьбы с инакомыслящими, диссидентами, которых отправляли в лагеря и «психушки». «Выдворение» Солженицына, высылка в Горький Сахарова (парадокс того времени) — все это тоже знаковые контрапункты десятилетия, которое может быть определено как угодно, но только не как «благостное время застоя».

Образовательная политика

Стабильному обществу соответствовала и стабильная образовательная политика. Никаких реформ, серьезных партийных или государственных решений по поводу развития образования не предпринималось. Конечно, на съездах и Пленумах ЦК в общем плане обсуждались и вопросы образования, но речь шла лишь об экстенсивных аспектах: шире и больше. В это десятилетие укрепляется материальная база высшего и среднего образования. Строятся современные вузовские комплексы, осуществляются новые проекты школьных зданий. Мы сейчас продолжаем транжирить ресурсное обеспечение, которое было вложено в образование в те годы.

Приоритетными направлениями тогда единой, даже подчерк-

нуто единообразной системы образования являлись усиление идейно-политического воспитания, формирование коммунистической убежденности, непримиримости к буржуазной идеологии, а также курс на всемерное расширение сети профессионально-технических училищ сопровождающийся ограничением количества старших классов средней школы. Победителями социалистического соревнования с вручением знамен, призов объявлялись те педагогические коллективы, которые выполнили план комплектования ПТУ. А, говоря прямо, так «замечательно» учили своих восьмиклассников, что те не видели для себя никакой возможности продолжать учение в старшей школе или же поступать в техникум.

Идеи

Доминировавшая классно-урочная система, имевшая многовековое развитие, не требовала, более того — не предполагала в своих рамках появления новых идей. Характерно, что и все те, кто в 80-е годы станут известны стране как педагоги-новаторы, в это время уже создали свои методические системы и успешно их применяли, вполне вписываясь в официальную парадигму. Их определенное неприятие, отсутствие стремления к распространению опыта со стороны руководства Министерства просвещения, Академии педагогических наук носило совсем не идеологический, а скорее завистливо-пренебрежительный характер.

В это десятилетие, прежде всего благодаря деятельности Института общей и педагогической психологии, возглавляемого В.В. Давыдовым, значительно усиливается влияние психологии на обучение и воспитание. Проводятся перспективные исследования, актуализируется наследие Выготского, труды его учеников и последователей.

Ключевым словом, своего рода паролем для творческой интеллигенции становится понятие «культура». Именно в культуро-ориентированном образовании виделся путь к снижению его идеологизации, сохранению, возрождению и развитию через школьников и студентов подлинной, а не официально установленной русской культуры.

Другой характерной чертой десятилетия является большой интерес к наследию Макаренко. Ведь сам Антон Семенович, хотя и был общепризнанным и даже канонизированным советским педагогом, но все-таки творил в русле парадигмы «трудовая школа». Поэтому его последователи, прикрываясь именем Макаренко, как щитом, опираясь на его идеи, могли оппонировать доминирующей «школе учебы» и развивать традиции включения школьников в общественно полезный производительный труд.

Судьбы

Эта, как ее иронично называли, «вегетарианская эпоха» не требовала от педагогов исступленного служения системе. Достаточно было лишь принимать установленные правила, вписываться в общепринятые положения и выполнять необходимые ритуалы. В данных рамках вполне допускалось педагогическое творчество, даже с некоторым элементом «вольномыслия», если это опять же не вступало в противоречие с системой.

Конечно, тому поколению педагогов, чей расцвет должен был произойти в 70-е годы, пришлось нелегко. Ведь следование ритуалам не способствует формированию творческой индивидуальности. Особенно пострадала в этом плане педагогическая наука. В ней сейчас активно действуют 60-летние, чей старт пришелся на благодатные 60-е годы, и 40-летние «дети перестройки», но почти нет ярких 50-летних ученых.

Для судеб ученых, директоров школ, педагогов, которые пытались, пусть и внутренне, оппонировать системе, это время оказалось тяжелым и даже трагическим. Достаточно вспомнить о покончившем жизнь самоубийством философе Ильенкове.

Школы

В 70-е годы школы достаточно рельефно разделялись на две группы: одна — многократно превалирующая — это так называемые «порядочные школы», т.е., где внешний порядок ставился во главу угла организации жизни; другая — «штучная», та, где царил дух творчества, демократических отношений педагогов и их питомцев, развивались гуманистические традиции (в те годы это школы Мильграма, Караковского, Брюховецкого, Цейтлина, С. Богуславского, Завельского, Ямбурга, Католикова, Захаренко, Дубинина). Разумеется, все эти авторские школы время от времени получали определенные идеологические «порицания», им не вручались переходящие знамена, но именно в них стремились отдавать своих детей представители научной и творческой интеллигенции, зная, что там будет обеспечен гуманный индивидуальный подход и не станет насаждаться власть беспрекословного авторитета учителя.

Наследие

Сейчас мы редко обращаемся к тому педагогическому и психологическому потенциалу, который был наработан в 70-е годы. И действительно, между яркими 60-ми и судьбоносными для страны и

образования 80-ми, семидесятые выглядят тихим, спокойным периодом, а значит, и не вызывают напряженного интереса.

И если по отношению к массовой школьной практике, где вынужденно доминировало нивелирующее отношение к личности школьников, такое отношение правомерно, то в педагогической, а особенно в психологической науке, существенно опережавшей тогда практику, был осуществлен ряд перспективных разработок, прежде всего в содержании образования и особенно — методике. Этот потенциал, несомненно, будет еще востребован.

Уроки

Совокупность уроков для современного образования этого десятилетия носит своего рода бинарный характер. С одной стороны, все педагоги и школьники этого времени получили и в массе своей хорошо усвоили урок конформизма, гибкого ритуального приспособления к идеологемам системы. И, кроме редких одиночек, вполне благопристойно существовали в привычных рамках: говорили одно, думали другое, а совершали третье. Разрыв между словом и делом, между внутренним мироощущением и словом был для того времени даже спасительным.

С другой стороны, был хорошо усвоен урок внутреннего, духовного выстаивания, «жизни не во лжи», замечательно освоен «эзопов язык».

Как знать, может быть, в наше время все эти уроки окажутся наиболее актуальными и значимыми...

1970

«Именно Ленин, создатель Советского государства, был творцом основных принципов новой, социалистической школы, советской системы народного просвещения. Та школа, которая существует у нас сегодня, зиждется на принципах, выработанных Лениным, и, именно исходя из ленинских принципов, мы призваны нашу школу развивать дальше и совершенствовать».

В. М. Хвостов

Д.Б. Кабалевский

В 1970 году жизнь выдающегося композитора, народного артиста СССР, неоднократного лауреата государственных премий делает неожиданный поворот. Став во главе Научного совета по эстетическому воспитанию при Президиуме АПН СССР, Д. Б. Кабалевский (1904-1987) обращается к педагогической деятельности, причем нацеленной на обычных учащихся общеобразовательной школы. В этом же году выходит книга композитора «Про трех китов и про многое другое», которая стала отправным пунктом для учителей и для лаборатории Д. Б. Кабалевского в создании программы «Музыка».

В таком обращении к педагогике наверняка сыграла свою роль та атмосфера семьи, в которой воспитывался композитор (мать и отец были прирожденными педагогами). Вероятно, оставили свой след и первые учителя, с которыми Дмитрию Борисовичу повезло. А, может быть, решающей оказалась дружба с таким энтузиастом воспитания детей, как Наталия Сац (Кабалевский некоторое время работал концертмейстером в руководимом ею театре для детей).

Скорее всего, имело значение все это вместе взятое, но помноженное на талант, трудолюбие, невероятную трудоспособность и беспощадную самокритичность. Умение сохранить на долгие годы юношеский задор и интерес к детям сформировало Кабалевского таким, каким мы его знали.

В итоге более чем 15-летней экспериментаторской деятельности, в том числе собственной педагогической практики в московской школе № 209, где маститый профессор консерватории рабо-

тал учителем музыки, Кабалевскому удалось создать новое направление в музыкальной педагогике. Она строилась на достижении духовной культуры через эстетический всеобуч, приобщение к искусству каждого ученика. Художник показал реальный путь к этому через преподавание музыки в общеобразовательной школе, утвердил роль школы в формировании человеческих чувств и отношений.

Самое удивительное, что удалось сделать композитору — показать, как практически перейти от профессионального к общему музыкальному воспитанию. От подготовки исполнителей — к подготовке слушателей. Благодаря Кабалевскому музыка вошла в педагогику как многогранная и неотъемлемая часть культуры отношения к жизни.

Для решения этой проблемы Д. Б. Кабалевский сумел найти необходимые педагогические инструменты: установка на способность детей эмоционально воспринимать музыку как живое, образное искусство, рожденное жизнью; стремление увлечь, заинтересовать школьников музыкой.

В основу новой программы музыкального обучения Кабалевский положил три основные сферы («три кита») музыки — песню, танец, марш. Благодаря этим «китам», ставшим всемирно известными, по мнению композитора, достигалась связь многообразного здания музыки с интересами детей, с народной почвой. Это давало возможность уже первоклассникам без особых усилий входить в любую область музыкального искусства со всеми звеньями изучаемой в школе истории человеческого общества.

Другой особенностью программы Кабалевского являлось ее тематическое планирование, в основе которого находились различные грани музыки как единого целого.

Разумеется, в процессе всей своей реформаторской деятельности композитор встречал упорное сопротивление со стороны приверженцев традиционных идей. Пафос критики обращался на то, что в программе Кабалевского отсутствуют четко сформулированные знания, умения и навыки учащихся, а также нотная грамота и обучение школьников певческим навыкам и умениям. Как видно, оппоненты просто не смогли постичь всю глубину замысла композитора.

Однако вся эта критика тогда доставляла Дмитрию Борисовичу много горьких переживаний. Впрочем, он оставался истинно интеллигентным человеком, внимательным и уважительным ко всем людям, очень обязательным и даже доверчивым.

Кабалевский был настоящим просветителем, глубоко убежденным в правоте духовных идеалов и готовым беззаветно бороться за них. Неслучайно его так часто называли Дон Кихотом.

Донецкая школа юных химиков

Рубеж 60-70-х гг. — время когда начинает уже проходить былая увлеченность специализированными школами, интернатами и нарастает интерес к различного рода формам более широкой подготовки учащихся к профессиональному обучению в вузах. Наибольшую известность приобретают очные и заочные школы, которые готовили старшеклассников к поступлению в институты и университеты. В данной связи донецкая школа юных химиков типична и показательна. В течение двух лет десятки учеников, отобранных по результатам специальной олимпиады, получали достаточно серьезную предварительную подготовку по выбранной профессии. Курс читали преподаватели университета, семинарские же занятия проводили студенты и аспиранты старших курсов.

Отметим, что обучаться в школе юных химиков было достаточно сложно. Слушатели должны были выполнить комплекс лабораторных работ, сдать экзамены, пройти итоговое собеседование. Строго следили и за посещением.

Характерно, что в результате обучения в школе ее выпускники не только поступали в выбранные химические вузы, но значительно повысили свои успехи и по другим предметам. Так на практике успешно осуществлялось единство общего и предпрофессионального образования.

1971

«Мы очень часто употребляем слова о приведении школьного образования в соответствие с современной научно-технической революцией. И, очевидно, в связи с таким частым употреблением мы привыкли к этим словам, перестали замечать их полный смысл и видеть, в частности, всю совокупность требований, которую предъявляет научно-техническая революция к школе».

А. Г. Зубов

Н.А. Менчинская

В нашем образовании всегда были педагоги может быть, не выглядевшие столь ярко и выигрышно, как другие, более звонкие имена, но без них представить российское образование невозможно.

Это, безусловно, относится к Наталье Александровне Менчинской (1905-1984) — ученому, которая по праву является создателем научной школы по психологии обучения.

Судьба оборонила Менчинскую от репрессий и преследований, которые в большей или меньшей мере затронули значительную часть российских педагогов и психологов XX века. Впрочем, и ей довелось в достаточной мере испить чашу критики и непонимания.

На облик Натальи Александровны, человека скромного, интеллигентного, но при этом независимого, с большим чувством собственного достоинства существенное влияние оказал ее отец — земский врач. Что же касается научной судьбы, то здесь решающей оказалась встреча с Л. С. Выготским. Менчинская окончила под его руководством аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию о развитии мышления у школьников (на материале арифметических операций). Наталья Александровна и в дальнейшем ориентировалась на идеи Выготского, хотя к некоторым его высказываниям относилась с долей критичности.

1971 год стал пиком научной деятельности психолога. Публикуются ее главные книги: «Вопросы умственного развития ребенка», «Психологические проблемы активности личности в обучении», «Психологические проблемы неуспеваемости школьников».

Они явились результатом без малого полувековой деятельности как самой ученой, так и руководимой ею лабораторией психологии учения и умственного развития школьника Института психологии.

В основе научного поиска находилось акцентирование на необходимости постоянного внимания к самостоятельной умственной работе самого ученика, к его творческой поисковой деятельности, к умению в этом поиске принимать решения, когда нет достаточной информации. Особое значение уделялось процессу применения знаний, который, согласно Менчинской, также содержал творческое начало.

Созданное ее коллективом прочно вошло в программы, методики, учебники. И это неслучайно, ведь сотрудники лаборатории постоянно находились в школе, общались с учителями и детьми, да и сама Наталья Александровна многие годы была теснейшим образом связана с московским учебно-методическим центром, где ее всегда с почтением привечали. Ценилось каждое слово. Если ей не удавалось прийти на очередное совещание московских методистов, то со всех сторон раздавались возгласы: «Где Менчинская?»

Как ни странно, основная критика того, что делала Наталья Александровна как раз шла по линии этой практической деятельности. Ее упрекали в низкой теоретической базе, эмпиризме. Однако время показало неправомерность всех этих обвинений.

Н. А. Менчинская осталась в памяти как очень образованный человек (она свободно владела европейскими языками), тонкий ценитель живописи и музыки. Наталья Александровна писала стихи. Она никогда не интересовалась материальными проблемами, жила почти всю жизнь в общежитии, ходила в том, что сшила или связала дочь, не знала, какая у нее зарплата и за что положены гонорары. Ее строгий ум прирожденного исследователя сочетался с поэтической душой. И все это определялось главным — беспредельной преданностью науке.

Мятлевская сельская школа

С начала 70-х гг. по стране преимущественно «гремят» сельские школы. Связано это было со сложными процессами. Руководство страны наконец-то обратилось к проблемам села, особенно так называемой Нечерноземки. Но в то же время в целом положение многих деревень было просто угрожающим. И здесь школа выступала зачастую единственным фактором стабилизации села, надежды на его возрождение.

Мятлевская средняя школа Калужской области стала широко известна не только благодаря высокому уровню образования школьников или же хорошо организованному их труду. Все это в школе, разумеется, было на высоте.

Но изюминку составляло то, что Мятлевская школа являлась школой полного дня. Педагоги искренне стремились создать благоприятный воспитательный климат, атмосферу уважения к интересам и потребностям школьников. Это был своего рода Дом радости для учащихся, которые проводили в нем целый день. Интересно строилось чередование нагрузок. После трех уроков ученики два с половиной часа отдыхали: завтракали, играли, гуляли. Затем, проходили еще три урока, а потом начинались самостоятельные занятия. С пяти часов открывались различные клубы, секции, студии. Таким образом, сберегалось здоровье школьников, и они действительно ощущали школу своим домом.

1972

«Школа, основывающая свою деятельность на марксистско-ленинских принципах растит, воспитывает, формирует из всех школьников свободных интеллигентов, высшей целью в жизни которых является служение своему народу и прогрессу социалистического общества. Только такая школа способна создать благоприятные условие для развития всех талантов народа».

В. Н. Столетов

А. Ф. Лосев

Два великих имени объемлют в себе русскую культуру XX века — Д. С. Лихачев и А. Ф. Лосев.

Алексей Федорович Лосев (1893-1988) пронес через свою без малого вековую жизнь замечательные традиции отечественного просвещения, соединяя в своей судьбе различные эпохи, культуры, смыслы...

Алексей Лосев вырос в интеллигентной семье, где отец преподавал математику в гимназии, был одаренным музыкантом. Его гены, несомненно, передались сыну. Другое дело, что отец рано бросил жену и сына-младенца, поэтому воспитанием Алексея Федоровича занималась мать — женщина строгих правил, беззаветно любившая сына и сделавшая все, чтобы он окончил гимназию. Именно классическая гимназия с прекрасными педагогами, особенно по древним языкам, на всю жизнь внушили Лосеву страсть к греческому и латыни, античной культуре. Одновременно Алексей Федорович учился по классу скрипки музыкальной школы.

К окончанию гимназии Лосев был уже готовым философом и филологом. Неслучайно, окончив гимназию с золотой медалью, он поступил в Московский университет одновременно на два отделения — философия и классическая филология. Во время обучения в университете Лосев посещает Религиозно-философское общество, где знакомится с крупнейшими мыслителями «серебряного века» русской культуры.

В 1916 году выходят из печати сразу три работы молодого философа. Уже в это время, а затем и в годы гражданской войны Ло-

сев принимается за главное дело своей жизни, получившее воплощение позднее в восьмитомной «Истории античной эстетики».

В 20-е гг. Лосев становится профессором Московской консерватории и работает в Академии художественных наук. В этот относительно благоприятный период с 1927 по 1930 гг., то есть всего за три года, Алексей Федорович издает восемь капитальных книг общим объемом в три тысячи страниц. Впрочем, поражает не объем, а широта исследования, охватывающая в преломлении к античности три главных для Лосева темы: «Имя, число, миф».

Однако последняя книга — «Диалектика мифа» сыграла в судьбе Лосева фатальную роль. Эта работа была принципиальна для ученого, убежденного, что античность совершенно необходима в те времена, когда пытаются уничтожить фундамент культуры, оторвать человека от его естественной почвы. Именно в ней, в античности, по мысли Лосева, находились корни современных жизненных основ.

За издание этой книги Лосев был арестован в апреле 1930 года. Далее прошел путь вполне классический: семнадцать месяцев в тюрьме (из них четыре в одиночке), а затем приговор — 10 лет лагерей. Великий философ был отправлен сплавлять лес на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В дальнейшем после многих хлопот Лосева переводят в проектный отдел, где он, выполняя бесконечную канцелярскую работу, начинает слепнуть.

В 1932 году Алексея Федоровича досрочно как инвалида и ударника освобождают из лагеря, он возвращается в Москву, но печатать книги по философии ему запрещено. Долгое молчание растянулось на 23 года. Все это время Лосев преподавал в Московском пединституте и даже получил степень доктора филологических наук.

За последующие 30 лет Лосев издает более 500 работ, в том числе несколько десятков монографий. В начале 70-х гг. выходящие тома «Истории античной эстетики» переворачивали представления интеллигенции, возвышая ее идеалы, расширяя смыслы. И даже спасая душу от идеологического давления.

Лосев был вынужден диктовать свои книги, так как от всех несчастий потерял зрение. Он прожил долго и оказался действительно последним русским философом, который не устрашился мифа о несокрушимой сталинской системе, а с молодым задором и зрелой мудростью создавал свод трудов, уникальных по глубине мысли и творческим замыслам. Алексей Федорович писал для ищущих читателей, которые всегда понимали его. А не очень опытные учились постигать на его книгах подлинно чистую философскую мысль, прорывающуюся сквозь все препоны.

...Лосев скончался 24 мая 1988 года, в день, посвященный св. Кириллу и Мефодию, славянским просветителям, символизирующим единство философии и филологии.

Пущинский эксперимент

В 1972 году, пожалуй, ни о чем столь много не говорили в педагогической среде, как о первых результатах осуществлявшегося в г. Пущино на Оке экспериментального обучения детей шестилетнего возраста в первых классах. Работа велась сразу в четырех школах и включала в себя много нового. Дети должны были опередить в изучении программы начальной школы учащихся предшествующего поколения, по сути, на два года. В 9 лет они заканчивали начальное обучение, причем по более усложненной программе, которая включала в себя изучение английского языка с первого класса. В основном, это были дети научной и творческой интеллигенции, принимавшей горячее участие в эксперименте. Да и сама школа, расположенная в парке Академгородка, благоприятствовала гармоничному развитию детей.

Что же оказалось в «сухом остатке»? Ученики экспериментальных классов прекрасно усваивали программу, опережая своих сверстников. Позднее выигранный год был использован для изучения курса старшей школы не за два, а за три года, что существенно снизило перегрузку.

Однако попытка массового внедрения шестилетнего обучения во второй половине 80-х гг. показала, что результаты, получаемые в ходе эксперимента в специфичной, даже уникальной обстановке, совсем не гарантируют успеха при широкой практике.

1973

«Формирование марксистско-ленинского мировоззрения, воспитание коммунистической убежденности у советской молодежи всегда выдвигалось Коммунистической партией как центральная задача всей системы образования и воспитания подрастающих поколений. Морально-политические качества советской молодежи, ее взгляды и убеждения формируются всем социалистическим укладом нашей жизни».

Ю. М. Смоленцев

Ф.Т. Михайлов

Вряд ли кто-нибудь в 1973 году обратил внимание на то, что в одном из многочисленных институтов Академии педагогических наук появился новый старший научный сотрудник. А вместе с тем, как представляется сейчас, это было явление для нашего отечественного образования не просто значительное, но и символичное.

Феликса Трофимовича Михайлова, философа по образованию, психолога по призванию, мыслителя, просветителя и педагога по сущности позвали в Академию специально для того, чтобы он внес туда свежий ветер, придал незатейливым с теоретической точки зрения исследованиям научный и системный характер. Однако оказалось, что главное, что внес тогда Феликс Трофимович в педагогическую науку, — это стремление развернуть всю проблематику исследований непосредственно в сторону личности. Для социоориентированной советской педагогики, как это ни покажется странным, такой подход выглядел решительным и новым. Михайлов предлагал убрать все промежуточные дидактические звенья и напрямую соединить две главные категории педагогики: цель и личность.

В этом отразился главный вектор поиска мыслителя — стремление сопрячь общественное сознание и самосознание личности. В поиске как научных, так и организационных форм решения этой глобальной задачи Михайлов сначала много времени уделил работе со слепоглухонемыми воспитанниками Загорского детского дома, а затем включился в реализацию притягательной тогда идеи

создания своеобразных интеллигентских поселений — культурно-образовательных центров.

Позднее Михайлов исследовал комплекс проблем, прежде всего связанных с формированием личности на материале истории культуры, создания специального комплекса человековедческих знаний включенных в виде предметов в учебный план высшей школы. Центральная идея, которая постоянно занимала мыслителя, — стремление отождествить индивидуальное самосознание и общественное сознание. Это достигается способностью личности к творчеству и ее ориентацией на человечность — нравственность. А происходит в особом социокультурном пространстве.

На данной основе академик РАО Ф.Т. Михайлов сформировал философские основы новой педагогики. Ее смысл заключался в том, что предметом образовательной деятельности являются культурные потребности и творческие способности всех тех, кто так или иначе включается в пространство образовательной деятельности.

Культурно-образовательный центр

В 1973 году директор совхоза «Новорыбинский» Целиноградской области К. В. Полетаев обратился в АПН СССР с предложением создать на базе его богатого совхоза школу, которая могла бы давать не только общее, но специальное и даже высшее образование.

Эта на первый взгляд утопическая идея, как ни покажется странным, получила позднее свое воплощение. В то время интеллигенция испытывала острую потребность в самореализации. И навстречу Полетаеву пошли философы и психологи, педагоги и социологи, а главное — архитекторы. В короткий срок был создан проект такого центра, реализующий идею пространственно-пластической организации разных видов свободной деятельности. Хотя в то время из этого плана, привлекшего большое внимание педагогической общественности, ничего не получилось, позднее такой центр все же был создан в поселке Зеленый Бор Кокчетавской области. В этой настоящей природной жемчужине (озера, сопки, напоенный хвоей воздух, простор степи), где к тому же имелось развитое производство и даже свой музей, — идея культурно-образовательного центра начала материализовываться, хотя тоже не в полной мере. Ведь в так и недостигнутом идеале культурно-образовательный центр должен был объединять в архитектурном комплексе учебные, музейные, клубные, музыкальные, художественные, а также дошкольные учреждения. Предполагалось,

что они будут создаваться силами местной интеллигенции — учителей, врачей, музейных работников, которые получали бы этот комплекс в совместную собственность. Здесь принципиально по-иному должна была строиться образовательная деятельность. Разновозрастные группы комплекса выполняли работу по интересам, а каждый молодой человек по индивидуальному плану осваивал в этой культурной среде учебные программы. Таким образом, он мог приобщиться к теоретическим основам и практическим навыкам современной культуры и достаточно рано выбрать по склонностям и способностям профессию, получая при этом высшее образование.

1974

«Буржуазной школе приходится в настоящее время воспитывать молодое поколение в условиях решающего воздействия социализма, коммунистической идеологии на мировой исторический процесс, в обстановке падения престижа всех духовных и моральных ценностей капитализма и усиления классовой борьбы. Все это заставляет буржуазных идеологов вносить коррективы в теоретические принципы и практические методы политико-идеологической индоктринации учащихся в школе».

Е. М. Кожевников

Д. С. Лихачев

Среди великих подвижников отечественного образования имя Дмитрия Сергеевича Лихачева (1906-1999) занимает совершенно особое место. С середины 70-х гг. и до конца жизни он олицетворял все то, что мы понимаем под интеллигентностью, нравственностью, духовностью. Лихачев являлся самым верным камертоном всех происходящих в обществе событий. Символично, что статья, посвященная его кончине, называлась «У России нет больше Совести».

Дмитрию Сергеевичу довелось испить полной чашей из всех перипетий XX века. В 1928 году сразу после окончания Ленинградского университета он за участие в студенческом религиозно-философском кружке был репрессирован, отправлен в Соловецкий лагерь, а оттуда на строительство Беломорско-Балтийского канала. По возвращении (1932 г.) сначала работал корректором, а незадолго до войны становится сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде, где и проработает до конца жизни.

За свою более чем семидесятилетнюю научную деятельность Лихачев написал капитальные труды о древнерусской литературе. Но в наибольшей степени он стал известен широкой общественности как просветитель, создавший культурологическую концепцию, в русле которой рассматривал проблемы гуманизации жизни людей и соответствующей переориентации воспитательных идеалов, всей системы образования, как определяющей общественное развитие. В понятии культуры он особенно подчер-

кивал историческую память, как творческую подготовку культуры будущего на основе прошлого и настоящего. Ратуя за сохранение культуры от разрушения и забвение, Дмитрий Сергеевич ввел понятие «экология культуры».

Ученый-энциклопедист, посвятивший себя исследованию тайны влияния на человека отечественной художественной культуры, Лихачев страстно выступал в защиту памятников искусства слова, живописи, архитектуры, ландшафтного, паркового, культового искусства и народных промыслов. Принципиально важной в концепции Лихачева является идея взаимосвязи культуры и природы.

С культурой тесно связывалось понятие интеллигентности. Неслучайно ряд книг «Земля родная», «Письма о добром и прекрасном» специально обращены к педагогам и молодежи. В них ученый-литературовед, искусствовед и культуролог предупреждает от стереотипных оценок. Эти его произведения по-настоящему учат патриотизму через изучение «малой родины», любви к отечеству в целом.

Загорский детский дом

Среди образовательных учреждений, вошедших в историю отечественной педагогики, Загорский детский дом является, несомненно, уникальным. Это связано как с особыми детьми — слепоглухонемыми, которые воспитывались, так и с поразительными результатами, там полученными. И с тем вкладом в психологию, педагогику, философию, который был внесен учеными и воспитанниками дома.

Первая школа-клиника для воспитания и обучения слепоглухонемых детей была создана в Харькове И. А. Соколянским еще в 1923 году. Именно среди ее воспитанников и находилась знаменитая Ольга Скороходова, книга которой «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир» стала широко известна.

После войны исследования были продолжены, однако вновь открыть учреждение для слепоглухонемых — Загорский детский дом удалось уже после смерти И. А. Соколянского в 1963 году психологу А. И Мещерякову. С самого начала детский дом был задуман как учреждение для коллективного воспитания и обучения слепоглухонемых. На разных этапах экспериментальной деятельности в работе Загорского детского дома принимали участие такие выдающиеся ученые, как Э.В. Ильенков, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В. В. Давыдов, Ф.Т. Михайлов.

В 1974-м году была опубликована капитальная монография

А.И. Мещерякова «Слепоглухонемые дети», которая подвела итоги исследования и наметила перспективы на будущее. Так сложилось, что в этом же году А. И. Мещеряков умер, и дальнейшая экспериментальная деятельность была уже связана с новым директором А. В. Апраушевым.

Каковы же результаты многолетних исследований? Они действительно не могут не поражать. Было доказано: если развить до совершенства функционирующие у слепоглухонемых детей органы чувств, то это не только в определенной мере компенсирует отсутствие зрения и слуха, но и позволяет развить им свою психику до уровня, готового воспринимать богатство окружающего мира. Подтверждение тому — судьбы многих воспитанников Загорского детского дома: четверо из них закончили МГУ, а Александр Суворов стал крупным ученым, доктором наук.

Но значение осуществленных исследований намного шире. По сути Загорский детский дом явился синхрофазотроном человековедческих наук, существенно продвинув вперед и философию, и психологию.

1975

«Детский коллектив является составной ячейкой социалистического общества, в которой осуществляется важнейшая задача — формирование нового человека. Поэтому в определенной мере он воспроизводит систему отношений, присущих социалистическому обществу и составляющих основу накопления молодежи социального и нравственного опыта».

Г. Н. Филонов

Ю. М. Лотман

В 70-80-е гг. у советской интеллигенции центром духовной оппозиции выступал Тартуский университет, где профессором филологии с 1963 года работал Юрий Михайлович Лотман (1922-1998).

Филолог и культуролог, выпускник Ленинградского университета, член многих зарубежных академий, Лотман выступал непререкаемым авторитетом во всем, что было связано с литературоведением. Хотя Лотман никогда открыто не оппонировал советской власти, все его произведения находились, несомненно, в духовной оппозиции.

Даже его труды по семиотике, связанные с подходом к культуре как динамичной знаковой системе, резко и опасно контрастировали с тогдашним идеологизированным и политизированным литературоведением. Неслучайно, что на семинары в Тарту стекались десятки и сотни молодых интеллигентов, среди которых было немало учителей и преподавателей. Там они погружались в многомерное культурное пространство, где осуществлялось столь дефицитное тогда свободное творчество. По сути, то, чем занимался в то время Лотман, и являлось подлинным образованием.

Наряду с капитальными трудами, размах и глубину которых мы можем оценить только сейчас, когда они вышли в полном объеме, Лотман создал целый ряд пособий, адресованных учителям и школьникам. Это были принципиально иные книги, ориентированные на формирование у учащихся культуры мысли и эмоций, эстетической интуиции, способности к восприятию искусства в его идейно-художественной целостности.

Комплекс пособий представлял собой своеобразные ступени, где от автора к автору усложнялось и углублялось изучение явлений стилистики и поэтики. У школьников формировалась система анализа произведений. Все было направлено на развитие творческих способностей, исследовательской самостоятельности. Так строился настоящий, серьезный диалог ученого с молодым человеком, только приобщающимся к науке.

Подобный же диалог являлся основанием и для популярного в 80-е гг. телевизионного цикла «Беседы о русской культуре», который мастерски вел Юрий Михайлович. Для многих тогдашних школьников, студентов, педагогов эти беседы открыли историю и литературу XVIII-XIX веков.

345-я школа

Пожалуй, в середине — второй половине 70-х гг. одной из самых известных школ страны становится внешне совершенно неприметная московская школа №345. Она была расположена по узкому Елоховскому проезду неподалеку от трех столичных вокзалов, в старом четырехэтажном здании.

Конечно, школа стала во многом известна благодаря циклу книг, написанных ее директором С. Е. Хозе и тогдашним организатором воспитательной работы М. М. Поташником. Но, несомненно, и сама жизнь школы вызывала большой интерес. Более того, в ней заключалась какая-то тайна. Ведь если судить по публикациям, главное, чем занимался школьный коллектив это идейно-политическим воспитанием. И это должно было вызывать отторжение, но ничего подобного. Идеалы революционной романтики, которыми была пронизана деятельность пионерской и комсомольской организаций, захватывала и педагогов и учащихся. Они с удовольствием и искренне участвовали в слетах, митингах, демонстрациях. Активно трудились в лагерях, на стройках.

А о самоуправлении, которое было в то время в 345-й школе, просто слагались легенды. Там комитет комсомола и совет дружины действительно выступали хозяевами школы, организаторами всех дел. Сейчас-то понятно, что пионерская и комсомольская организации были лишь видимой оболочкой, внутри которой жила истинная школьная жизнь, соединявшая в едином творческом порыве учителей и учащихся.

1976

«Перед воспитанием стоит своего рода сверхзадача — выработать у подрастающих поколений стремление и умение заниматься самовоспитанием, умение соизмерять свои желания и поступки с общественными принципами и нормами, жить во имя больших общественных целей».

Г. Л. Смирнов

В.Ф. Тендряков

Русской литературе всегда органично была присуща учительская составляющая. Герои были призваны являть образцы поведения, обличать язвы общественной жизни. А читатели должны были стремиться следовать тем идеалам, к которым их призывали.

Особое место среди такой проповедническо-просветительской литературы занимали произведения о школе — своего рода учительство в квадрате. К сожалению, как раз в этом жанре было мало творческих удач.

Тем ценнее и значительнее то, что сделал Владимир Федорович Тендряков (1923-1984). Характерно, что все романы и повести писателя, посвященные проблемам образования и воспитания, вызывали острую, даже какую-то ожесточенную дискуссию. Уже первый роман «За бегущим днем» (1959) стремился убедить общество в необходимости перестройки всей системы школьного образования, дабы теснее связать его с производством, с трудовой деятельностью, а также попытаться лучше учесть индивидуальность каждого ученика. Неудивительно, что он привлек к себе огромное внимание. Сейчас это трудно себе представить, но тогда в течение года газеты и журналы публиковали десятки, даже сотни рецензий, читательских откликов. Конечно же, их авторы писали не столько о произведении, сколько об острых общественно-педагогических проблемах.

Но, пожалуй, наибольший резонанс вызвала повесть В. Тендрякова «Ночь после выпуска». Сегодня, когда никого не удивишь

ни данными о миллионах беспризорных, ни жуткими историями о несовершеннолетних преступниках-наркоманах, сложно понять тот переполох, который начался сразу после публикации повести. Ее обсуждали в учительских и на педсоветах, в академических институтах, на комсомольских собраниях, в студенческой среде будущих педагогов. Оказалось, что эта изначально притчевая повесть стала «своеобразным выстрелом в ночи». Откровенные разговоры после выпуска педагогов в учительской и выпускников около обелиска своей обнаженной правдой не могли не вызвать стремление официальной педагогики дать писателю жесткий отпор. Сейчас, когда читаешь эти установочные рецензии, особенно отчетливо видна межа, проходившая между В. Тендряковым и резко критиковавшими повесть учителями. Владимир Федорович писал о сущем, о том, что действительно происходит в учительской и ученической среде. Его же критики писали о должном — о том, как все это представляется в идеале.

А ведь Тендряков прозорливо указал на две серьезные нравственные проблемы — разрыв между внешней официальной позицией школьника и учителя и его внутренним мировоззрением; и о том, что стадная коллективная психология нивелирует личность. Пафос писателя заключался в убеждении, что школа призвана не только давать детям знания, но и прививать маленьким гражданам добрые чувства, воспитывать активность в борьбе со злом, равнодушием, эгоизмом. Тендряков остро ставил вопрос о такой сложной и тонкой сфере педагогической деятельности, как воспитание чувств.

Возможно, эти представления писателя могут сейчас показаться наивными. Но в этом весь Тендряков, который всегда писал честно и обличающе. Потому и умер рано. В конце 80-х — 90-е гг. были опубликованы его произведения, написанные «в стол». И стало ясно, что столь потрясавшая читателей острота его опубликованных книг являлась лишь вершиной айсберга правды.

Школа Цейтлина

Хотя в 70-е гг. и не существовало еще феномена авторских школ, где в названиях фигурировали имена их директоров, все же школа № 73 с углубленным изучением французского языка на Красной Пресне была именно школой Юлия Михайловича Цейтлина, проработавшего в ней директором более четверти века.

Во второй половине 70-х гг. это была, пожалуй, одна из самых известных в стране школ, в ней побывало более 80 делегаций из

разных регионов страны, из-за рубежа. Идеи, воплощенные в опыте работы школы, получили свое развитие в образовательных учреждениях Латвии, Молдавии, Татарии, Краснодарского, Красноярского краев. Опыт школы нашел отражение в различных публикациях периодической печати, в методических пособиях и книгах. Даже был снят научно-популярный фильм «Уроки доверия».

Что же так привлекало в деятельности этой скромной школы, располагавшейся в типовом пятиэтажном здании? Здесь была перестроена познавательная деятельность как на уроках, так и во внеурочной работе. Школа буквально жила радостью познания. Олимпиады, предметные недели, конкурсы, викторины сменяли друг друга, создавая атмосферу увлеченного творческого поиска.

Но, пожалуй, главной новизной являлись групповые занятия и общественные смотры знаний. Метод работы в группах широко применялся на Западе, откуда и был заимствован. Но для советской школы 70-х гг. это было необычно и интересно. Во время групповых занятий изменялась вся структура урока. Учащиеся садились группами во главе с консультантами, каждая из них получала свое задание и сообща трудилась над ним. Это настолько нарушало привычную картину урока, что поначалу даже шокировало учителей: вместо «мертвой» тишины в классе — споры, обсуждения. Причем ученики сами втягивали педагогов в орбиту такой деятельности. Так, по сути, закладывались основы педагогики сотрудничества.

1977

«Социалистическое общество создало принципиально новые, благоприятные возможности для расцвета педагогического творчества и его научного обобщения. Плановый характер развития педагогической науки обеспечивает не стихийное, случайное обобщение, а планомерное изучение наиболее актуальных его направлений».

Ю. К. Бабанский

Б. М. Неменский

Во второй половине 70-х гг. усиливается стремление интеллигенции различными способами оппонировать официальной идеологии. В самых мягких формах это проявлялось в желании противопоставить ортодоксальному мировоззрению идеалы науки и культуры. Характерно, что как раз в это время и разворачивается творческий поиск в разработке нового содержания музыкального образования Кабалевского, а также в определении новых подходов к изучению изобразительного искусства Бориса Михайловича Неменского. Талантливый художник, он стал широко известен именно как реформатор школьного преподавания в этой сфере. В середине 70-х гг. созданный им творческий коллектив художников, философов, искусствоведов, психологов, ученых-педагогов и учителей подготовил первый вариант экспериментальной программы «Изобразительное искусство и художественный труд». Успех этой принципиально новой программы во многом был обусловлен атмосферой творчества этого неформального сообщества. Все было овеяно романтикой поиска, диспутов, затягивавшихся до глубокой ночи, ночных звонков друг другу: «А я нашел путь!».

Уже начиная с эпиграфа программы — слов Винсента Ван-Гога: «Нет ничего более художественного, чем любить детей» — все настраивало на главную задачу курса — формирование у учащихся художественной культуры как неотъемлемой части духовной культуры. Ее целью являлось развитие многогранных духовных интересов личности средствами искусства, прежде всего изобразитель-

ного. Важнейшей особенностью выступала ориентация на эмоционально-воспитательный потенциал художественных образов, на гуманитаризацию образования. Формирование художественной культуры учащихся связывалось с освоением не только знаний по искусству, но и с овладением художественной грамотностью, предполагавшей практические художественные умения и навыки, а также с изучением истории искусств.

Хотя программа Неменского и встречала некоторое сопротивление, все же у нее была достаточно счастливая судьба. В 80-90-е гг. шла ее доработка, а автор, ставший академиком РАО, известным общественным деятелем, наряду с дальнейшим совершенствованием программы написал ряд публицистических книг. Хотя они, особенно в 80-е гг., сопровождались ритуальными цитатами все же, далеко выходили за идеологические рамки, побуждали к творческому поиску, к стремлению действительно вести школьников в мир красоты и духовности.

Сахновская школа

Сахновская школа Черкасской области, руководимая директором Александром Антоновичем Захаренко, была, пожалуй, самой известной в то время сельской школой страны. И не случайно. Здесь были воплощены все мечты, даже педагогические утопии.

Ведущая идея состояла в создании системы воспитательных центров, в рамках которых организовывалась жизнь и творчество школьников разных возрастов. Среди таких центров были школьная обсерватория с телескопом, вращающимся куполом, теплицы, бассейны — зимний с подогревом и летний, и даже целебная туевая роща.

Но главной достопримечательностью являлся краеведческий музей, созданный усилиями педагогов и учащихся. Он отражал историю родного села, его быт и культуру. Сюда приносили семейные реликвии, здесь молодоженов встречали хлебом-солью.

Жизнь школы и села была органично связана. В центре находился созидательный, творческий, социально значимый труд школьников, была создана яркая, насыщенная юмором, игрой эмоциональная атмосфера. Школа утопала в цветах. На аллеях Памяти было высажено 216 кустов роз (столько жителей села погибли в Великую Отечественную войну), а под каждым кустом — табличка с именами не только солдат, но и ребят — хранителей памяти о них.

1978

«Советская общеобразовательная школа вступила в новый этап своего развития — она стала школой среднего всеобуча, значительно возросли ее воспитательные функции, ее роль в подготовке подрастающего поколения, ответственность за воспитание и обучение учащихся».

В. М. Коротов

С.С. Аверинцев

В противовес со все усиливавшейся в обществе, науке, культуре и образовании идеологизации среди интеллигенции нарастало стремление к постижению высокой культуры, вечных ценностей.

Пожалуй, как никто, в своем творчестве выразил это подспудное стремление Сергей Сергеевич Аверинцев (1937 г. р.). Ворвавшись в науку в середине 70-х гг., он последующие годы символизировал все то, что в нашем обществе понималось как подлинная образованность.

Сергей Сергеевич вырос в семье известного биолога С. В. Аверинцева, но в качестве научного и жизненного поприща выбрал классическую филологию. Сферу тогда, мягко говоря, периферийную и непопулярную. На выбор, несомненно, повлиял своего рода счастливый случай. Подростком он обучался в московской школе, где в порядке эксперимента в начале 50- х гг. преподавали латынь и греческий. Затем последовала учеба на отделении классической филологии МГУ.

Уже первая книга молодого ученого «Плутарх и античная биография» получила большой, даже поразительный резонанс. На эту, в общем достаточно специальную и нелегко читаемую монографию поместили восторженные рецензии массовые газеты. А сам Аверинцев за нее был удостоен престижной тогда премии им. Ленинского комсомола. Но приручить и приласкать власти Аверинцева не удалось. Нет, он не участвовал в диссидентском движении. Его духовная оппозиция была намного глубже. Уже сами кни-

ги Сергея Сергеевича, которые сопровождались библиографическими ссылками на сотни работ с греческого, латыни, основных европейских языков (ими филолог владел свободно) очень высоко поднимали планку научного поиска. И гуманитариям, специализирующимся в разных областях знаний, было на кого равняться и к кому тянуться.

Размах научной деятельности Аверинцева не мог не поражать. Он писал книги по истории христианской культуры, переводил на русский язык памятники древнееврейской, сирийской, древнегреческой и латинской литературы, поэтические произведения французских и немецких авторов. Мощное впечатление произвел в начале 80-х гг. выход энциклопедии «Мифы народов мира», в создании которой Аверинцев принимал активное участие, за что, кстати, был удостоен Государственной премии.

В 80-е — первой половине 90-х гг. имя Аверинцева становится культовым, он воспринимается как «последний из могикан» великой русской научной гуманитарной школы, хранитель традиций. На его лекции, семинары стремились не только студенты, но специалисты. Сам же Сергей Сергеевич вел довольно замкнутый образ жизни кабинетного ученого, достаточно сказать, что он вообще не смотрел телевизор.

В 90-е гг. у Аверинцева происходит закономерный и глубокий духовный сдвиг. Он погружается в проблемы христианского осмысления опыта XX века. Публикует свои духовные стихи. Становится деканом историко-филологического факультета Российского православного университета. Свою позицию он определял как «просвещенный консерватизм». В 1994 г. уехал в Австрию, где стал профессором Венского университета.

Школа № 67

Среди образовательных учреждений рубежа 70-х — 80-х гг., соединявших в себе и официальное признание, и неформальный высокий статус, особенно выделялась московская школа № 67.

Внешне элитарная, с углубленным изучением французского языка, с высоким негласным конкурсом при поступлении, расположенная на престижном Кутузовском проспекте, школа всем своим укладом, духом, атмосферой была на редкость демократичной.

Конечно, это обуславливалось теми людьми, которые стояли во главе нее — Р. М. Бескина и Е. С. Топалер. Это был удивительный тандем, который даже как бы сливался в одну фамилию Бес-

кина-Топалер. Неутомимые выдумщики, фантазеры, романтики, педагоги от Бога, они заражали всех своей увлеченностью.

Внешне играя по всем ритуальным правилам, они строили школу на идеях А. С. Макаренко. И это был не формальный, а принципиальный подход. В школе действовали сводные отряды, было развито самоуправление. Большое внимание занимал производительный труд. Легендарным являлся школьный летний лагерь в Эстонии. Много внимания в школе уделялось и различным аспектам познавательной деятельности — викторинам, конкурсам, олимпиадам.

С современной точки зрения складывается ощущение, что жизнь школы была внутренне противоречива. Ярко выраженная гуманистическая позиция входила в противоречие с какой-то особой идеологической «упертостью».

Впрочем, как только изменилось время, все наносное отошло, а школа стала одной из самых первых московских гимназий.

1979

«Вышли в свет замечательные произведения Л. И. Брежнева — «Малая земля», «Возрождение», «Целина», содержащие в себе идеологическую и политическую перспективу совершенствования воспитательного процесса в школе и вне ее».

Ф. Г. Паначин

Х.Й. Лийметс

В конце 70-х — начале 80-х гг. Прибалтика, особенно Эстония, воспринимались как «почти заграница». Работавшие там ученые-педагоги могли позволять себе значительно больше вольностей, чем их российские коллеги.

Хейно Йоханнович Лийметс (1928-1989), не являясь в какой-нибудь степени оппозиционером официальной педагогике, все же в силу калибра своей незаурядной личности, места, где он работал — Таллиннский пединститут — вступал в неизбежное противоречие с ортодоксальными догмами.

Внешне судьба Хейно Лийметса была достаточно благополучной. Он окончил Тартуский университет, затем преподавал в нем. Более десяти лет заведовал кафедрой педагогики. Потом, после конфликта, перешел в Таллиннский пединститут. Являлся директором НИИ педагогики. Рано, в 39 лет, был избран действительным членом АПН СССР, ситуация тогда экстраординарная. Избирался почетным членом ряда зарубежных университетов.

Однако все было непросто. Играя с властью по ее правилам, эстонский еврей Лийметс все же смог исполнить в рамках советской педагогики свою чистую мелодию. Причем в такой, наиболее идеологизированной сфере, как воспитание школьников. Центральная идея Лийметса состояла в трактовке воспитания как целенаправленного управления процессом развития ребенком школьного возраста. Сейчас это выглядит достаточно авторитарно. Но, по сути, речь шла о создании условий максимального благоприятствия для успешного развития каждого ребенка — гуманизации пространства детства.

С этих же позиций ученый разрабатывал концепцию интеграль-

ной дидактики. Смысл ее состоял в том, чтобы учебная деятельность охватывала как можно больше временных ресурсов ученика и создавала условия для возникновения интегральных качеств личности, позволяющих в дальнейшем выпускникам школы успешно включиться в социальную жизнь.

Особенностью всех работ Лийметса выступало органичное единство философских, социологических и психологических знаний. Все это привлекало к нему внимание многих ученых.

Главной изюминкой являлись проводимые Лийметсом ежегодные летние конференции. На них собирались все, кто занимался проблемами воспитания. Атмосфера была не только творческая, но и на редкость для того времени демократическая. Приезжали с детьми, перемежали доклады и выступления с отдыхом. Давали на равных слово начинающим исследователям. Все это надолго оставляло добрую память.

Школа им. В.В. Маяковского

Расположенная в Пролетарском районе Москвы школа № 79 являлась настоящим очагом духовности. Здесь было много необычного. Центральное место занимал школьный музей-клуб. Он представлял собой сложную комплексную форму, включавшую в себя разные виды внеклассной работы. Это достигалось тем, что музей-клуб являлся разновозрастным, он развивал личность ребенка, способствовал формированию его творческих задатков, прививал интерес и любовь к поэзии. Благодаря музею-клубу в школе сложилась уникальная нравственно-интеллектуальная среда, благоприятная для развития личности ученика.

Разумеется, вся эта деятельность во многом определялась личностью директора — С.Р. Богуславского, не просто преподавателя литературы, человека, влюбленного в творчество Маяковского, но самобытного поэта, автора пяти сборников стихов.

Однако атмосфера школы наполнялась не только этим. Большое внимание педагогов, психологов, деятелей культуры привлекали проводимые вечера «СОВА» (Спрашивайте — Отвечаем — Все — Абсолютно). Проходили они так: заранее вывешивался ящик, куда все, кто хотел, мог опустить записки. А во время вечера их на виду переполненного зала оттуда доставали и сразу же на них отвечали известные актеры, поэты, журналисты. Прямо скажем, тогда это было не просто необычно, но и опасно.

Но педагогический коллектив поддерживал все эти начинания. Чему способствовали ДУСи (Добровольные Учительские Собрания). Веселые, непринужденные, умные и полезные встречи педагогов с гостями — знающими и талантливыми.

1980-1989

Контекст

80-е гг. самой историей оказались разделены на два пятилетия: до начала перестройки и после ее провозглашения. В первое пятилетие в основном продолжался прежний политический и социально-экономический курс. Правда, при Андропове резко ужесточилась международная и внутренняя политика. СССР, особенно, после того как был сбит южнокорейский пассажирский самолет, окончательно превратился в глазах Запада в «империю зла». В ответ в стране было полностью разгромлено диссидентское движение, усилена борьба со всяким инакомыслием. Начались облавы на нарушителей трудовой дисциплины. В ходе этой кампании пострадало и немало учителей, опаздывавших на уроки или же давших детям самостоятельное задание и отлучившихся в школьный буфет за продуктами. Образцово-показательному суду была подвержена учительница начальных классов, попросившая посидеть на уроке одну из родительниц и сбегавшая в это время в парикмахерскую, где и была отловлена во время проверки.

В школьной практике нарастала контрпропагандистская направленность, разыгрывались политбои, отрабатывались формы отпора церковной и антисоветской пропаганде.

Вторая же половина 80-х гг., достигнув своего пика в 1988-89 году, открыла деятелям образования ни до, ни после не виданные просторы для творчества. Все это было стимулировано общими призывами руководства страны к гласности, демократизации жизни, критике недостатков, развитию самодеятельности и самоуправления. Незабываемым событием того времени явились прошедшие выборы директоров школ. Благодаря чему к руководству образовательными учреждениями пришло немало ярких учителей.

Кардинально расширились контакты российских и зарубежных педагогов, которых так тогда тянуло в загадочную Россию. Это дало возможность подключения к советской педагогике до этого запретных западных гуманистических учений, школ и систем.

Однако и все внутренние противоречия, приливы и отливы политического курса М. С. Горбачева также рельефно сказались на развитии образования. И уже во второй половине 1989 года явно наметилась тенденция к свертыванию прежней свободы и восстановлению вновь партийной диктатуры.

Образовательная политика

В начале 80-х гг. продолжалась прежняя образовательная политика. Пожалуй, только еще больше возросли требования к тому, чтобы педагогические коллективы направляли своих выпускников в профессионально-технические училища, то есть ничему не учили. Выполнение плана комплектования ПТУ было поставлено во главу угла социалистического соревнования образовательных учреждений. В массовом же сознании ко всей этой компании было достаточно ироничное отношение, красноречиво выразившееся в расшифровке аббревиатуры ПТУ как Помогли Тупому Устроиться.

Провозглашенная в 1984 году реформа школы также не очень существенно сказалась на образовательной политике. Все новшества свелись к трем основным факторам: началось обучение с 6 лет и школа стала 11-летней; в очередной раз попытались возложить на старшие классы школы не свойственные ей функции профессионального образования; и, наконец, впервые был взят пока еще робкий курс на обучение школьников информатике.

Все кардинально изменилось в 1988 году. Благодаря созданному в ходе реформ Государственному комитету по народному образованию во главе с таким прогрессивно мыслящим деятелем как А. Ягодин и организованному при нем Временному научно-исследовательскому коллективу «Школа» под руководством Э. Днепрова в короткие сроки, была сформулирована и опредмечена новая образовательная политика, строящаяся на принципах демократизма, гуманизации, творческой свободы. Мужественными действиями «Учительской газеты» — В. Матвеева, С. Соловейчика — новая образовательная политика стала предметом дискуссий, обсуждений, яростных споров широкой педагогической общественности.

Идеи

Пожалуй, никогда отечественная педагогика не сталкивалась с таким разнообразием идей, как в конце 80-х гг. Все, что годами, десятилетиями без всяких надежд на обнародование, публикацию, публичные обсуждения накапливалось в столах и умах не только педагогов, но философов, психологов, инженеров, родителей, да и вообще всех размышлявших над проблемами образования, бурным потоком хлынуло наружу. К этому добавились западные и восточные педагогические идеи, которые через книги, а также через приезжавших их адептов свободно проникали в отечественное образовательное пространство.

Разумеется, во всем этом даже искушенному человеку было разобраться совсем непросто. Отметим, что многие поднятые тогда на поверхность идеи, в основном центрированные вокруг гуманистической педагогики и психологии, в последующее десятилетие были реализованы. Время в итоге все расставило на свои места, отобрав прежде всего те идеи, которые действительно реально можно было воплотить в школьной жизни, не изменяя при этом саму функцию школы как специфичного социального института общества.

Судьбы

Вторая половина 80-х гг. оказалась для судеб многих педагогов одновременно и чрезвычайно плодотворной, и в то же время тяжелой и даже драматичной. В 1986 —87 гг. благодаря телевизионным встречам с учителями в Останкино, собиравшим у экранов многомиллионные аудитории и смотревшихся на одном дыхании, вся страна узнала Шаталова и Дубинина, Ильина и Католикова. Они сразу же стали чрезвычайно популярны. В сентябре 1986 года в «Учительской газете» был опубликован знаменитый «переделкинский манифест» — «Педагогика сотрудничества», который, с одной стороны, очертил круг базовых гуманистических идей, способных лечь в основу предполагаемой школьной реформы, а с другой, — определил круг общепризнанных педагогов-новаторов.

С этого момента столкновение новаторов и их сторонников с официальной педагогикой становится особенно яростным и принципиальным.

На подмогу когорте новаторов подымается массовое общественно-педагогическое движение, которое во многом питалось клубами авторской школы «Эврика» под руководством неутомимого Александра Адамского. Именно в этом движении впервые проявили себя пока безвестные, но затем получившие признание такие директора школ, как Фрумин и Михайлова, Тубельский и Пазухин, Пинский и Лозинг.

На поверхность из недр Академии педагогических наук поднялись и сыграли важную роль в прогрессивном развитии отечественного образования те ученые, которые объединились во ВНИК «Школа»: Бим-Бад, Петровский, Давыдов, Собкин, Слободчиков.

И вместе с тем это были очень непростые годы. Все новые гуманистические идеи реформирования образования приходилось отстаивать в столкновениях с тогдашними руководителями отдела науки и школ ЦК КПСС, Президиума АПН СССР. Символичной жертвой этой борьбы пал такой замечательный человек, как

главный редактор «Учительской газеты» Владимир Федорович Матвеев, чья смерть в 1989 году была во многом спровоцирована той травлей, которую ему пришлось пережить.

Школы

Хотя на протяжении всего десятилетия школа по-прежнему оставалась единой, все же внутри нее в конце 80-х гг. стал исподволь формироваться такой феномен, как авторская инновационная школа. Более того, первые такие авторские школы смело ломали устоявшиеся стереотипы, шли на эксперимент, рельефно выделялись лица необщим выражением. Пока они еще в основном формировались как бы «по кустам»: «Школа диалога культур», «Школа развивающего обучения», но индивидуальные инициативы все больше и больше проявлялись. В 1989 году была организована и первая негосударственная школа, как говорили тогда «альтернативная». Во всех этих авторских, инновационных школах опробовались новые предметы, формы и методы обучения. Именно на этой основе в 90-е гг. станет возможным возникновение лицеев и гимназий, образовательных комплексов.

В целом, школа уже не выглядела столь единообразной. Во всех городах и весях, благодаря творческому поиску стали реализовываться пусть пока и локальные, но оригинальные педагогические проекты, хотя из-за торможения со стороны органов управления образованием зачастую эти поиски или так и оставались на бумаге, или быстро пресекались.

Наследие

Конец 80-х гг. оставил отечественному образованию воистину бесценное наследие. Это и творческий потенциал тех гуманистических идей, который тогда был вовлечен в сферу отечественного образования, и оригинальные формы, методы, способы обновления содержания образования, успешно апробированные и реализованные.

Но главное достояние 80-х — это люди, которые в то сложное время сумели буквально, как Мюнхгаузен, — за косичку вытянуть себя на поверхность педагогического процесса. Благодаря им в последующее десятилетие все-таки удалось осуществить реформирование российского образования, хотя далеко не в полной мере так, как об этом мечталось в 80-е годы.

Да и вся направленность отечественного образования — инновационная, авторская, свободная, экспериментальная тоже из этого времени.

Воистину неповторимое время конца 80-х гг. разбудило массовое учительство и подвигло его к педагогическому творчеству.

Уроки

Пожалуй, 80-е годы преподали столько уроков, сколько и оставили в наследство. Они проверили многих деятелей образования и культуры, науки на излом, развели прежних сотрудников, приятелей и даже друзей, если и не по разные стороны баррикад, то в достаточно различные мировоззренческие лагеря.

Важным уроком явилось то, что, оказывается, школа может стать действительным фактором развития общества, значительно опережать не только социальные, но даже политические процессы.

Существенно и то, что педагоги осознали себя единым сообществом и вместе с тем почувствовали вкус к педагогическому творчеству, к свободе. У них возникло желание, не дожидаясь чьих-то разрешений и команд, самостоятельно на свой страх и риск изменять в лучшую сторону атмосферу как в своем образовательном учреждении, так и в целом в отечественной школе.

Малоусвоенным уроком оказалось то, что надо беречь своих педагогических лидеров, чьи жизни так хрупки, а потери невосполнимы...

1980

«Единство воспитания и образования в школе связано с главной целью обучения — подготовкой нового поколения строителей коммунизма»
М.П.Гапочка

Б.П. и Л.А. Никитины

В отечественной педагогике последних десятилетий не оказалось личности, равноценной доктору Споку. В определенной степени в сфере семейного воспитания такую роль сыграли Борис Павлович (1916-1999) и Елена Александровна (1930) Никитины.

После выхода в свет в 1980 г. их книги «Мы и наши дети», сразу оказавшейся бестселлером, выражение «воспитание по-никитински» становится своеобразным символом веры, семейной идеологией. Впрочем, семье Никитиных и раньше не приходилось жаловаться на недостаток интереса к их жизни. В разные годы в дом в Болшево, что в Подмосковье, приходило от 400 до 1000 посетителей, планирующих припасть к роднику подлинной семейной педагогики. О Никитиных было снято 4 фильма, написаны десятки статей. Да и сами они постоянно пропагандировали свой опыт в книгах «Правы ли мы?», «Мы, наши дети и внуки», «Ступеньки творчества, или развивающие игры», «Наши уроки», «Мама или детский сад».

Широкое распространение получили «никитинские развивающие игры», различные упражнения, домашние спортивные комплексы. Но главное, была востребована и во многих семьях успешно реализована их философия семейного воспитания, образ жизни.

Со стороны официальной педагогики того времени деятельность Никитиных не могла рассчитывать на поддержку. Их постоянно снисходительно обвиняли в эмпиризме, отсутствии тео-

ретических обоснований. И, конечно, в тщеславности, саморекламе. Открыто подозревали в корысти.

Однако дело обстояло совсем не так. Главным теоретиком создания оптимальной системы семейного воспитания был Борис Павлович, который хорошо знал современную психолого-педагогическую литературу. Более того, 20 лет являлся научным сотрудником АПН СССР, занимался вопросами трудового воспитания. А свою концепцию раннего развития творческих способностей стал разрабатывать еще в годы войны, когда после окончания Военно-воздушной инженерной академии обучал летчиков точности стрельбы.

Свою же семью, где росли семеро детей (старший 1959 г.р., младшая — 1971 г.р.), Борис Павлович (совместно с Еленой Александровной — педагогом-филологом, работавшей в библиотеке) превратил с конца 50-х годов в экспериментальную площадку, где в ходе длительной исследовательской деятельности удалось сформулировать ряд факторов, стимулирующих раннее развитие способностей детей. К их числу относились: своевременное начало такого развития; предоставление детям возможностей для свободной разнообразной деятельности в подготовленной микросреде; активный искренний интерес родителей к успехам детей, их совместная деятельность.

Конечно, проще всего было бы укорить Никитиных в том, что это всем известные истины. Сказать, что многие положения, по сути, педагогика Монтессори. И в известной степени это так. «Никитинские материалы» воспроизводят материалы Монтессори.

Но главное в другом. Для многих семей эти положения, материалы стали известны только благодаря Никитиным, которые искренне и настойчиво пропагандировали идеалы гуманной педагогики. Более того, они совершали в противовес официальной идеологии своеобразный ценностный переворот, утверждая, что главная забота советского человека, не героическая производственная деятельность, а развитие детей.

Конечно, многое в быте семьи Никитиных поражало, даже эпатировало — их аскетизм, вызванный крайне скудным материальным положением; закаливание детей, ходящих босиком по снегу и обливающихся водой. Да и сам Борис Павлович, сделавший себе удостоверение «Профессиональный отец», был, несомненно, самородком, чудаком. Например, когда ему хотелось сосредоточиться, он залезал на дерево, росшее во дворе и часами сидел на ветке.

Дети Никитиных выросли хорошими, но обычными людьми. Подвижничество же Никитиных породило движение семейных клубов, благодаря которому тысячи отцов и матерей занялись, используя «никитинские материалы» ранним развитием своих детей.

Семейные клубы

Поскольку творческий поиск в образовательных учреждениях был в это время еще затруднен, то отдушиной становятся различные объединения социально-педагогической направленности. В разных концах страны возникают необычные, неимевшие ранее аналогов сообщества детей и взрослых — семейные клубы. Они разрабатывали и реализовывали различные программы совместной «межсемейной» деятельности в области туризма и спорта, ремесел и живописи, музицирования. Встречались ярые сторонники экстремального воспитания типа Чаровского — зачинателя прогремевшего почина учить детей плавать раньше, чем ходить.

В их создании отражалась озабоченность родителей состоянием дел в области семейно-школьного образования и воспитания. Сначала возникали группы друзей, родителей-энтузиастов в основном из технической интеллигенции, затем в их сферу постепенно вовлекались десятки и сотни семей, как, например, в наиболее известных в то время клубах «Созидатель», «Левша», «Росток», «Радуга», «Семь Я».

Они располагались в клубах, красных уголках домоуправлений, на квартирах. В семейных клубах и взрослые, и дети действовали вместе, пассивных не было. Слеты, летние лагеря, студии, где демонстрировались находки семейного воспитания, вовлекали всех участников. Внешне это напоминало традиционные народные праздники.

В восьмидесятые годы в летнее время стали создаваться в заброшенных селах семейные деревни. Все это «педагогическое ополчение» не только реанимировало идеи педагогики сотрудничества, но и во многом подготовило общественно-педагогическое движение конца 80-х годов.

1981

«Сегодня становится весьма актуальным атеистическое воспитание, формирование у школьников идейной стойкости к влияниям буржуазной идеологии и морали, к изощренным и коварным приемам наших классовых противников».

Г.Н.Филонов

Ю.К. Бабанский

Начало 80-х годов, несомненно, стало звездным часом талантливого ученого-педагога Юрия Константиновича Бабанского (1927-1987).

Родом с Дона, из Вешенского района, из семьи казаков, близких родственников Шолохова, он достаточно рано заявил о себе. В 27 лет защитил кандидатскую диссертацию, а в начале 60-х организует в школах Ростовской области масштабный эксперимент по поиску путей преодоления неуспеваемости школьников. Причем изначально эта деятельность строилась на основе личностноориентированной методики. Напомним, что организовать тот десятилетний эксперимент Бабанскому помог заведующий облоно Иван Михайлович Косоножкин.

Сам же Бабанский занимался тогда методикой диагностирования причин неуспеваемости. Им были прослежены сотни детских судеб, тщательному педагогическому анализу подвергнуты тысячи различных показателей.

Результаты эксперимента оказались столь значительными, что зав. кафедрой педагогики Бабанского избирают членом-корреспондентом АПН СССР и вскоре переводят в Москву.

В конце 70-х — начале 80-х годов академик Бабанский вместе с коллективом талантливых сподвижников по лаборатории (М.Поташник, А.Моисеев) разрабатывает прорывную концепцию оптимизации педагогического процесса, а главное, делает решительную попытку внедрить ее в массовую практику. И на короткий период это удалось. Учителя стали, пользуясь предложенными ме-

тодиками, осуществлять диагностику, проводить педагогические консилиумы. При неизбежном формализме концепция оптимизации все же призывала обратиться к личности конкретного школьника, его проблемам. А в целом звала педагогические коллективы к творчеству на основе индивидуализации образовательного процесса.

Да и сам Юрий Константинович не вписывался в стереотипы академических номенклатурных деятелей. Он был всегда близок к учителям, руководил Педагогическим обществом. Все, кто общался с этим светлым человеком, запомнили его душевную теплоту, неуемное стремление к знаниям, дружелюбие. Особенно внимательно Юрий Константинович относился к людям, не понятым другими, к талантливым, новаторам. В нем клокотало живое чувство, постоянная самоирония, неиссякаемый юмор.

И еще он был болезненно щепетилен, безукоризненно честен и деликатен. Но вместе с тем — принципиален, тверд. Его боялись, особенно как председателя экспертного совета ВАКа. Он «зарубил» не один десяток диссертаций — не видел в них науки.

С началом перестройки для Бабанского открылись новые перспективы. Его прочат в Президенты АПН, он уже исполняет обязанности. Вместе с тем особенно с 1987 г. разворачивается все нарастающая критика «цитадели застоя» — Педакадемии. Бабанский принимает ее крайне болезненно, близко к сердцу. Тем более что он сам искренне боролся против академической рутины всей своей взрывной энергией и напористостью, истовостью, одержимостью по отношению к делу, распахнутостью людям. Становящиеся все более ожесточенными во многом справедливые удары по Академии Бабанский воспринимал как удары по себе. И 9 августа 1987 г. Юрий Константинович скоропостижно скончался — в районной больнице, куда его с сердечным приступом привезли из пригородной электрички.

Со смертью Ю.К.Бабанского академическая наука лишилась признанного лидера и вошла в длительную полосу сильных потрясений.

45-я школа

Не было в начале 80-х годов в Москве более престижной школы, чем 45-я, которую все, впрочем, называли по фамилии директора — Леонида Исидоровича Мильграма. Учиться здесь считалось так же престижно, как в МИМО.

Среди московского учительства о Мильграме ходили легенды, Рассказывали, что он, будучи зятем итальянского ком-

муниста-миллионера, получил огромное наследство, которое все вложил в развитие своей школы. Были построены бассейн, мастерские, новые помещения. И перед школой даже уложен окончательно сводивший всех с ума зеленый асфальт.

На самом деле 45-я по праву являлась элитарной школой, Причем дело заключалось не только в высоком уровне образовательной подготовки, здесь действительно всегда старались сформировать гармонически развитую личность: швейная мастерская, два театра, хор, клуб авторской песни, газета с энергичной редколлегией и активом. А позднее даже своя детская организация под романтичным названием «Остров сокровищ».

В первой половине дня старшеклассники занимались по общей программе, а после обеда шли уроки углубленного изучения предметов по блокам дисциплин. В 90-е годы в школе возникли гимназические и лицейские классы. За всем этим стоял облик директора, для которого школа — это и есть жизнь. Думается, мало в стране школ, где руководитель приглашал родителей для беседы... в 7 часов утра.

Каждый день Леонид Исидорович в вестибюле встречал учеников, здороваясь по именам с каждым. Вместе с тем Мильграм являл классический тип авторитетного директора, все решения в итоге он принимает единоначально.

Не случайно уже давно по Москве ходила загадка: «Какова единица педагогического творчества? — Один Мильграм».

1982

«Школа должна формировать фундамент творческой личности, способной самостоятельно и смело мыслить, свободно ориентироваться в возникающих новых проблемах, быть готовой к деятельности в нестандартных ситуациях».

В.Н. Ягодкин

Л.И. Новикова

Если бы в общественном сознании понятие «народный академик» не имело иронического подтекста, то этим званием можно смело увенчать Людмилу Ивановну Новикову. На протяжении полувека она, являясь научным сотрудником АПН, разрабатывала сложнейшие вопросы воспитания, неизменно вместе с десятками педагогических коллективов и учителей-экспериментаторов.

В педагогику Людмила Ивановна пришла в годы войны, когда после окончания механико-математического факультета МГУ работала сначала учителем, а затем директором школы.

В 1981-82 годах вышли в свет принципиальные для Новиковой работы «Вопросы воспитания: системный подход», «Коллектив и личность школьника», «Школьный ученический коллектив; проблемы управления». Они итожили накопленный опыт и открывали новые перспективы.

Сфера воспитания в советской педагогике, естественно, являлась самой идеологизированной, мифологизированной и контролируемой областью школьной жизни. Формирование убежденного коммуниста-ленинца, атеиста, непримиримого борца с чуждой идеологией ставилось во главу угла воспитания. Конечно, эти установки проводились не в лоб, а опосредованно, педагогически инструментировались. А наряду с ними и внутри них оставалось некоторое поле для развития добрых чувств, гуманных отношений.

Вот в этой нише жила и творила Новикова. Когда насаждалось

коллективное воспитание, она с группой единомышленников акцентировала внимание на интересах и потребностях детской личности как члена коллектива. В противовес прямому переносу партийной идеологии в сферу воспитания отстаивала специфичные внутренние процессы осуществления воспитательной деятельности. Здесь Людмила Ивановна последовательно переходила ко все более крупным понятиям, связанным с воспитанием личности: коллектив — среда — система — сфера — пространство. Разумеется, при этом приходилось использовать знания из различных наук — психологии, социологии, философии. Как математику по образованию Новикову особенно привлекали исследования по системному подходу, в частности синергетики.

Людмилу Ивановну невозможно представить без ее учеников, которых она находила среди увлеченных воспитательной деятельностью учителей, директоров школ. Их счет перевалил за сто. Причем она не только всемерно помогала в защите диссертаций, организации научной деятельности, но как бы «сопровождала» по жизни.

Развитию научной деятельности Новиковой присуща интересная особенность — она привлекала к работе талантливого, яркого мужчину-исследователя. И с ним вместе делала новый шаг. Это были последовательно Куракин, Мудрик, Караковский, Сидоркин, Аршинов, Григорьев. Благодаря Новиковой их идеи приобрели ясный характер, доступный педагогам, что вообще отражает стиль письма и речи Людмилы Ивановны.

Неудивительно, что учителя так были рады каждой встрече с Новиковой — на конференциях, в своих школах, куда она, несмотря на возраст и здоровье постоянно ездила.

Особую роль сыграла Л.И.Новикова в первой половине 90-х годов, когда в угоду ложно понятой «деидеологизации», по сути, вообще свернули в школе воспитательную деятельность, сведя все лишь к обучению. А понятие «воспитание» оказалось растворено в «образовании».

Всей силой своего авторитета Новикова в это время последовательно отстаивала важность воспитания, его специфический характер. Опираясь на совместную деятельность с педагогическими коллективами, продолжавшими осуществлять воспитание как приоритетную сферу школьной жизни, Людмила Ивановна организовала масштабную экспериментальную деятельность по определению целей и форм воспитания в современных условиях. Во многом ее усилиями удалось накопить серьезный научный и практический потенциал, который оказался востребованным в XXI веке.

Школа Пазухина

Сейчас гурзуфский лицей им. А.С.Пушкина находится за границей — на Украине. Но педагогическую атмосферу 80-х годов невозможно представить без этой замечательной школы.

Когда Анатолий Федорович Пазухин стал директором Гурзуфской средней школы, за его плечами был уже большой жизненный и педагогический опыт: директорство в Ундорах, руководство артековским лагерем.

Он по одному подобрал в школу педагогов — мастеров, каждый из которых имел творческое увлечение. Во главу угла жизни школы была положена культура. Завязалось сотрудничество с Музеем изобразительных искусств, московским Музеем Пушкина, десятками увлеченных людей.

В школе стали создаваться культурные центры. Начали с библиотеки. Позднее главным центром школьной жизни стал Пушкинский клуб (вначале он назывался «Орфей»). Интересно обоснование того, почему обратились именно к Пушкину, — он не просто побывал в Гурзуфе, а был счастлив там.

И началось — совместные походы в горы, театральные представления, участие в ежегодных Пушкинских праздниках, костюмированные балы в духе пушкинского времени. Важным делом стало воссоздание музея в доме, где когда-то жил в Гурзуфе Пушкин. Но главное — это удивительное чувство духовного родства, объединенности, которое охватывало детей и педагогов в лучшие минуты совместной работы. Так принципы пушкинской дружбы входили в современную жизнь. Гурзуфская школа постоянно находилась в развитии — строилась, хорошела. Гостей удивляли интерьеры — заросли декоративных растений, множество аквариумов и даже японский сад.

Разумеется, существовать в то время такой яркой личности, как Пазухин, было крайне сложно. Шла упорная — не на жизнь, а на смерть — борьба с местными руководителями образования, которые считали Анатолия Федоровича самым неудобным директором, какого только можно придумать.

1983

«В современных условиях невиданного противоборства двух полярно противоположных мировоззрений коммунистическая убежденность предполагает готовность молодых людей к посильному участию в идеологической борьбе как важному показателю гражданской позиции».

Г.И. Школьник

И.Я. Лернер

Когда хотят привести пример настоящего ученого-педагога, то чаще всего вспоминают Исаака Яковлевича Лернера (1917-1995). Как и большинству из поколения «ровесников Октября», ему выпала нелегкая, но насыщенная событиями жизнь. Родом из украинского села в Хмельницкой области, рано лишившийся погибших во аремя погромов родителей Лернер перед войной заканчивает истфак МГУ. Затем преподает в вузах. Далее — Великая Отечественная от края до края.

После войны — защита диссертации на степень кандидата исторических наук и в 1950-м г. арест. Исаак Яковлевич уходил в воронку все более раскручивающейся кампании против «безродных космополитов». Потянулись годы заключения, которые не только не сломили Лернера, а духовно и нравственно закалили, придали ему особую смелость, даже отвагу. ...Врезалось в память, как на одном из собраний в 1989 г. на Лернера, вошедшего в состав ВНИКа и считавшегося у Президиума АПН чуть ли не предателем, кричало академическое руководство. На что, побледнев, но не дрогнув, Исаак Яковлевич сказал: «Запугать не удастся — на меня во время развода орал начальник лагеря».

Во второй половине 50-х годов — после реабилитации — Лернеру пришлось начинать все сначала. Он уходит из любимой истории в педагогику — в АПН, где разрабатывает вопросы преподавания истории и формирования мировоззрения.

С середины 70-х годов после конфликта вместе со Скаткиным

он перешел в Институт общей педагогики, где вплотную занялся разработкой вопросов дидактики проблемного обучения.

На начало 80-х приходится пик научной результативности Лернера: опубликованы его главные книги «Процесс обучения и его закономерности», «Дидактические основы методов обучения». В 1983 г. под его редакторством и при самом активном авторском участии выходит в свет фундаментальная монография «Теоретические основы содержания общего среднего образования». В этот период Лернер обосновал состав и структуру содержания образования, адекватные социальному опыту, особо выделив в нем опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностного отношения к миру.

В это же время Лернер преподает в Институте повышения квалификации АПН. На его блестящие лекции стекались сотни преподавателей вузов, для них Исаак Яковлевич — непререкаемый авторитет в области теории дидактики. Некоторые становились затем его аспирантами. Лернер заносил своих учеников в специальную тетрадь — число далеко перевалило за 70. Он создал научную школу отечественных дидактов.

А вот официальное признание к Лернеру совсем не торопилось. Академическое начальство не жаловало независимого и принципиального ученого-еврея. Только в 73 года он становится членом-корреспондентом АПН, профессором. Воистину, в России надо жить долго.

А ведь Исаак Яковлевич очень ценил знаки внимания, уважения. И в полной мере его заслуживал. Он был вечный труженик. В памяти его детей образ отца — это человек, согнувшийся над письменным столом. Причем ему было очень тяжело работать — спина была поражена еще с лагерных времен костным туберкулезом.

...Уже тяжело больного Лернера из дома срочно вызвали на заседание диссертационного совета — не хватало кворума. Вернувшись, почувствовал себя плохо и ночью умер. Кворум он обеспечил.

«Жемчужина России»

Так сложилось, что в это время гуманистический педагогический поиск значительно более свободно развивался вне школьных стен. В пионерских лагерях, как, например, в газмановском «Маяке». Или же в учреждениях санаторного типа. Самое известное из них — анапская «Жемчужина России». Это был действительно уникальный комплекс — 4 санаторных пионерских лагеря, восьмилетняя школа с многочисленными кружками и клубами по интересам, стадион, игровые пло-

щадки, зооуголки, лечебная база, оборудование по последнему слову медицинской науки и техники.

Но главное — в этой необыкновенной обстановке, где еще было море с прекрасным пляжем, осуществлялась самая настоящая лечебная педагогика. Душой всего дела являлся замечательный врач и педагог-гуманист Алексей Александрович Дубровский. У него была нелегкая судьба — тяжелое детство сироты, трудные фронтовые дороги, которые он прошел совсем мальчишкой. А в начале 90-х смерть ненаглядной жены.

Может быть, поэтому главного врача «Жемчужины России» отличало какое-то особое трогательное внимание к детям, святая любовь.

В комплексе была создана удивительная среда, насыщенная творчеством. Дети сами выбирали виды занятий. Большое место отводилось общению с природой. Каждый выход на прогулку превращался в праздник, окрашенный переживанием радости и добрых чувств. Вообще все в «Жемчужине России» насыщалось особой щадящей, гуманной атмосферой. Только один факт: педагог, на глазах детей пнувший дворнягу, был тут же уволен.

Неудивительно, что дети, побывав в «Жемчужине России», излечивались не только телом, — они оттаивали душой. А тот нравственный заряд добра, который здесь получали, сохранялся на долгие годы, а то и всю жизнь.

1984

«Основные направления реформы школы, разработанные ЦК КПСС, имеют огромное значение для дальнейшего совершенствования всего дела народного образования в нашей стране».

Ю.К.Бабанский

Ролан Быков

Наивно представлять, что воспитание и образование осуществляется только и преимущественно через уроки и классные часы, а аккумулируется в педагогической и методической литературе.

По крайней мере, в 70-е гг. — первой половине 80-х таким всесоюзным воспитателем являлся замечательный режиссер и актер Ролан Антонович Быков (1929-1998).

Он рано нашел свое призвание. В 10 лет снимался в кино, а в 16 поставил первый спектакль в театре детского творчества. Окончил Вахтанговское училище. В 1957 г. организовал при МГУ Студенческий театр, преобразовав самодеятельный коллектив в профессиональный. Здесь начали свой творческий путь многие известные актеры.

В кино он сыграл свыше 100 ролей, в которых через эксцентрику, сатиру или героизм всегда проступал трогательный образ «маленького человека» из «Шинели».

Несомненно, Ролан Быков — самый выдающийся режиссер детского кино. Он обновил его, введя театрализацию, музыкальную сказку. На его добрых гуманных фильмах «Айболит-66», «Внимание, черепаха», «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» выросли поколения.

Быков, как никто, умел работать с маленькими актерами. Он разработал методику работы с ними в процессе съемок, направленную на развитие творческих способностей и на воссоздание в фильме мира детства. Однако настоящее потрясение многие пережили в 1984 г., когда на экраны вышел фильм «Чучело». Сейчас, когда за последнее десятилетие пролились озера детс-

ких слез, а про советскую школу были сказаны все самые страшные слова, трудно понять, чем так потрясла тогда история о девочке, затравленной одноклассниками. А ведь после создания фильм был запрещен, год пролежал на полке. Шли его закрытые просмотры. Быков отчаянно боролся за выход картины на экраны. Он мистично верил, что после того как страна увидит «Чучело», она очистится и станет другой — лучше, гуманнее, человечнее.

И действительно, картина вызвала оглушительный резонанс. Устраивали коллективные просмотры для школьников и педагогов, спорили на педсоветах, совещаниях и конференциях. Педагоги слали в высокий инстанции письма протеста, заявляли, что Быков оклеветал советскую школу и советского учителя. И это во многом происходило от того, что Быков покусился на два тотема: он показал, что может быть права личность, а не коллектив; педагоги же оказались не только равнодушными, но и омерзительными. Конечно, такая правда мало кому понравилась.

Но за всем творчеством Быкова в детском кино стояла более глубокая тема, чем простое обличение. Он был убежден, что необходима защита детства, как одна, наряду с миром и экологией, из глобальных проблем, как фактор спасения человеческого духа.

Об этом Быков всегда говорил в своих выступлениях. Он был великим оратором в полном смысле этого слова. Его, затаив дыхание, слушали часами. Причем по стилю это был доверительный разговор, а по содержанию — поток сознания. Быков, несомненно, являлся философом-самородком, немало претерпевшим всяких гонений и неслучайно много пившим.

Внешне в конце 80-х — начале 90-х годов для Ролана Антоновича наступили благополучные времена. Он наконец-то, в 61 год, становится народным артистом, лауреатом Государственной премии. Даже членом-учредителем РАО и соответственно академиком. Создает и руководит Международным фондом развития кино и телевидения для детей и юношества. Но на самом деле все обстояло достаточно печально, и главное, отчего так убивался Быков, — совсем прекратило существование отечественное детское кино. Этого в итоге он так и не смог пережить.

Школа № 1573 на Юго-Западе

Сейчас это многопрофильная гимназия с гуманитарным, физико-математическим и естественнонаучным отделениями. Среди учащихся преобладают дети из интеллигентных семей.

И это символично. Ведь с 1975 г., когда директором стал Юрий Владимирович Завельский, школу отличала атмосфера подлинной интеллигентности.

У Завельского всегда выделялся своеобразный приоритет в работе — творческое самочувствие педагогов. Он старался внимательно следить за общим тонусом в коллективе, повышая его за счет создания новой творческой ситуации и вовлечения в нее людей.

Лицом же, даже сущностью школы Завельского являлось погружение в культуру через театр. Театр в образовательном учреждении — явление, конечно, не уникальное, имеющее давние традиции. Ведь детям всегда была присуща потребность играть и в игре реализовывать себя. Но у Юрия Владимировича, человека бесконечно влюбленного в театр, в юные годы несколько лет проработавшего монтировщиком сцены во МХАТ-е, театр стал центром школьной жизни. Сначала это были отдельные спектакли, а затем целые культурные эпохи, которые уже играла не сценическая труппа, а вся школа. Более того, все вехи в жизни школы проходят в театрализованной игре.

Педагогам, которые приходили на работу, первым делом задавался вопрос: Сколько раз Вы бываете в театре в течение недели? Это было важно, так как в дни культуры, традиционно проводимые в школе, лицедействовали не только школьники, но обязательно ставится учительский спектакль. Более того, два раза в год — в ноябре и апреле — игрались учительские капустники, где директор и педагоги попросту на глазах детей, родителей валяли дурака и не стеснялись этого.

Здесь открыли для себя и воплощали в жизнь одну важную истину — если знания не оплодотворены чистотой, любовью и добротой, а самое главное — поиском смысла жизни, то в конечном итоге приводят к саморазрушению личности. Наверное, в такой обстановке и должен расти ребенок, она создает благородство, которое как бы шлифует душу человека, мозг и сердце. Это действительно очень важно.

1985

«Главная цель реформ — поднять образование и воспитание на качественно новый уровень, соответствующий условиям и потребностям развитого социализма»

З.А. Малькова

А.А. Католиков

Его и при жизни называли «Спасателем», а когда ушел этот необыкновенный педагог и удивительный человек, то стало особенно ясно, насколько же осиротел Мир детства.

Александр Александрович Католиков много лет директорствовал в Сыктывкарской школе-интернате для детей сирот и детей, лишенных родительского попечения. И в этой роли предстал перед всесоюзным телезрителем на памятных вечерах в Останкино. Благодаря этим встречам перед страной в первый раз так широко предстало учительство — вовсе не молоденькое, но зрелое, сложившее свой собственный опыт в убежденность. Католиков на той встрече сказал: «Мечтаю остаться без работы, мечтаю, чтобы матери совсем перестали бросать детей».

Но до школы-интерната была не менее значимая и даже драматичная полоса жизни. Католиков потрясающе руководил Домом пионеров, сумев превратить его из ординарного учреждения в притягательный магнит для детей. Здесь царила атмосфера разнообразного творческого поиска. Что стоил только один пример — летом кружковцы отправлялись на пароходе в длительное плавание, выступая перед населением.

Но как бывает на гребне успеха, удачи, Александра Александровича поджидала беда. Когда он возвращался с одной из поездок, на переезде застрял автобус. И Католиков — большой и сильный — до последнего высаживал из него детей, а сам не успел — врезался поезд. Получив многочисленные травмы, Александр Александрович чудом выжил — его смяло, сломало, и ушли годы, прежде чем он воспрял.

Надо было искать новое применение сил, и в 1975-м Католиков берется за самое трудное дело — директорство в школе-интернате. В здании не было ни одной целой двери, не говоря уже о водопроводе, канализации. Половина детей болела менингитом, другая — дизентерией, Сан Саныч — так звали его в интернате — круто взялся за дело. Этот человек обладал огромной положительной энергией, удивительным свойством неравнодушия. Около него все крутилось, вертелось, заводилось. Если он смеялся, смеялись все, если мрачнел, тоже мрачнели все.

За 20 лет напряженного труда школа-интернат преобразилась. Она превратилась во дворец: прекрасные здания, оранжереи, бассейн. Все строилось по семейному типу: каждый класс проживает в отдельном отсеке — квартире, где личные комнаты на два-три человека, общая игровая, гостиная. Под стать была организована и добрая, необыкновенно интересная жизнь детей-питомцев.

В 1987 г. возник Детский фонд, и, ясное дело, Католиков был одним из его основателей. И, казалось, дело стало улучшаться, в стране даже начали сокращать количество детских домов. Уменьшалось и число брошенных детей. Но в 1991 г. все обрушилось. Католиков очень переживал. Пытаясь выжить, переименовал свое учреждение в агрошколу-интернат. Ребята получали различные профессии. Надо было видеть Католикова в Межадоре, где располагалась база агрошколы. Он гордился десятками тракторов, всякого рода прицепных орудий, сияющих чистотой машин. Но государство бросило сирот на произвол судьбы. В 1996-м, роковом для Католикова году бюджет задолжал его интернату три миллиарда (!) рублей. Чтобы хоть как-то обратить внимание власть имущих, Александр Александрович отказался от ордена «За заслуги перед Отечеством», которым был награжден.

...На его похороны пришли тысячи людей, такого в Сыктывкаре не было никогда. Католиков был частью города, более того — совестью. Его даже побаивались местные власти. Ушел символ защиты детства. Не стало Спасателя.

Школа-интернат №2 Владивостока

После того как в октябре 1985 г. без преувеличения вся страна смотрела встречу в студии «Останкино» с директором школы-интерната Николаем Николаевичем Дубининым, он и его интернат оказались в центре внимания и признания.

Во Владивосток зачастили делегации, пришли сотни писем от родителей, учителей. Педагоги в основном умоляли выслать им

разработки, о которых рассказал Дубинин, но более всего просились на работу в интернат, даже без зарплаты.

Чем же так потряс педагогическую общественность опыт скромного провинциального интерната? Дело в том, что за 28 лет директорства Дубинин, целенаправленно и творчески развивая идеи Макаренко и Сухомлинского, сумел создать оригинальную и продуктивную систему воспитательной деятельности. Его питомцы трудились в мастерских, выпуская гипсовые плиты, в загородном трудовом лагере. Зарабатывали по 25 тысяч тогдашних «тяжелых» рублей в год. В интернате еще в 70-е были созданы профильные классы: математические, биологические, геологические, куда отбирали по конкурсу талантливых ребят со всего края.

Педагоги и их воспитанники жили одной семьей, разнообразной и яркой жизнью. Но, пожалуй, наибольшее впечатление тогда произвело обучение «подвижным методом»: ученики на уроках не сидели за партами, а стояли за конторками. Педагоги также не сидели, а ходили по классу, и дети могли с ними свободно общаться, ходить; если ребенок уставал, он мог посидеть на скамеечке. У детей, благодаря этому заметно улучшалось зрение, осанка. Но главное все это демократизировало и гуманизировало обстановку в классе.

К сожалению, Дубинину недолго затем удалось директорствовать. Уже в 1988 г. краевые власти, найдя предлог, расправились с борцом за социальную справедливость и, беспощадно вырвав Николая Николаевича из мира детства, выпроводили на пенсию.

1986

«Считаю необоснованными суждения в прессе о преследовании и опорочивании педагогов-новаторов со стороны научных сотрудников. Несостоятельно утверждение об игнорировании педагогической наукой живого педагогического опыта».

И.Д.Зверев

В.Ф. Шаталов

В общественно-педагогическом сознании прочно укоренились символы и штампы. Когда ищут синоним к слову «учитель», сразу приходит на ум Макаренко. Понятие же «педагог-новатор» неотъемлемо связано с именем Виктора Федоровича Шаталова. И не случайно.

Шаталов родился в педагогической семье: отец читал в политехническом институте курс физической химии. Среди родственников было немало учителей. В 17 лет Виктор Федорович начинает службу на флоте, которая не только закалила физически, но и подтолкнула к творчеству. Курсант школы военных топографов удивлял преподавателей нестандартными подходами к усвоению знаний.

Свои первые уроки физики Шаталов давал в начале 50-х годов в небольшой школе на окраине Донецка. А в сентябре 1970 он разворачивает эксперимент в восьмом классе школы № 13 г. Донецка. Результаты превзошли все ожидания. Если по результатам первой контрольной работы только один ученик получил оценку «4». восемь — «тройки», а 20 — «двойки», то уже через год в присутствии строгой комиссии учившиеся у Шаталова школьники, державшие экзамен за курс средней школы, получили 22 «пятерки» и только 3 «тройки».

С конца 70-х годов, после выхода в свет книги «Куда и как исчезли тройки», сразу ставшей бестселлером, имя Шаталова становится невероятно популярным. На его выступления стекаются сотни учителей, забивая битком залы. А в Донецк началось насто-

ящее паломничество — тысячи педагогов стремились приобщиться к самой продуктивной технологии. Наплыв был такой, что не хватало никаких аудиторий, и семинары проходили... на бульваре. Причем на местах учителям запрещали тогда работать «по Шаталову».

Чем же так поразил тогда Шаталов учительское воображение. Подкупало то, что свой брат-педагог, а не «доктор околовсяческих наук» разработал новаторскую систему обучения. Впечатляли полученные Шаталовым результаты. Вдохновлял его оптимизм. Но, пожалуй, главное — привлекало то, что Шаталов смог технологизировать наиболее рутинную сторону урока — опрос учащихся. Опорный конспект, сигналы, магнитофонный опрос, цепочка по проверке результатов, групповой контроль, тихие ответы, мерцающее повторение прочно и органично входили в арсенал учителей.

После встречи в телестудии «Останкино» начались настоящие страсти по Шаталову. Однако переменчива педагогическая мода. Уже следующие его книги «Точка опоры», «Педагогическая проза» были встречены сдержанно. Раздражала и начавшаяся кампания по внедрению «системы Шаталова». Эффективная для физико-математических предметов, она сложно шла на истории, литературе.

В 90-е годы о Шаталове стали постепенно забывать. Появились новые педагогические мессии и кумиры, да и вся его чисто «знаниевая» система смотрелась невыигрышно на фоне новомодных антропологического и культурологического подходов.

Школа № 825

Всегда кажется, что необыкновенная школа должна и внешне выделяться среди других — располагаться в диковинном здании, похожем на сказочный дворец, а еще лучше — среди парка. Наверное, у каждого, кто первый раз подходил к московской школе № 825, появлялось чувство некоторого разочарования — банальный типовой проект «самолетиком», вокруг обычный «спальный» район с весьма пестрым социально-профессиональным составом.

Главное же находилось внутри этой территории Детства. Четверть века школу возглавляет Владимир Абрамович Караковский — личность известная и авторитетная среди учительства.

В 1977 г. его, преуспевающего директора престижной спецшколы №1 г. Челябинска, приглашают руководить обычной окраин-

ной московской школой. Несомненно, Владимиру Абрамовичу нужна была определенная смелость, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Но не совсем. В школу №825 пришел «коммунарский директор», который уже имел сложившуюся воспитательную концепцию. Затем она воплотилась в систему. Ведущей идеей являлась ориентация на личность школьника, его интересы и способности. А воплощалось это в таких положениях, как: интеграция педагогических воздействий «Мы — школа»; коммунарская методика; высокий уровень неформальных межличностных отношений; творчество. И, конечно, непосредственная связь с настоящей наукой (коллектив, руководимый Л.Новиковой и Н.Селивановой).

Чем же прославилась 825-я. Наиболее известны ее ключевые комплексные творческие дела (воспитание «большими дозами»), творческие учебы, коммунарские сборы.

Пожалуй, главное, что всегда характеризовало атмосферу школы, это творчество, поиск, импровизация. А еще — романтика и игра. Все это вместе создавало коллектив, в котором преобладала альтруистическая направленность.

1987

«Самоуправление в учебных заведениях — важное звено широкой и разветвленной системы образования, мощное средство обновления и демократизации сферы образования, преодоления застойных явлений, бюрократизации».

В.В.Петухов

В.Ф. Матвеев

Стоит только в обществе педагогов произнести словосочетание «Матвеевская «Учительская», и сразу у людей светлеют лица, появляется добрая и немного грустная улыбка. Как воспоминание о волнующих, приятных, но, увы, ушедших навсегда временах молодости. Хотя Владимир Федорович Матвеев (1932-1989) пришел в «Учительскую газету» еще в декабре 1983-го именно на 1987-88 годы приходится пик деятельности, его акме.

А ведь, казалось бы, первые жизненные шаги не предвещали Владимиру Федоровичу педагогической стези. Он заканчивает престижнейший МИМО, и перед ним, свободно владеющим английским и испанским, открывается прямая дорога к сказочной дипломатической работе.

Но судьба повлекла его по другому пути. Заглянув студентом в поисках заработка в находившийся поблизости к институту детский дом, он так навсегда и остается вместе с детьми. Наверное, сказались гены — отец учительствовал, воспитательницей в детском саду работала мама.

После института Матвеев с головой уходит в журналистику — «Вожатый», затем «Пионер», главным редактором которого становится. А параллельно в начале 60-х изучает в аспирантуре у знаменитого психолога Б.М.Теплова стрессы, состояния тревожности и поведения в экстремальных ситуациях. Во второй половине 80-х годов Владимиру Федоровичу придется постоянно применять все эти знания на практике.

В сентябре 1986 г. «Учительская газета» публикует манифест «Педагогика сотрудничества», подготовленный по материалам встречи с учителями-новаторами. Так появилась первая программа обновления школы.

С 1987 г. «Учительская газета» вступает в становящуюся все более непримиримой борьбу с Министерством просвещения (кстати, издателем газеты), Академией педнаук, а затем, даже тогда это было страшно представить, с всесильным отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.

Но принципиальная борьба с консерваторами и ретроградами являлась лишь частью деятельности Матвеева. Он выступал настоящим выразителем социальной журналистики. Вокруг газеты стало собираться все живое и честное в педагогике. На страницах «Учительской» появилась «Эврика», возродилось коммунарское движение. А затем ВНИК «Школа», Творческий союз учителей. Матвеев призвал в газету гонимого тогда Соловейчика, привлек талантливых журналистов, пишущих педагогов, психологов, философов, социологов.

Газета стала чрезвычайно популярной, тираж превысил 2 млн. экземпляров. Но читателей было во много раз больше. Так получилось, что благодаря «Учительской» обновляющаяся школа оказалась впереди общества.

Разумеется, долго терпеть это власти не могли. В духе «чисто партийного убийства» в 1989 г. Матвеева отстраняют от руководства любимым детищем, переводят в зам. редактора «Учительской», ставшей теперь органом ЦК КПСС. Все это губительно сказалось на здоровье, ускорило развитие тяжелой болезни. 25 октября 1989 г. его опустили в могилу на Долгопрудненском кладбище, где покоится мать.

Все, кто знали Владимира Федоровича, помнят его как талантливого, высокого, красивого, доброго, благородного человека. Он был безбытен, бескорыстен, беззаветен в своем служении газете и педагогике. Матвеев — настоящий шестидесятник олицетворял собой «социализм с человеческим лицом». Его лицо было прекрасно.

«Эврика»

С 1987 г. это название, предложенное главным редактором «Учительской газеты» для нарождающегося неформального клуба, становится известным всему учительству. Прежде всего привлекала невиданная доселе свобода. Без всяких санкций руководящих органов образования учителя из разных городов по собственной инициативе, прочитав

объявления в газете, стали съезжаться для проведения уроков-панорам. Это тоже было необычно. Преподаватели давали уроки в незнакомом классе и должны были сразу завоевать внимание ребят, вызвать интерес. Конечно, для этого мало было только являться крепким профессионалом. Требовались и артистизм, коммуникабельность. Но главное — разнообразный методический арсенал.

Как правило, в «Эврику» стремились молодые учителя, жаждавшие творчества, свободы самовыражения, да и что таить, удовлетворения здорового тщеславия, амбиций. Конечно, такие уроки-панорамы способствовали сближению учителей «одной крови», выкристаллизировали стремления к более устойчивому сообществу.

В 1988 г. наступает апогей движения авторской школы. Создаются клубы «Эврика» не только в Москве, но и на местах. В педагогическое творчество втягиваются уже тысячи учителей. Под руководством бессменного лидера движения авторских школ, Александра Адамского «Эврика» делает важный шаг. Теперь проходят конкурсы проектов авторских школ, что выводит поиск учителей на новый виток — проектируются уже инновационные образовательные учреждения. Важным событием явились фестивали в Красноярске, в Асаново под Ижевском. Именно «Эврика» породила массовое общественно-педагогическое движение. В дальнейшем у «Эврики» были и взлеты и периоды затишья, менялись формы. Сейчас Образовательный институт «Эврика» существует в виде сети федеральных экспериментальных площадок.

1988

«В педагогике нужны революционные перемены. Следует отказаться от системы, построенной лишь на воспроизведении учащимися сообщаемых ему знаний, важно прежде всего повысить уровень творческого применения знаний в школе»

Г.А. Ягодин

Э.Д. Днепров

Общественно-политическая ситуация второй половины 80-х годов стимулировала выдвижение на передний план людей ярких, самобытных и неоднозначных. По отношению к Эдуарду Дмитриевичу Днепрову в полной мере относится тезис «он выбрал время — время выбрало его».

Молодые годы Днепрова связаны с флотом: получил военно-морское образование, служил офицером, но призвание ощущал к другой деятельности. В итоге после сложных и острых коллизий ему, получившему журналистское образование в ЛГУ, удается демобилизоваться и заняться научной работой. Ученик Нечкиной, он защищает диссертацию по общественно-педагогическому движению второй половины XIX века. Затем руководит издательством «Педагогика».

Но вскоре после очередных пертурбаций оказывается в Академии педагогических наук. Потекли размеренные дни в тишине академических кабинетов. Днепров успешно занимается научными исследованиями, историографией, готовит к изданию «Педагогическую библиотеку».

Однако его вулканической натуре было тесно в академической жизни, бурный общественный темперамент искал выхода. И когда началась перестройка, наступает время Днепрова. Весной1987 г. происходит его судьбоносная встреча с В.Ф.Матвеевым, и на страницах «Учительской газеты», а затем и других изданий (в том числе и «Правды») одна за одной публикуются острые, мастерски (профессионально) написанные статьи Днепрова, приковывающие внимание, вызывающие споры.

Обаятельный человек, харизматический лидер Эдуард Дмитриевич привлекает к себе ярких незаурядных людей, стремящихся обновить, перестроить отечественное образование. Неудивительно, что именно Днепров становится 1 июня 1988 г. во главе ВНИКа «Школа». Это был звездный час, прочно вписавший его имя в анналы истории педагогики. На кипучей творческой жизни этого коллектива, непростых отношениях с властью, несомненно, рельефно отпечаталась личность Днепрова.

Когда в 1990 г. создается правительство Российской Федерации, Днепров становится Министром образования. Он включается вместе с другими сподвижниками Ельцина в борьбу против Горбачева, союзной власти. После августа 1991, повлекшего слом союзных структур, Днепров становится во главе образования России. Он привлекает к работе в Министерство соратников по ВНИКу. Однако мало кто из них смог, да и захотел тянуть чиновничью лямку.

Летом 1992 г. были разработаны интересные и перспективные материалы школьной реформы. Однако осуществить ее не удалось, Днепрова неожиданно отправили в отставку. Он очень тяжело это пережил. Но духом не пал, и в 90-е годы Эдуард Дмитриевич написал несколько книг, десятки статей о современной образовательной политике. Яростно критических. Это еще больше добавляло ему врагов.

Вообще по отношению к Днепрову доминировали два чувства: или любовь, или ненависть. Не было только равнодушия.

Думается со временем, когда позабудутся современные споры, история все расставит на свои места. И воздаст Днепрову по заслугам. Как не относиться к нему, он навсегда останется первым министром образования свободной России.

ВНИК «Школа»

Первого июня 1988 г. приказом Госкомитета по народному образованию был порожден уникальный феномен: Временный научно-исследовательский коллектив «Школа».

Эта идея еще с осени предшествующего года блуждала по партийным и министерским коридорам. Материализовалась же она благодаря смелости председателя Госкомобразования Геннадия Ягодина.

Во ВНИК вошли истосковавшиеся по свободе творчества, а главное — вдохновленные появившейся реальной возможностью воплощения своих замыслов в жизнь педагоги Бим-Бад, Лернер, Неменский, психологи Давыдов, Петровский, Слободчиков, социолог Собкин, экономист Сабуров, юрист Лукьянова. Всего око-

ло 50 исследователей. Лидером и руководителем коллектива был Эдуард Дмитриевич Днепров.

Как видно, ВНИК изначально формировался как междисциплинарное сообщество талантливых специалистов и порядочных людей, находившихся в оппозиции к Академии педагогических наук.

ВНИК сразу оказался в жестких временных рамках: к декабрю — сроку проведения Всесоюзного съезда работников образования — должны были быть готовы Концепция общего среднего образования, Положение о средней школе, десятки других важных документов. И это удалось сделать, благодаря подвижничеству членов ВНИКа, денно и нощно увлеченных общим делом.

Конечно, документы в итоге вышли неровные — были очень интересные, но имелись и откровенно неудачные, например, по профессиональному образованию. Да и создавались они в русле общей тогда линии «больше социализма». Но, несомненно, именно ВНИК придал импульс реформе российского образования в сторону его вариативности, регионализации, демократизации, гуманизма и гуманитаризации.

Что же касается судеб членов ВНИКа, то они сложились поразному! Оказавшись в 1991-92 годах у власти, большинство из них было затем из нее низвержено. А бывшие закадычные друзья стали непримиримыми врагами.

1989

«Приняли решение о переводе в следующий класс с двойками. Я — против. Могут сказать: ты консерватор, отстал от времени. А вот мне кажется, что мы ищем себе легкой жизни».

Н.Н. Палтышев

Н.Я. Эйдельман

Неожиданная смерть Натана Яковлевича Эйдельмана (1930-1989) очень болезненно отозвалась в среде интеллигенции. Ведь только начиналось его время...

Нельзя не поражаться тому, что он успел сделать. Автор 25 книг, нескольких сотен статей, очерков, эссе. Участник издания целой серии ценнейших памятников русской общественной мысли. Пушкинист, декабристовед. Авторитетнейший специалист по истории русского абсолютизма.

А ведь жизнь совсем не баловала Натана Яковлевича. После блестящего окончания в 1952 году истфака МГУ его — еврея и сына репрессированного — никуда не брали на работу. С огромным трудом удалось попасть в школу. Он учительствовал шесть лет с большой пользой для своих учеников: об Эйдельмане — школьном учителе истории — до сих пор рассказывают легенды.

Однако вскоре последовал новый удар — за участие в университетском кружке свободомыслящих историков ему навсегда закрывают дорогу в вузовско-академическую среду. «Забота» органов продолжалась и все последующие годы. В 1987 г. в отчете КГБ сакраментально отмечено: «Взят в изучение литератор Н.Эйдельман».

И к этому действительно были определенные предпосылки. Нет, Натан Яковлевич не был диссидентом, но все его книги, выступления действительно являлись опасными. Ведь он поставил перед глазами общества развитого социализма его гнетущее и неоспоримое подобие — николаевскую Россию. И суждения ее испо-

ведников, отщепенцев, страдальцев и обвинителей зазвучали как адресованные обитателям России брежневской.

В 1970-80-е годы на выходивших огромными тиражами книгах Эйдельмана «Лунин», «Апостол Сергей», «Большой Жанно» и других молодые люди постигали навыки нового, раскованного, освобожденного от догм исторического мышления, осознавали то, что они живут в истории.

Лишенный возможности преподавать, Эйдельман в 60-80-е гг. изъездил с выступлениями всю страну. Это, разумеется, не были сухие академические лекции. Натан Яковлевич со всем его темпераментом, артистизмом, эрудицией, внутренней свободой впервые вывел историю на подмостки массовой аудитории, воплотил в своем облике ее устную, говорящую, ораторскую стихию. Эйдельман, несомненно, был великим, возможно, самым великим в XX веке, российским просветителем.

Трудно переоценить нравственную сторону воздействия эйдельмановской прозы, его выступлений на молодых учителей и вообще интеллигенцию в те глухие годы. Надо было видеть, как студенческая аудитория, затаив дыхание внимала рассказам Эйдельмана о жизни по законам правды, чести, бескорыстия Лунина и Пушкина, Мицкевича и Карамзина.

После Эйдельмана в России так и не появился сравнимый по авторитетности историк, публицист, просветитель...

Российский открытый университет

Еще в середине 80-х годов невозможно было представить появление в нашей стране частных школ, а тем более вузов. И обусловливалось это не только коммунистической идеологией, но и убежденностью населения, да и большинства педагогов в том, что брать деньги за святое дело обучения невозможно, более того, безнравственно. Через все эти сомнения, муки, иллюзии прошел и ректор первого негосударственного вуза — Российского открытого университета — Борис Михайлович Бим-Бад.

Замысел создания ни на что не похожего университета, воспроизводившего лучшие традиции российской вольной высшей школы начала XX века, зрел у него давно. Но потребовалась серьезная поддержка тогда уже очень больного В.Ф.Матвеева, чтобы идея смогла материализоваться.

Предполагалось, что в университете будут преподавать самые лучшие профессора, изучаться новые, необычные тогда предме-

ты типа педагогической антропологии, религиеведения, культурологии. Да и деньги (самый щепетильный момент) собирались брать со студентов только в виде платы за учебные пособия, которые они получали. Впрочем, для инвалидов, других незащищенных категорий предусматривалось бесплатное обучение.

Сейчас, по прошествии более десятка лет ясно, что далеко не все планы осуществились. Многие черты русской негосударственной школы прошлого (например, вольнослушатели) оказались просто невоспроизводимы в современных условиях. Да и необходимость следования государственному стандарту внесла вынужденные коррективы в учебный план.

Но главное, Университет Российской академии образования, как он теперь называется, живет, здравствует и развивается.

1990-1999

Контекст

Начало десятилетия — это время глубоких, кардинальных изменений в жизни государства и общества, каждого человека. Уход с политической арены КПСС, развал СССР, крах военно-промышленного комплекса, разрыв экономических связей, резкое обнищание основной массы населения, безработица, разгул преступности, деградация армии и флота. А если к этому добавить внезапную деидеологизацию общества, потерю социальных и нравственных ориентиров, то станет понятна вся масштабность трансформаций, пережитых школой, учителем, семьей, детьми.

Взамен, в качестве некоторой компенсации потрясений и потерь была обретена свобода, в том числе свобода творчества. Стал возможен выезд за границу. Постепенно наполнились, а затем и переполнились магазинные полки. А на этом фоне не только возрождение православной церкви, стремящейся все более активно влиять на сферу образования, но и рвущиеся в школы проповедники всех мастей и сект.

Высокий взлет самосознания и духовной свободы, пережитый в августе 1991 г., достаточно быстро сошел на нет. Начался мучительный поиск молодежью новых нравственных ориентиров в обстановке, когда девальвировались, оказались попранными базовые ценности — добросовестный труд, бескорыстие, альтруизм, честность, скромность, коллективизм. Вместо этого насаждались миазмы культа денег, бессовестного, любой ценой обогащения, криминальные кодексы «братков». Утверждался термоядерный по своей разрушительной силе принцип: «Бесплатный сыр только в мышеловке». Культивировалось отчуждение между государством, обществом, людьми. Отношения строились по звериной логике «это его проблемы».

Школа в 90-е годы в полной мере ощутила, что такое быть частью общества эпохи перемен. Учителя месяцами не получали зарплаты, голодали, холодали, бастовали. Ветшала материальная база. Для массовой, особенно сельской, школы это десятилетие оказалось самым тяжелым за послевоенное время.

А вокруг — в социуме — распадались семьи, мужчины утратили возможность быть кормильцами близких. Нарастала волна беспризорности, увеличивалось число сирот при живых родителях.

Образовательная политика

Собственно, целенаправленная образовательная политика проводилась лишь в 1991-92 году, когда был принят прогрессивный закон «Об образовании», начали воплощаться в жизнь такие принципы, как гуманизация и гуманитаризация образования, его вариативность и многообразие, регионализация управления. Летом 1992 г. был подготовлен пакет реформ в сфере экономики образования, однако реализован он не был.

В последующее время среднее образование носилось по бурным волнам перемен без руля и без ветрил.

Симптоматично, что все попытки принять программу развития образования, стандарты, содержание образовательных областей закончились безрезультатно. Да и подготовленные в 1999 г. и с большой помпой принятые национальная доктрина образования, концепция 12-летней школы в итоге оказались позабыты-позаброшены.

Вместе с тем к концу десятилетия постепенно прорастали идеи, в свое время нещадно раскритикованного проекта реформы образования 1997 г., нашедшего свое воплощение в стратегии развития современной России.

Вообще же от 1992 к 1999 гг. нарастали тенденции к постепенному размыванию, демонтажу и свертыванию позитивного потенциала реформы, нарастал управленческий реванш.

Впрочем, происходили и прогрессивные процессы: в школу вернулось воспитание, а сами образовательные учреждения, хотя и вынужденно стали воздействовать на социум, стараясь позитивно преобразовывать его.

Идеи

На протяжении десятилетия прежде всего происходило проникновение, прорастание широчайшего спектра новых для российского образования педагогических идей, если и не в массовую, то по крайней мере, в «продвинутую» школу. Заявленные в конце 80-х годов и бывшие тогда достоянием узкого круга творческих педагогов, эти идеи усилиями стоявших за ними подвижников развивались и вширь, и вглубь. Речь идет о Монтессори-педагогике, вальдорфской школе, развивающем обучении, системах Занкова и Давыдова—Эльконина. Даже такие изначально эзотерические философии образования, как «Школа диалога культур» или «Школа Рериха» и то обрели десятки верных адептов.

Все это расцветило российское образовательное пространство, создавая диалоговое поле и возможность, пусть и не в полном

объеме, выбора учителями и учениками — наиболее отвечающих им школ, педагогических систем. Причем все это происходило достаточно свободно, по инициативе снизу, что свидетельствовало о начале складывания в педагогической среде основ гражданского общества.

Однако явно ощущался острый дефицит новых педагогических идей. К их числу можно отнести, пожалуй, только школу возраста И. Фрумина, да вероятностное обучение А. Лобка.

Судьбы

Странный парадокс, казалось, воздух свободы 90-х годов должен был наполнить паруса творчества и на педагогическом небосклоне одна за другой зажигались бы новые звезды. Но ничего подобного не произошло. Российское образование только теряло и теряло: Соловейчик, Газман, Католиков, Мень, Давыдов, Мамардашвили, Шмаков, Щедровицкий, Библер...

Они уходили один за другим со звуком лопнувшей струны, оставляя невосполнимые пустоты в Пространстве Детства. Оказалось, что заменить их неким и не только, потому что личность каждого была уникальна. Дело в другом — остром дефиците новых имен. Узок круг — тонок слой. И в начале XXI века на общероссийской образовательной сцене те же персоналии: Адамский, Днепров, Пинский, Каспаржак, Лебедев, Бунимович, Тубельский, Фрумин, Ямбург. Новых лидеров нет. Вспоминаются строки Вознесенского:

«Я мечтаю о поэтическом сыне
Класса Ту или «Боинга».
Мы научили свистать пол-России,
Дайте одного соловья-разбойника».

Школы

Первая половина 90-х годов — время победы принципа вариативности и разнообразия образовательных учреждений. Вместо единообразной средней школы запестрели лицеи и гимназии, колледжи, образовательные центры, прогимназии и иже с ними. Случалось, что в одном скромном областном центре возникало в год больше лицеев, чем их было за всю историю дореволюционной России. Зачастую они создавались «отверточным способом», когда вместо одной вывески приверчивали другую. Но постепенно многие из этих школ простроились во вполне добротные, хорошо оснащенные учреждения.

Хуже дело обстояло с массовой школой, все более превращающейся в отстойники для детей несостоятельных родителей.

Однако во второй половине 90-х годов явно наметился, если и не поворот от вариативности, то консервация этого процесса. Перестали учреждаться новые лицеи и гимназии — воистину сработал принцип «кто не успел, тот опоздал».

Переживая существенный спад, даже обвал в середине десятилетия, к его концу стало вновь нарастать общественно-педагогическое движение в лице федеральных экспериментальных площадок, попечительства.

Наследие

Еще не остывший пепел истории не дает возможности лицом к лицу оценить полифоничное наследие завершившегося десятилетия. Но ясно главное, в российский педагогический менталитет оказались включены фундаментальные философские, психологические, образовательные идеи Бубера и Франкла, Эриксона и Поппера, Роджерса и Маслоу, Бахтина и Вернадского, Рерихов и Ганди, Вентцеля, Зеньковского, Гессена.

Остались добрые книги Амонашвили, Асмолова, Католикова, Никитиных, Соловейчика, Ямбурга.

Возрождены православные школы и институты, образовательные учреждения других конфессий.

Утвердился национально-региональный компонент, прививающий любовь к своей «малой родине».

Уроки

Школа не просто доказала свою уникальную способность к выживанию, но и оказалась единственным устоявшим социальным институтом общества. Исследования показали, что учителю, школе доверяет наибольший процент населения. В отличие от правительства, депутатов. Российская школа, российский народный учитель в бесчеловечных условиях не только выстояли, но даже развивались, преподав этим нравственный, духовный урок.

Другим уроком стал крах отношения государства к школе с макроэкономических позиций, как к обычному предприятию. «Настройщики механического пианино», выхолащивая из системы образования ее духовно-социальную роль, во многом усугубили тот кризис, который поразил образование в середине 90-х годов.

1990

«Наше время требует крупной, масштабной, творческой личности учителя, глубоко владеющего достижениями наук о человеке и закономерностями его развития, новыми педагогическими технологиями, искусством общения».

В.А. Сластенин

Отец Александр Мень

Сейчас, когда со времени убийства отца Александра прошло более 10 лет, особенно рельефно становится ясен масштаб этой необыкновенной личности и тяжесть той утраты, которую мы все понесли.

В 60-80-е годы Александр Мень совершил величайший нравственный подвиг — дал возможность многим интеллигентам духовно выжить, обрести нужные силы, сохранить и укрепить себя для дела просвещения. Он был Крестителем. В годы гонений, а это вся жизнь о. Александра, к нему приходили для крещения люди взрослые, сознательно, по внутреннему духовному побуждению, выбрав свой путь. Среди его духовных детей немало имен великих и прославленных, но назову два дорогих для меня — Александр Галич и Евгений Ямбург.

Александр Мень родился в 1935 г. в семье, где истинно религиозными людьми были мать и тетя. Он говорил, что решающее влияние на него оказала личная встреча с Христом. Александру было 12 лет, и он решил стать священником. Но сначала изучал биологию в институтах Москвы и Иркутска. В сентябре 1960 г. был в Донском монастыре рукоположен в священники. Окончил духовную семинарию в Ленинграде и Московскую духовную академию.

Особое место в жизни о. Александра заняла его деятельность в 70-80-е годы в церкви Новой Деревни, что в Пушкино. Именно сюда съезжались его духовные дети и те, кто еще хотел ими стать.

Всех, кто близко общался с Менем, поражала его уникальная работоспособность, бесконечные требы, регулярное чтение не-

имоверного числа лекций, катехизация и воцерквление десятков новообращенных. И при этом непрекращающаяся научная работа, писательство. Его книги, а вначале они выходили в Бельгии под псевдонимами, — это прежде всего глубокие и оригинальные научные труды (особенно по библеистике), к тому же они высокая и даже изысканная литература, словесность в лучшем смысле слова.

Отец А.Мень был единственным священником, который создал разветвленную сеть многочисленных библейско-молитвенных, богословских и катехизаторских групп и кружков. Велась работа и с детьми. В приходе на праздники ставились библейские детские спектакли.

В конце 80-х годов имя о. Александра становится широко известно. Лекции, доклады, встречи, интервью. Во время публичных лекций залы были всегда переполнены. Его выступления по радио (он участвовал в еженедельной передаче для учащихся) и телевидению привлекали многих слушателей и зрителей. Отец Александр провел в одной из московских школ урок Закона Божия, первый в государственном учреждении после революции.

Стали выходить его книги. Все это вызывало у определенной категории граждан злобу и ненависть. Не говоря уже о КГБ, который постоянно преследовал о. Александра. У него были явные недоброжелатели и в руководстве церкви. Они не могли смириться с образованностью Меня. Но больше всего ненавидели за национальность: «Да как же это так! Да как это возможно, чтобы самым ярким священником Московской патриархии был еврей».

Отца Александра убили 9 сентября 1990 г. Он шел на службу, и было еще совсем темно. Но это был рассвет, и это было воскресенье.

По официальным данным, смертельный удар по голове был нанесен топором. По суждениям независимой экспертизы — лопаткой спецназа. Убийцу так и не нашли.

А хоронили о. Александра в День усекновения главы Иоанна Крестителя. В те дни у многих было ощущение, что ветер библейской истории ударил в лицо.

Школа диалога культур

Хотя первые попытки создания образовательных учреждений, действующих в логике диалога культур, поводились с середины 80-х годов, все же именно на 1990 год приходится пик распространения этой модели. В школах Харькова (Литовский, Соломадин, Ямпольский), Красноярска (Курганов), Новосибирска (Горюхина), Москвы (Михайлова)

осуществлялась успешная опытно-экспериментальная деятельность по программе «диалога культур». Затем в различных городах стали возникать все новые и новые школы, работающие в русле этой образовательной парадигмы.

Центром и признанным лидером всего этого инновационного научно-педагогического сообщества выступал оригинальный мыслитель Владимир Соломонович Библер. Идеи диалога культур, базирующиеся на работах Бахтина и Выготского, были сформулированы Библером еще в 1975 г. в книге «Мышление как творчество», а затем последовательно развиты в ряде работ.

Однако вплоть до конца 80-х годов и речи быть не могло о реализации этих идей в школе. Дело в том, что предлагалось не некоторое улучшение, совершенствование существующего образовательного процесса, а качественное, даже кардинальное изменение не просто содержания, методов — типа школы. Этого требовало само название. Диалог, имеющий реальный образовательный и действенный смысл, трактовался как диалог культур, общающихся между собой в контексте современной культуры — вокруг «основных вопросов бытия, реперных точек удивления нашего разума».

В собственно образовательном плане осуществлялся постоянный диалог в сознании ученика (и учителя) голосов творца и теоретика как основа реального развития гуманитарного мышления.

Понятно, что такая трактовка заведомо задавала школе диалога культур элитарный, «штучный» характер. Ведь работать на столь высоком уровне способны единицы учителей. И дело даже не в широчайшей и глубочайшей культуре, которой должен обладать педагог такой школы, а в готовности учителя, ученика, родителей действовать в столь инновационной системе. Тем более не берущей на себя обязательства натаскать выпускника к поступлению в вуз, а расширяющий и возвышающий его внутренние смыслы.

1991

«Демократические процессы, происходящие а обществе придадут новый импульс качественным изменениям школьной жизни».

Н.С. Дежникова

Мераб Мамардашвили

Смерть философа Мераба Мамардашвили от разрыва сердца ноябрьским утром 1990-го в бесприютном накопителе Внуковского аэропорта не оборвала интереса к личности «грузинского Сократа», а наоборот, вызвала нарастающее внимание к его творчеству. За прошедшие годы вышло 10 его книг. Это особенно важно, так как с середины 70-х годов Мераб Константинович уже ничего не писал. Только говорил. Его выступления, доклады, лекции о Декарте, Канте, Прусте — это устное слово, импровизация, живая речь.

В 70-80-у годы, когда Мамардашвили вызывали на допросы в КГБ, не без иронии говорили: «Мы знаем. Вы считаете себя самым свободным человеком в стране». И это было действительно так. Хотя, казалось бы, эпоха была прямо противоположна тому, чтобы появлялись такие свободные личности.

В 1949 г. грузинский мальчик приезжает учиться на философский факультет МГУ; он хочет стать философом; и в сталинское время философия для него — это реакция достоинства жизни перед лицом антижизни.

В МГУ Мамардашвили сблизился и на долгие годы подружился с очень талантливыми людьми Зиновьевым, Грушиным, Щедровицким. Они основали во второй половине 50-х годов объединение под ироничным названием «Кружок диалектических станковистов». Потом их пути идейно разошлись, но уважительное отношение осталось.

Впрочем Мераб Константинович вообще умел дружить — с

Пятигорским, Лотманом, Неизвестным, Давыдовым, Зинченко. Они помогали, периодически давая возможность ему, отлученному от права на систематическое преподавание, читать курсы лекций по философии в Институте общей и педагогической психологии или во ВГИКе. Сотни людей стремились попасть на эти диалоги с Мамардашвили, во ВГИКе даже пришлось ужесточить пропускную систему, дабы отсечь желающих со стороны.

Кому посчастливилось слышать Мамардашвили, навсегда сохранят в памяти со-бытие его мысли и образ его личности. Он с внутренним волнением тщательно готовился к этим лекциям. Появлялся точно, неизменно элегантным и собранным, с неразлучной трубкой. И медленно расхаживая, вел беседы, о которых знала вся интеллектуальная Москва. Мамардашвили олицетворял в себе новое сознание и новое мышление, проникнутое страстной заботой о настоящем и будущем. Его волновала не культура и история сами по себе, а человек в культуре и в истории. Человек, который должен постоянно превосходить себя, чтобы быть самим собой. Мамардашвили выполнял уникальную роль посредника-медиатора между философией, методологией науки и психологией, педагогикой.

На его лекциях и книгах выросло поколение современных философов образования, психологов и педагогов.

Школа Рерихов

В начале 90-х годов в российское образование вошли или вернулись философии образования, педагогические системы, которые развивались на Западе и Востоке на протяжении XX века, но были по идеологическим соображениям отторгнуты от советской школы.

Среди них особое, даже исключительное место занимает школа Рерихов. Здесь все привлекало напряженное внимание — уникальные личности Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов; развиваемое ими необычное учение новой этики Агни Йоги; интересный опыт деятельности школ Рерихов в Индии.

Очень заманчивым выглядело в пространстве российского образования соединить педагогические традиции Запада и Востока, Европы и Азии; убедить учителей, учащихся, родителей в том, что главное — «в осиянности личности нравственным светом, льющимся от разных религий и определяющим ее движение в поисках идеала».

Неудивительно, что в разных городах страны создаются негосударственные рериховские школы. Их основателями являлись, разумеется, люди, глубоко уверовавшие в живую этику, для кото-

рых учение Рерихов стало смыслом жизни. Зачастую, они не создавали отдельных школ, а вели факультативы, мастерские. В принципе педагогическая составляющая учения Рерихов понятна и гуманна. Это признание неповторимости каждой детской индивидуальности; стимулирование ее самораскрытия и самосовершенствования; придание решающей роли мудрому наставнику. В основу содержания образования ставилось проникновение через «достоверное познание» в «Тонкие Миры». Для этого предусматривались такие приоритеты, как естественные науки, прикладные знания, обучение ремеслам, навыкам изобретательства. Огромная, даже решающая роль отводилась эстетическому воспитанию, художественному творчеству.

Однако многих все же настораживала теософская, эзотерическая сущность живой этики, ее базирование на идее переселения душ, противоположной православию, акцент на выявление мастером духовного — божественного ядра каждого индивида.

Да и чрезмерно экзальтированные адепты Агни Йоги вызывали неприятие, критичное отношение. Неслучайно их иронично называли «рерихнутыми».

1992

«Беды, что обрушились на нашу страну, наиболее болезненно отразились на положении образования. Коммунисты за семь десятилетий своего господства так и не смогли полностью сформировать систему ценностей, которая призвана составить основу культуры».

И.В.Кольченко

С.Л. Соловейчик

Так бывает, что по мере того как обжигающая лава современности перетекает в историю и в сумерках вылетает Сова Минервы, становится ясно, кем был в современной педагогике Симон Львович Соловейчик. Кем он для нее стал. При жизни к Соловейчику относились как к талантливому журналисту ярко выраженной социальной направленности, самобытному детскому (скорее юношескому) писателю.

И только после опубликования его «Последней книги», других произведений 90-х годов, становится совершенно очевидно — Соловейчик был крупным педагогическим мыслителем. Причем рассматривающим педагогику, школу, мир детства в целом как свое глубоко личное дело, за которое именно он, Симон Львович, несет постоянную персональную ответственность.

Эта составляющая и направляющая личности Соловейчика проявилась в нем с юности и вела на протяжении всей жизни.

Круглый отличник в школе и по жизни, выпускник филфака, старший вожатый, сельский учитель, затем журналист. Достаточно органично, без особой — до поры до времени — внутренней борьбы вписавшийся и в сталинское, и в хрущевское время. Наивный революционный романтик, ослепленный идеалами коммунизма, а затем убежденный адепт социализма с человеческим лицом. Никогда не являющийся открытым противником режима, диссидентом.

И в то же время мало кто так много сделал для внутреннего расшатывания авторитарной педагогики, как Соловейчик.

Здесь явно проступает два пласта.

Один связан с публикациями. Книга «Учение с увлечением» разворачивала педагогов к внутреннему миру ребенка, его подлинным мотивациям и интересам, побуждала строить преподавание на стимулировании познавательного интереса. «Час ученичества» порождал страстное стремление следовать подвижничеству педагогов прошлого. «Педагогика для всех», обращенная к родителям, объединяла социум на детоцентрических основах.

Другой пласт неустанной, но менее очевидной (тоже пока) деятельности Соловейчика в 60-80-е годы — это сопряжение людей, творчески работающих с детьми. Именно Симон Львович открывал тогда стране новые социально-педагогические феномены, например коммунарское движение и таких педагогов, как Сухомлинский. Складывается впечатление, что в первой половине 80-х годов Соловейчик объединял вокруг себя журналистов, учителей, педагогов-энтузиастов для какой-то ему самому неясной, более того пока невозможной цели.

Однако ситуация кардинально изменилась в конце 80-х годов и все, что оставалось втуне, стало явью. Учителя-новаторы, педагогика сотрудничества, реформа школы, Союз творческих учителей. И, конечно, вместе с В.Ф.Матвеевым «Учительская газета».

Вынужденный после отставки Владимира Федоровича с поста главного редактора уйти из «Учительской» Соловейчик в 1992 осуществляет самую заветную мечту: создает собственную газету «Первое сентября», которая сразу же обретает устойчивый круг читателей —педагогов-интеллигентов.

Он жил все эти годы, сжигая себя, на разрыв аорты. В день смерти в больнице прочитал и подписал номер газеты, оказавшийся для него последним.

Школа сотрудничества

Эта школа как конкретное образовательное учреждение так и не состоялось. Не осуществилась заветная можно сказать, хрустальная мечта Симона Львовича Соловейчика собрать в одной московской школе всех педагогов-новаторов. Чтобы в начальной школе работала Лысенкова, а затем литературу преподавал Ильин, труд и изо — Волков, музыку — Щетинин, физику и математику — Шаталов. Были задумки и по учителям других предметов. С родителями бы сотрудничали Никитины.

На рубеже 80-х — 90-х годов этот трудно разрешимый (хотя бы из-за проблем с квартирами) проект стал материализовываться. Нашли здание, договорились с городским руководством. Но

в итоге такой школы, где все без исключения учителя были бы крупными личностями, нестандартными людьми, не получилось. И нам остается лишь фантазировать, что из этого могло бы получиться.

Зато «Школа сотрудничества» успешно состоялась в значительно более широком масштабе. В обновляющемся российском образовании ее принципы составили ядро гуманистической педагогики. Напомним их: учение без принуждения, идеи трудной цели, свободного выбора, опережения, интеллектуального фона класса, личностного подхода, творческого самоуправления, сотрудничество учителей с детьми и сотрудничество с родителями.

1993

«Погубит ли нас свобода или даст достойную человека жизнь — решается не на баррикадах, а за партой, в классной комнате»
Б.М. Бим-Бад

О.С. Газман

Среди российских деятелей образования во все времена встречались педагоги, для которых учительство было даже больше, чем образом жизни, определяло и обусловливало саму их жизнь. Без Олега Семеновича Газмана (1936-1996) невозможно представить гуманистическую педагогику 1960—90-х годов. Он был другом, сотоварищем по совместной борьбе за ребенка В.Ф. Матвеева и С.Л. Соловейчика.

Военным ветром Олега Самойловича (такое его подлинное отчество) в пятилетнем возрасте занесло из Полоцка в Новосибирск, где в студенческие годы на философском отделении педвуза происходят его первые важные встречи (с Учителем — С.А. Шмаковым, женой) и закладывается профессиональная направленность личности.

Поэт, музыкант, композитор Олег Газман входит в «Союз одержимых», становится его психологическим лидером и бессменным старшим вожатым в летнем и зимнем лагере «Снежная республика». Уже здесь опробовались первые игровые формы — «Детский цирк», «Город мастеров».

После окончания института и недолгого директорствования в сельской школе судьба делает просто сказочный поворот. Из Верх-Каргатской совхозной школы Здвинского района Олег Семенович приглашается директором школы, а затем и зам. начальника управления по воспитательной работе Всероссийского пионерского лагеря «Орленок». Здесь в полной мере раскрывается и расцветает многогранный талант Газмана. Он и «Орленок» были созданы друг

для друга. Проводятся коммунарские смены, жизнь подростков наполняется коллективными творческими делами, романтикой.

«Орленок» Газмана настолько выигрышно смотрелся на фоне серых мероприятий, санкционированных ЦК ВЛКСМ, что конфликт стал неизбежен. И в 1967 г. после длительной проверки с карательным уклоном Олега Семеновича с «волчьим билетом» выгоняют из лагеря.

Чтобы прокормить семью не отличающийся крепким телосложением Газман трудится чернорабочим и даже грузчиком. На помощь приходит Сталь Анатольевич Шмаков, который приглашает своего опального ученика в Липецкий пединститут.

Постепенно жизнь налаживалась. В 70—80-е годы Газман, руководя лабораторией детской игры в НИИ общих проблем воспитания, становится в летнее время начальником пионерлагеря «Маяк» — самого знаменитого, даже культового в то время.

Сотрудники, вожатые, дети жили в лагере совместной захватывающей жизнью. «Маяк» славился своими историческими играми, которые никогда, ни на одной смене не повторялись. Здесь создавалась уникальная педагогика детского отдыха, игровая педагогика.

Во второй половине 80-х годов Газман оказывается в эпицентре обновления школьной жизни. Он возглавляет лабораторию гуманизации воспитания. На встречи с ним валят в полном смысле слова толпы педагогов. Олег Семенович рассказывал, показывал и... играл на баяне.

Газман всегда очень критично относился к своим научным публикациям, а ведь им была разработана теория и практика педагогической поддержки, деятельности освобожденного классного руководителя.

21 января 1996 г. праздновалось 60-летие Газмана с песнями, игровыми поздравлениями, орлятскими «выпендрежными» подарками. Казалось, не разорвать этот тесный круг. А 30 августа Олег Семенович ушел из жизни. Для гуманной педагогики это оказалась невосполнимая утрата.

Школа самоопределения личности

Под таким названием московская школа № 734 известна всей педагогической общественности. Ее директор Александр Наумович Тубельский еще в конце 80-х годов поставил целью создать школу реально, а не мнимо отвечающую интересам и потребностям детской личности. Причем не абстрактной, а конкретной — жителя мегаполиса.

Первым естественным, но очень сложным шагом стало духов-

ное освобождение и педагога и ученика. Ведь без этого невозможно никакое подлинное самоопределение личности.

Для осуществления такой вдохновляющей задачи пришлось если и не разрушить, то существенно потеснить «священную корову» нашего образования — классно-урочную систему.

Уже в начальной школе ученики начинали делать первые шаги по индивидуализации познавательной деятельности. Нащупывать робко свой жизненный путь, Богом вложенную и предопределенную миссию.

Затем по мере взросления количество обязательных предметов все более сужается, да и изучаются они преимущественно методом погружения, который предполагает не только образовательное, но творческое, эмоционально-смысловое вхождение в проблему, проживание и переживание материала. В старших же классах обучение осуществляется по индивидуальному плану, который составляет и реализует сам ученик.

Но в этой удивительной школе не только изменили технологию образования, а решительно трансформировали содержание, трактуя его как выращивание личности учителя и ученика. Этому благоприятствует и созданная в школе среда, где имеются кабинеты — лаборатории для работы над самостоятельно выбранными темами и проектами, а также творческие мастерские.

Однако все же собственно образовательный процесс выступает скорее внешним выражением жизни этой школы-республики. Здесь бурно действует школьный совет и даже суд чести, подготавливают членов гражданского общества и правового государства.

1994

«Интерес к образованию, признающему личность выше политических, идеологических и прочих ценностей, естественен для общества, уставшего от бесконечных прений по поводу мифических моделей будущего, государственных, партийный и прочих идеалов, в которых человеку нет достойного места».

В.В. Сериков

Г.П. Щедровицкий

Имя Георгия Петровича Щедровицкого (1928-1994) становится широко известно педагогической общественности на рубеже 80-х и 90-х годов. 1994 год стал для него рубежным. Выходит в свет многострадальная книга «Педагогика и логика», чей набор был рассыпан в 1968 г. как реакция на события в Чехословакии. И завершается жизненный путь этого философа, психолога, педагога и методолога.

Последнее определение является ключевым в трактовке как профессионального, так и жизненного пути Георгия Петровича.

Интерес к методологии как особой сферы научной деятельности сформировался у выпускника философского факультета МГУ Щедровицкого в начале 60-х годов. Создается Московский методологический кружок, где лидерами являлись такие оригинальные мыслители, как Пятигорский и Лефевр.

Хотя формы заседаний с течением времени и менялись, но рамка была задана сразу. Происходила тщательная работа над классическими текстами. Возникало напряженное интеллектуальное поле вокруг доклада, посвященного осмыслению текста — то, что стало называться системномыследеятельностью (СМД).

Щедровицкий и его сторонники были убеждены, что мышление является самостоятельным и особым видом деятельности, более того — мышление, мыслительный процесс материальны.

В то время это имело принципиальное значение. Партийной

моноидеологии и идеологическим мифам жестко противопоставлялось Истинное Знание, базирующееся на классических образцах. Неудивительно, что в ММК стремились те, кто не мог жевать идеологическую жвачку, но и не находил в себе сил встать в оппозицию власти. Привлекала и сама аура заседаний, участники которых перетекали из комнаты, в которой проходил доклад, в зал ресторана «Прага», где обсуждение продолжалось.

Все это было прекрасной школой интеллектуального развития. Но уже к середине 80-х годов обнажился определенный кризис — нарастала схоластика. В методологическое сообщество приходили молодые, полные амбиций интеллектуалы, а выходили пожилые, ворчливые неудачники.

В 80-е годы Щедровицкий делает новый ход: начинаются организационно-деятельностные игры (ОДИ). Их было проведено несколько десятков. А пик приходится на конец 80-х — начало 90-х, когда наступает методологическая эйфория. Разворачивается издание методологических журналов, книг, сборников, которые идут нарасхват.

Во всех регионах доморощенные методологи, наскоро овладев приемами ОДИ, стали проводить игры, получая за это большие деньги.

С середины 90-х годов методологическое движение резко идет на спад. И связано это было не только со смертью Георгия Петровича — фигуры, несомненно, харизматической. В изменившейся ситуации в российском образовании появились новые ориентиры, например, культура. И системномыследеятельность выглядела без апелляции к идеологии уже избыточным анахронизмом.

Свободная вальдорфская школа

Знаменательным событием в отечественном образовательном пространстве стало появление в Москве в начале 90-х годов вальдорфской школы в Стремянном переулке.

Созданию школы предшествовала серьезная подготовительная работа. Уже в конце 80-х годов в России получили свое распространение идеи Р. Штайнера, начали возникать первые детские студии, где использовались элементы вальдорфской школы. Но только после организации в 1992 г. Свободной вальдорфской школы под руководством А.А. Пинского произошла окончательная материализация в России этой модели.

Открытие школы произошло только благодаря подвижническому движению навстречу друг другу германских педагогов вальдорфских школ и отечественных неофитов.

В результате в мрачной тогда социальной атмосфере появилась праздничная, с ярко окрашенными стенами школа, где были введены эвритмия, изучение народных ремесел и другие характерные черты вальдорфской школы.

Однако со временем жизнь внесла свои коррективы. Школа стала государственной, а значит, неизбежно вынужденной выполнять установленные требования. И все же и содержание, и дух вальдорфской педагогики по-прежнему сохраняется. А спектакли школьного театра, особенно «Скрипач на крыше» с большим сопереживанием смотрят не только в Москве, но и приглашают на гастроли в различные страны Европы.

1995

«Хочется надеяться и верить, что фундаментом обновленной педагогики станет вековая мудрость русского народа и его основа — православие»

В.М.Мальцева

В.В. Давыдов

Российское образование богато своими самородками. Таким был и Василий Васильевич Давыдов (1930-1998) — равно талантливый в профессиональной деятельности и в жизни.

Он окончил психологическое отделение философского факультета МГУ в 1953. И, по свидетельствам его однокашников, был студентом уникальным. Пользуясь терминологией самого Давыдова, он пришел в университет уже «сложившимся полноценным субъектом учебной деятельности».

Ему посчастливилось послушать лекции, поучиться, да и, главное, творчески пообщаться со всеми великими отечественными психологами — учениками Выготского. Но, пожалуй, наиболее сильное влияние на него оказали П.Я.Гальперин и философ Э.В.Ильенков.

В 1959 г. происходит счастливая встреча Д.Б.Эльконина и В.В.Давыдова. Позднее они руководят лабораториями в составе одного отдела (Давыдов — лабораторией младшего школьного возраста). В качестве плацдарма для исследований была выбрана 91-я московская школа. Именно здесь родилась образовательная система Эльконина—Давыдова.

В 1973-1982 годах Давыдов работает директором Института общей и педагогической психологии РАО. Воистину это было «золотое время». Вокруг Василия Васильевича собирается молодежь, которая затем станет маститыми учеными: Слободчиков, Рубцов, Громыко, Эльконин, Цукерман.

А сам директор решительно поднимает и возвышает рамку на-

учной деятельности. Давыдов приглашает в Институт гонимых властями Арсеньева, Библера, Мамардашвили, Михайлова, Щедровицкого. Они руководили исследованиями, читали курсы лекций, участвовали в потрясающих дисскуссиях. Их объединенными усилиями была издана прорывная тогда книга «Философско-психологические проблемы развития образования».

За все это последовала расплата. В 1983 г. В.В.Давыдова исключили из стройных рядов КПСС «за систематические грубые нарушения принципов подбора и расстановки кадров, выразившихся в приеме на работу лиц с чуждыми политическими взглядами». Пришлось оставить и свои любимые детища — лабораторию психологии учебной деятельности и экспериментальную школу № 91.

Но Давыдова невозможно было сломать, он с головой уходит в творческую работу и разрабатывает особый тип содержания образования — проектно-деятельностного, исследует давно волновавшую его проблему развития детского воображения.

С конца 80-х — в 90-е годы начинается новый взлет В.В.Давыдова — по стране идет его система обучения в начальной школе, обогащается теория и практика развивающего образования, направленного на культивирование детской разумности.

Человеку фантастической работоспособности, выдающегося организаторского таланта и дерзкого конструктивного ума было немудрено надорваться под махиной дел и планов. Всю жизнь он не расставался со школой и фактически умер в одной из опекаемых сибирских школ.

Василий Васильевич Давыдов являлся духовным и идейным центром опережающего развития образования, учителем учителей, просветителем в высшем смысле этого слова.

Школа «Универс»

В конце 80-х годов три смельчака — ректор Красноярского университета В.С.Соколов, декан психолого-педагогического факультета В.А.Болотов и молодой, вышедший из университетской среды директор школы И.Д.Фрумин решают создать образовательное учреждение, не имеющее тогда аналогов — лабораторную школу при университете. Замысел состоял в том, чтобы собрать в одной школе ярких педагогов, носителей передовых идей и технологий, причем иногда противоположных.

Так зародилась школа «Универс», где не просто давались серьезные и разнообразные знания, а простраивалось поле педагогического конфликта. Однако понимаемого не в виде скандала в

учительской, а в качестве включения учителей и учащихся в диалог различных теорий, концепций, подходов. Выработки у них позиции — относиться к вариативным идеям не по принципу исключения, а по принципу дополнительности.

Неслучайно именно в этой школе возродился эксперимент по развивающему образованию после разгрома его в Москве и Харькове. И тогда пока опальный В.В.Давыдов заложил традиции проводить ежегодные конференции «Педагогика развития», собиравшие психолого-педагогическую элиту. А параллельно осуществлялся проект Фрумина — создание подлинно демократической школы.

В последнее время реализуется новый интересный и перспективный проект — «Школа взросления» (ее еще называют «Школой возраста») . Задача состоит в том, чтобы обеспечить ученику условия для полноценного прохождения каждого возрастного интервала. Только прожив и изжив его, «сняв» все, что соответствует данному возрасту, ребенок делает следующий шаг.

1996

«Захлестнувшая педагогику волна различных инноваций — это ответ на потребность в изменениях. Понятно, что во многом старые учебники сегодня безнадежно устарели. Как говорится: новые времена, новые песни, новые герои».

А.В. Толстых

Е.А. Ямбург

Вряд ли найдется в нашей стране, если не учитель, то директор, который бы хоть раз не слышал о Евгении Александровиче Ямбурге. Автор педагогического бестселлера 1996 г. книги «Школа для всех», цикла статей, а теперь и монографии о культурно-исторической педагогике, редактор-составитель масштабного издательского проекта «Антологии духовного выстаивания и преображения», блестящий лектор. Доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО, Заслуженный учитель России.

Более того, как только в 90-е годы намечалась смена министра образования, то среди самых оптимальных кандидатур всегда фигурировало имя Ямбурга. Ему постоянно делались и делаются предложения занять ту или иную высокую должность.

И так же непременно Евгений Александрович отказывается. Это вызывает у власть имущих недоумение, раздражение, обиды,

Действительно странно, что этот «академик и герой, мореплаватель и плотник» , к тому же обладающий солидной «начальственной» внешней фактурой, уже четверть века работает директором пусть и необычной, но совсем непривилегированной школы на окраине Москвы, рядом с кольцевой дорогой. Но это так.

Выходец из учительской семьи, блестящий студент истфака, самый молодой (в 25 лет) директор московской школы периода застоя — это тоже Ямбург. И вместе с тем сложная, взрывчатая натура, классный руководитель, выдвигавший перед своими питомцами острые нравственные вопросы, режиссер школьного театра, где ставили Окуджаву, Стругацких, других не очень жалуемых в 70-е годы писателей и поэтов. И наряду с этим — рачительный хозяйственник, умело обустраивающий свою школу, которое лето без отпуска занимающийся ремонтом. В июле Ямбурга можно всегда было застать в школьном подвале в сапогах и комбинезоне.

Результатом всего этого и явился Образовательный комплекс № 109,

который ученики гордо именуют «Ямбург-сити». И по праву. В этом городе 5 прекрасно отремонтированных зданий: школы и детский сад, своя поликлиника, занимающая целый этаж. На территории комплекса расположен автосервис и знаменитая конюшня с десятками лошадей и пони. Добавьте еще два корабля и яхта, на которых в каникулы ученики пускаются в экологические экспедиции по Волге.

Вот такая «школа для всех», где осуществляется продуманная «точечная» индивидуализация траектории развития каждого ученика. Действуют коррекционные, гимназические и лицейские классы. В полной мере воплощается в жизнь лечебная педагогика.

Все это вместе в диссертации Ямбурга именуется как «модель адаптивной школы».

Московская школа Монтессори

Гуманистическая педагогика Марии Монтессори победно шествует по миру уже почти век. В 10-е-20-е годы небольшие островки Монтессори-педагогики существовали и в России, но затем более чем на 60 лет над этими идеями колыхалась трава забвения.

С начала 90-х годов в России вновь начали появляться Монтессори-школы и сейчас их число (имеется в виду, конечно, группы, классы) колеблется около 700. Все они одновременно и одинаковые и разные — по уровню оснащения, преподавания.

Несомненно лучшей, пилотной школой являлся УВК 1641, что в Выхино, именовавшийся Московским Домом Монтессори.

Здесь удалось, прежде всего трудами научного руководителя школы Е.А.Хилтунен и педагога Е.Литвак, создать уникальную среду, где причудливо перекликались принципы Монтессори-педагогики и коммунарские коллективные творческие дела.

Некоторых этот причудливый симбиоз раздражал, казался отходом от традиции. Но все относительно. Ведь главное — это счастье детей. А такой результат в школе достигался. Питомцы в первой половине дня занимались по системе Монтессори, играли, читали книги. А во второй — готовились к различным праздникам, занимались творчеством. Подчеркнем, что все группы были не только разновозрастные, но и интегративные: вместе со здоровыми детьми занимались больные. К сожалению, в 1998 году школа после острого конфликта с руководителями образования была закрыта. И что особенно обидно — формальным поводом послужило то, что воспитанники УВК закончили начальную школу и были готовы дальше обучаться в школе Монтессори, как это происходит на Западе. Но такого нарушения типологии образовательных учреждений власти перенести не смогли.

1997

«Следует отметить массовое нежелание выпускников университетов, институтов, академий работать по той специальности, которая была выбрана при поступлении в вуз».

В.А. Попков

В.П. Зинченко

В истончающемся культурном слое российского образования сохранились, к счастью, люди, которые судьбой призваны выполнять сложную и ответственную миссию — держать высокую планку уровня исследований, публикаций, выступлений. И здесь значение личности Владимира Петровича Зинченко переоценить трудно.

Казалось бы, он изначально вытянул счастливый билет: рождение в семье известного харьковского психолога П.Зинченко, ученика Выготского, ввело Владимира Петровича в узкий круг «выготчан». Учителем Зинченко в психологии, да и в жизни стал А.В.Запорожец, с которым у него сложились близкие, доверительные отношения. Достаточно рано и ярко заявил Зинченко о себе своими первыми публикациями. Связаны они были с проблематикой зрительного образа.

Но на самом деле все обстояло далеко не гладко. Долгие годы Владимир Петрович не имел в Москве своего угла, был прописан в подвале Института психологии на Моховой.

Да и саркастичный, никогда не скрывающий своей позиции психолог не всем был удобен. До прямых репрессий (все же не те были времена) дело не доходило, но приходилось вынужденно менять места работы, даже «сыграть в ящик» — работать в закрытом НИИ по проблемам инженерной психологии. А однажды вечером, 31 августа 1982 г., то есть на кануне учебного года, Зинченко без объяснения причин «вышибли» с должности заведующего кафедрой психфака МГУ.

Конечно, в итоге все как-то улеглось и пришло в благополучное, заслуженное русло. Владимир Петрович в 90-е годы был увенчан всеми положенными званиями — академика РАО, председателя экспертного совета ВАКа.

Именно во второй половине 90-х годов выходят его книги, обозначившие новое психолого-биографическое направление. Монографии и статьи, посвященные Шпету, С. Рубинштейну, Ухтомскому, Мамардашвили. Удивительная книга о Мандельштаме. А также работы с крупномасштабными замыслами — «Человек развивающийся» и «Поэтическая антропология».

Все это особая — культурно-историческая психология, во многом отблеск от тех встреч и дружб, которыми так была богата жизнь Зинченко. В итоге, ему — философу, эпикурейцу — как хранителю традиций уготована миссия интеллектуального одиночества — крайне мало оставалось людей, с которыми можно было бы общаться на равных, учиться у них.

Неслучайно весь наполненный особым светло-щемящим «одесским» юмором Владимир Петрович так любит строки Давида Самойлова:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.
Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно,
Как нас чествуют и как нас жалуют.
Нету их. И все разрешено.

Культурологический лицей

Среди инновационных образовательных учреждений второй половины 90-х годов особое место занимает Московский культурологический лицей.

Это в полном смысле авторская школа, выращенная ее директором Татьяной Борисовной Михайловой, не похожа ни на одну из существующих у нас школ. Как не могут быть похожи яркие человеческие индивидуальности.

В работе лицея явно ощущается два взаимосвязанных, но специфичных пласта. Обучение строится на серьезных, даже фундаментальных культурологических основах. Изучаются древние и современные языки, много специальных курсов и семинаров. Да и преподавание всех предметов педагоги (в основном молодые

интеллектуалы и интересные мужчины) осуществляют в особом, если и не строго культурологическом, то гуманитарном ключе.

Однако главное не в том или ином наборе изучаемых предметов. По-особому строится процесс преподавания — в его основе самостоятельная творческая работа лицеистов над различными проектами. Особенно поражает проблематика таких проектов по литературе. Это темы дипломных работ и диссертаций.

Несомненно, на всем облике и строе лицея благодатно сказалось многолетнее сотрудничество с Виталием Соломоновичем Библером, Школой диалога культур.

Уникальность лицея и в его издательской деятельности. Вряд ли найдется еще одно среднее учебное заведение, которое издает три журнала, ученые записки, выпускает 5-6 книг в год.

1998

«Меняются ценности — меняются нормы — меняются цели воспитания. При этом вполне естественны определенные запаздывания, когда общество чувствует, что ценности сменились, а система образования не отразила этот факт изменением целей воспитания».

Н.Д. Никандров

А.Г. Асмолов

Августовский кризис 1998 г., больно поразивший все сферы российской жизни, отозвался гулким эхом и в образовании. Смена главы правительства привела к отставке министра образования Тихонова. Новым министром стал В.Филиппов. Это в общем-то не вызвавшее особого резонанса событие запомнилось громким уходом с поста первого замминистра образования Александра Григорьевича Асмолова. Он объявил об этом в присущей ему эмоциональной манере по телевизору, охарактеризовав новое руководство министерства как коммунистическое.

До сих пор точит червь сомнения, правильно поступил тогда Асмолов или же ради общего дела ему надо было остаться в Министерстве. Тем более что «коммунистическая ангажированность» В.Филиппова оказалась явно преувеличенной.

И все же уход Асмолова явился, несомненно, знаковым. На протяжении десяти лет, которые он провел при всех пертурбациях на посту замминистра, ему удавалось удерживать образовательное ведомство в определенном культурно-историческом дискурсе. Обусловлено это было во многом личностью Александра Григорьевича, спецификой его формирования.

Юношеские годы прошли в писательском дачном поселке Красная Пахра, в доме мужа сестры — замечательного писателя Тендрякова. Здесь и произошла судьбоносная для Асмолова встреча с А.Леонтьевым, который настоял на его переводе с биофака МГПИ на факультет психологии МГУ.

Впрочем, самобытному мыслителю, с ярко выраженной поэтической направленностью достаточно сложно было вписаться в официальные рамки. Асмолова ректорат МГУ ни в какую не хотел брать в аспирантуру. И Леонтьеву с большим трудом удалось устроить его на скромную должность ассистента. За 30 лет Александр Григорьевич прошел весь необходимый путь, став член-корреспондентом РАО, профессором, заведующим кафедрой психологии личности.

Но в контексте российского образования XX века А.Г.Асмолов остался своими министерскими свершениями. Его стараниями была реанимирована идея вариативного образования. Создана служба практической психологии. Ему удалось достичь того, что фигура школьного психолога больше не напоминает улыбку Чеширского Кота: улыбка есть, а кота нет.

Людям же, не имеющим прямого отношения к образованию, образ Александра Григорьевича не расторжим с его телевизионными выступлениями в стиле эмоционально обожженной правды.

Школа Александра Лобка

Сетуя о том, как же мало появилось во второй половине 90-х годов новых ярких образовательных учреждений, да и педагогов-новаторов, все разговоры в итоге сводят к Александру Лобку.

Оригинальный философ, историк, политолог и культуролог, автор монографии «Антропология мифа» Лобок зарекомендовал себя как самобытный педагогический мыслитель.

В основе его системы лежит идея вероятностного обучения. Он реализовал ее сначала в одном классе екатеринбургской школы, а затем и в рамках начальной школы, директором которой Лобок является.

Под мало что говорящим названием «вероятностное образование» скрывается очень необычная школа, которую и школой-то можно назвать условно. Здесь отсутствуют жесткая программа и учебный план. В основе — принцип творческой неопределенности, вероятностной различности. А само образование, покоящееся на событийной основе, строится как цепь незапланированных событий. Так удовлетворяется тяга ребенка к свободе, реализуемая в пространстве культуры. Конечно, все эти положения выглядят не совсем ясно, но с этим надо смириться, поскольку такой эффект и предполагается. Главное же — подтолкнуть детей к творческой деятельности, направить их по неповторимой траектории развития. Причем, хотя общей программы и нет, дети хорошо овладевают необходимыми умениями. А уж какие творческие работы (прозу, стихи, рисунки) они создают...

1999

«Ныне в условиях небывалой свободы и столь же оглушительной экономической зависимости, в стране зарождается новая энергия и задачи деятелей культуры и образования — направить ее на созидание».

Л.В. Тодоров

Ш.А. Амонашвили

Хорошо, что мы, пусть и поздно, научились понимать значение не только тех, кто создавал честь отечественному образованию в прошлом, но и сегодня составляет его гордость.

Место, которое занимает Шалва Александрович Амонашвили, уникально — это великий педагог, самобытный духовный мыслитель, навсегда прописанный и укорененный в Мире Детства.

Сейчас невозможно представить, что Амонашвили мог посвятить себя другой профессии. Однако в юности он писал незаурядные стихи (и даже имел среди сверстников почетное прозвище Поэт), мечтал стать журналистом. И его, окончившего школу с золотой медалью, должны были без экзаменов принять в Тбилисский университет. Но судьба перевела невидимые стрелки и Шалва Александрович неожиданно становится востоковедом, изучает персидский (кстати и сейчас наизусть в подлиннике читает Омара Хайяма).

И параллельно с учебой с 18 лет начинает работать в школе, приступает к главному делу своей жизни.

В 1970-е — 80-е годы Амонашвили становится самым известным и уважаемым педагогом в стране. Он создает уникальное научно-производственное педагогическое объединение. В него, кроме экспериментальной школы №1 им.Ушинского, в которой лаборатория экспериментальной дидактики Амонашвили более двух десятков лет вела творческие поиски, и Института педагогических наук им.Гогебашвили, возглавляемого Шалвой Александро-

вичем, входили две сельские школы, детский сад, профессионально-техническое училище, школа искусств и спортивный комплекс.

Педагоги-подвижники под руководством Амонашвили разработали новую систему обучения в начальной школе, особенно изучения русского и родного языка.

А учителя страны взахлеб читали выходящие одна за другой мудрые книги Шалвы Александровича «Здравствуйте, дети!», «Как живете, дети?», «Единство цели». Перенимали приемы учителя: ответ на ухо, «секретные письма» ученикам, преднамеренные ошибки —особый методический прием, развивающий критичность ума, внимательность, веру в свои силы.

Неудивительно, что в конце 80-х — начале 90-х годов Амонашвили становится признанным лидером Творческого союза учителей.

Однако распад СССР, приход в Грузии к власти Гамсахурдия ставит крест на деле жизни Амонашвили. Его обвиняют в русификаторстве и лишают всего — института, лаборатории, школы. Он вынужден покинуть Грузию. Это был удар тяжелейший, но не сломивший Шалву Александровича — человека, наделенного редким сочетанием качеств: ярким талантом, жизненной наивностью (большой ребенок) и несгибаемым упорством в достижении выстраданных целей.

Во второй половине 90-х годов Амонашвили вместе с Д.Д.Зуевым издает многотомную «Антологию гуманной педагогики», публикует фундаментальные «Беседы о гуманной педагогике» и создает новое направление «Школу жизни».

Меняется и его мировоззрение — существенное место теперь занимает вера в вечность мира духовного и души человека, Бога как Абсолюта.

Когда общаешься с Шалвой Александровичем — человеком воссиявшим — становится легче на сердце. Жива еще великая отечественная педагогическая традиция — напряженного внимания к личности ребенка, стремления наставить его на крестный путь, расширить и возвысить духовные смыслы. Педагогика любви, красоты и доброты.

Центр комплексного формирования личности

Ни об одном образовательном учреждении в том году столько не спорили, сколько о расположенной в кубанском селе Текос, что вблизи Геленджика, школе, возглавляемой Михаилом Петровичем Щетининым. Впрочем, такие острые дискуссии кипели и вокруг других комплексов, руководимых в разное время Щетининым, — в Ясных Зорях, селе Зыбкое, станице Азовской.

Причем в страстно высказываемых суждениях превалируют две непримиримые крайности. Для одних Центр в Текосе — провозвестник гуманистической педагогики XXI века, школа жизни. А сам Михаил Петрович — гениальный педагогический мыслитель. Для других — все это опасная тоталитарная секта, где манипулируют судьбами детей, подрывая их душевные и физические силы. Руководитель же центра — самозванец, баянист с заочным музыкально-педагогическим образованием.

Летом 1993 г. 12 учителей и 40 воспитанников разбили палатки на окраине села Текос и начали строительство школы. Сейчас руками взрослых и детей создан уникальный комплекс, напоминающий древнерусское поселение. Он состоит из изящных теремов, опоясанных галереями и верандами.

Под стать и жизнь этой школы-улья. Здесь нет классно-урочной системы: уроков, звонков, расписания, отметок. Вместо этого разновозрастные группы от 8 до 16 лет, работающие над заинтересовавшими их проблемами в режиме погружения.

Результаты поражают — в десять лет ученики заканчивают девятилетку, в двенадцать — студенты.

Большое место в центре уделено овладению приемами русского единоборства, русским песням и пляске. Все строится на манер казачьей общины. Сам же Щетинин имеет звание войскового старшины. На 240 учеников приходится 167 студентов вузов и 70 дипломированных учителей-воспитателей. Все обучают всех — девятилетний мальчик может быть консультантом в группе намного старших его по возрасту.

Добавим к этому напряженный производительный труд — в Центре действует цех по изготовлению строительных блоков, лесопилка, соевые и рисовые поля, пруды.

Что же такое центр Щетинина — русская национальная школа, где происходит за закрытыми, наподобие монастырских, стенами возрождение духовности, или действительно губительный эксперимент? Ответ мы получим уже в XXI веке.

1900-2000

Контекст

«Нам бросался на плечи век-волкодав» — горестно заключил поэт. И действительно, XX столетие явило потрясенным гражданам России все возможные социальные катаклизмы: сокрушающие революции, страшные войны, ставившие под угрозу независимость страны, дважды совершившийся скоропалительный распад державы. Крушение монархии, крах либерализма в 1917 г., запрет оппозиционных партий, а в 1991 г. запрет самой КПСС. Миллионы заключенных в лагерях, массовые депортации «народов-предателей», погромы, голод, унесший десятки миллионов жизней, изгнание из страны цвета русской философской мысли, преследования инакомыслящих, верующих. «Великий перелом» хребта российского крестьянства в коллективизацию. Утверждение моноидеологии — «единственного верного учения». Разрушение и вымывание целых пластов культуры, утрата идеалов.

И вместе с тем превращение России в супердержаву, индустриализация страны, Великая Победа, подъем национального самосознания и горький опыт духовного выстаивания. Прораставшие сквозь асфальт тоталитаризма ростки подлинной литературы Пастернака, Ахматовой, Булгакова. Духовный подвиг русской эмиграции — Набокова, Шмелева, Ильина, — осознававшей себя не в изгнании, а в послании.

Школа, как любящая дочь России, прошла с ней через все мыслимые и немыслимые испытания. Учителя воевали, обеспечивали выборы, выполняли план хлебозаготовок, проводили подписку на займы, сдавали кровь. А главное, каждое утро XX века входили в класс и говорили самую важную из возможных фраз: «Здравствуйте, дети!».

Образовательная политика

Понятно, что образовательная политика на протяжении века менялась неоднократно — каждый режим стремился заказывать свою «педагогическую поэму». Впрочем, встречались и лакуны, когда никакой четкой образовательной политики не осуществлялось.

В целом можно выделить четыре основные политики: центрация на консервирующей, верноподданно-воспитательной направленности педагогического процесса; акцент на преобразующий,

активный (мировоззренческий, атеистический, материалистический, диалектический) дискурс образовательной деятельности; приоритетность овладения школьниками прочного компонента базовых знаний и умений, необходимых для поступления в вуз; включение школьников в предпрофессиональное обучение, в общественно полезный, производительный труд.

Лишь одна образовательная политика реально никогда не осуществлялась — строящаяся на приоритете интересов ребенка, родителей, общества.

Идеи

Судьба оказалась все же благосклонна к российскому образованию. В конце века в него влились те философские, религиозные, психологические, педагогические идеи, которые до этого жестко отсекались по идеологическим соображениям.

А в первой четверти XX века отечественная педагогика была открыта миру. Реализовывался принцип: «все флаги в гости к нам». Таким образом, на круг можно констатировать: ни одна из действительно крупных и продуктивных мировых идей не обошла «как косой дождь» нашу педагогику.

Но вне всяких влияний и заимствований, несмотря на жестокие ветры беспощадного времени, развивалась и транслировалась отечественная педагогическая традиция, базирующаяся на неоднородном российском менталитете. Это школа, основанная на таких идеях как социальная направленность, внимание к личности ребенка при установке на коллективные формы воспитания, неприятие дифференциации и индивидуализации обучения. Правда, несмотря на страстные порывы, так и не удалось поймать синюю птицу — создать русскую национальную школу.

Судьбы

Подвижники и мечтатели, борцы за выполнение директив и толстовцы, вечные декабристы без декабря. Православные педагоги, коллективисты, сторонники твердых ЗУНов, адепты развивающего обучения и свободного воспитания. Марксисты и космисты, школоцентристы и приверженцы социальной педагогики. Мир российского образования XX столетия был густо населен, личностно насыщен.

Судьбы отечественных педагогов сложились по-разному. Их изгоняли из страны (Гессен, Зеньковский, Ильин), расстреливали в сталинских застенках (Бубнов, Гастев, Пинкевич, Пистрак, Шохин), гноили в лагерях (Ионин, Крупенина, Руднев). Безжа-

лостно отлучали от любимого дела (Амонашвили, Крупская, Макаренко, Шацкий). Выдавливали во внутреннюю эмиграцию, лишали возможности публиковаться (Вентцель, М. Рубинштейн). Облыжными обвинениями и преследованиями сокращали жизнь (Блонский, Выготский, Газман, Давыдов, Матвеев, Соловейчик, Сухомлинский). Не было только одного — возможности полной самореализации, выполнения до донца своей жизненной миссии.

И все же вопреки всему гуманистическая педагогическая традиция не только выстояла, но и развивалась. Ее становой хребет на протяжении века определяла духовная эстафета: Каптерев — Гессен — Сухомлинский — Амонашвили.

Школы

Век причудливо то расширял, даже распахивал, то жестко сужал многообразие типов и видов образовательных учреждений. В первой четверти XX века и в 90-е годы царило их настоящее многоцветье. Реализовывались модели школ учебы, труда, свободного воспитания, самореализации личности. Еще больше было видов: коммуны, общины, станции, гимназии, лицеи, комплексы. Школы частные и конфессиональные. Там, где сохранялось Пространство Детство и лютовало педагогическое насилие.

Даже когда признавалась только единообразная школа, директорам и педагогам удавалось придать ей особое выражение. При послаблениях же расцветали авторские школы. Если проводить во времени и пространстве ряд наиболее значимых школ, то выстраивается такой стержень: Медведниковская гимназия Недачина — Первая опытная станция Шацкого — Павлышская школа Сухомлинского — Образовательный комплекс №109 Ямбурга.

Наследие

XX век в истории образования, как и в целом в истории человечества, оставил великое наследие. По отношению к педагогике, школе вообще складывается ощущение, что все возможные слова о воспитании и образовании уже сказаны, смыслы явлены и прояснены, продуктивные технологии апробированы. Неслучайно к концу столетия явно наступила повторяемость одних и тех же понятий, слов, идей. Чувствовалась усталость культуры.

Что же касается свершенного за это столетие отечественными педагогическими мыслителями, учеными-педагогами, психологами, учителями, то , несомненно, была сформирована фундаментальная и уникальная педагогика российской школы, имеющая в лучших образцах всемирное значение.

В России педагогам воистину надо жить долго. И не только, чтобы дождаться осени и увидеть, как плодоносит их сад, но и «жить после жизни» — получить от потомков святую благодарность.

Время все расставило на круги своя. По гамбургскому счету воздав подлинным подвижникам гуманистической педагогики и жестко указав место тем, кто на конъюнктурной волне взмывал на педагогический олимп.

Главным же уроком стал оптимистический вывод: школа в России вечна, педагогический потенциал неисчерпаем. Нам есть чем гордиться. У нас были замечательные педагоги, прекрасные школы. У нас была великая эпоха!